

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІНІҢ
"ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ"

"ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ" КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОСАЯСАТ ЖӘНЕ
БІРЕГЕЙЛІК**

Халықаралық ғылыми-практикалық
конференцияның еңбектер жинағы
1 бөлім

**ЭТНОПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ
В КАЗАХСТАНЕ**

Сборник трудов международной
научно-практической конференции
Часть 1

Алматы
2024

УДК 1/14
ББК 87.3
Қ 18

*Рекомендовано к печати Ученым Советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МНВО РК*

Посвящается 30-летию Ассамблеи народа Казахстана

Под общей редакцией

Сейдуманова С.Т., академика НАН РК,
доктора социологических наук, профессора;

Шаукеновой З.К., академика НАН РК,
доктора социологических наук, профессора

Редакционная коллегия:

Шайкемелев М.С.-А. – доктор философских наук,
ассоциированный профессор

Булуқтаев Ю.О. – доктор политических наук, доцент

Дунаев В.Ю. – доктор философских наук, профессор

Кан Г.В. – доктор исторических наук, профессор

Курганская В.Д. – доктор философских наук, профессор

Шаукенова З.К. – доктор социологических наук, академик НАН РК

Қ 18 Қазақстандағы этносаясат және бірегейлік. Халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның еңбектер жинағы. 1 бөлім. **Этнополитика и идентичность в Казахстане.** Сборник трудов международной научно-практической конференции. Часть I. – Алматы: ИФПР КН МНВО РК, 2024. – 300 с.

ISBN – 978-601-304-147-6

В сборник трудов международной научно-практической конференции Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК включены доклады и статьи ведущих казахстанских и зарубежных ученых – антропологов, историков, политологов, социологов и философов. Авторы сборника посвятили свои доклады и статьи исследованию проблем межкультурного и межэтнического взаимодействия, формирования казахской и казахстанской идентичности, миграции, этнической и гражданской идентификации, мультикультурализма, трайбализма, и другим аспектам нациестроительства в Казахстане и различных странах мира.

Сборник предназначен для казахстанских ученых, преподавателей, студентов, докторантов и магистрантов, а также адресован широкой общественности, интересующейся проблемами этнополитики, формирования гражданской и этнической идентичности, межэтнических отношений и национального строительства.

** Сборник научных трудов подготовлен и опубликован в рамках научного проекта финансируемого Комитетом науки МНВО РК ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).*

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN – 978-601-304-147-6

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XX века в связи с переходом страны к рыночной системе, основанной на принципах частной собственности, свободы личности и конкуренции, Казахстан вступил в новую историческую эпоху. Этот период сопровождался значительными изменениями в политической, социальной, правовой, культурной и других сферах жизни общества. Мировоззрение людей претерпело кардинальные изменения в отношении ценностей, норм, личных и общественных установок.

Социально-экономическое развитие Казахстана происходит под сильным влиянием внешних факторов, которые играют определяющую роль в становлении субъектов рынка. Глобальные информационные и коммуникационные сети и технологии искусственного интеллекта, финансовые потоки, миграция трудовых ресурсов и товары мирового капиталистического рынка, контролируемые транснациональными корпорациями, делают границы национальных государств проницаемыми и иногда эфемерными. Беспрецедентное давление культурного глобализма ограничивает возможности формирования глобальной культуры как диалога и, зачастую, способствует росту сопротивления «периферии» «центру». Это приводит к столкновениям и конфликтам культур, которые не являются ни единственно возможной, ни необходимой альтернативой разнообразию и сотрудничеству культурных миров.

В условиях кризиса традиционного типа мировоззренческой идентичности и наступления культурного глобализма современный человек поставлен перед необходимостью самостоятельно вырабатывать свою собственную индивидуализированную многомерность.

Процессы глобализации оказывают значительное влияние на все сферы общественной жизни. Национальные экономики адаптируются к требованиям глобального рынка и его ключевых игроков. Политические реформы проводятся с обязательным принятием во внимание влияния международных демократических институтов и организаций. Реформы в системе высшего образования направленные на интеграцию страны в мировое образовательное пространство, также не могут избежать участи практически полного глобального партнерства и системных заимствований образовательных программ. Внешняя политика формируется с неоспоримым учетом позиций и обязательств перед партнерами по международным союзам и различных геополитических акторов, зачастую, находящихся в непримиримом противоборстве.

Обретение Казахстаном независимости стало катализатором актуализации этнических оснований самоидентификации личности и, как следствие, этнической сегментации общества. В этот период особенно важно обеспечить социальную стабильность, которая должна основываться на балансе интересов различных этнических групп, социальных субъектов и политических сил, а также, на своевременном разрешении возникающих проблем, противоречий и конфликтов с использованием предусмотренных законом механизмов и средств.

Межэтнические отношения являются той областью межличностных и межгрупповых взаимодействий, которые подвержены рискам субъективного и объективного характера, способных самым негативным образом сказаться на устойчивости казахстанского общества. В период модернизации экономической и политической системы данные риски связаны:

- с характером современного состояния страны, находящейся на переломном этапе своей истории, преодолевающей традиционные формы общественной жизнедеятельности и утверждающей себя полноправным субъектом в обществе цивилизованных стран;

- с отсутствием демократических политических традиций, незрелостью созданных социальных институтов, ментальными особенностями культуры и ценностными ориентациями различных этнических групп;

- со значительной, а иногда и гиперболизированной значимостью личностного фактора;

- с многообразием историко-культурных традиций, обычаев народов, населяющих Казахстан, предпочтений и амбиций их лидеров, способных существенно влиять на повышение уровня неопределенности в системе человеческих отношений;

- с уровнем экономического и социального неравенства, оказывающего существенное влияние на характер взаимоотношений между государством и обществом;

- с состоянием морально-психологического климата в обществе;

- с неравномерным развитием регионов Казахстана, что создает диспропорцию в социальном положении

различных групп общества и может обострить до степени антагонизма противоречия между ними;

- с активизацией деятельности религиозно-экстремистских групп в Центральной Азии и Казахстане.

В результате либерализации рынка традиционные ценности, нормы и институты, а также социально-ролевые стереотипы оказались под беспрецедентным давлением, что сделало опыт прошлых поколений почти неприменимым в качестве стратегии достижения жизненного успеха. Вследствие этого сформировалась глубоко деформированная ценностно-смысловая структура массового этнического, гражданского, нравственного и национального самосознания.

В обществе уже разрушены или находятся на грани исчезновения традиционные ценностно-смысловые иерархии и приоритеты, но при этом еще не сформированы духовно-нравственные установки, соответствующие динамике современного мира. В такой ситуации адаптация поведения человека к принципам экономического прагматизма, основанным на либеральной демократии, которые нивелируют и подавляют культурно-историческое своеобразие традиционных национальных ценностей, неизбежно приводит к обесцениванию сферы осознанных мотивов, оценок, способности самостоятельно определять цели и задачи своих действий, ответственной нравственной рефлексии и т.д. Это способствует развитию нигилизма, безразличия и других способов отрицания гуманистических основ гражданского общества. Поэтому исключительно криминальные или бытовые конфликты быстро перерастают в межэтнические стол-

кновения, свидетельствуя о том, что все вышеперечисленные риски необходимо иметь в виду при проведении эффективной этнополитики.

В наших социологических исследованиях в предыдущие годы респонденты выделяют несколько факторов, которые негативно сказываются на межэтнических отношениях. К числу их относятся: усложнение социально-экономического положения населения; очень медленно складывающийся и еще не везде ставший конструктивным диалог между обществом и властью; провокационная деятельность отдельных лиц, распространение масс-медиа и социальными сетями сфабрикованных новостей, предвзятых и тенденциозных комментариев; недостаточно эффективные образовательные и законодательные технологии укрепляющие идеологию равенства всех этносов перед законом и государством; демонтаж традиционных морально-этических норм, принципов, ценностей и др.

Этносоциальные процессы крайне вариативны и имеют, как правило, нелинейный характер. Предвидеть заранее, какой именно фактор станет определяющим в их развитии, очень сложно, но именно поэтому исследование и управление этносоциальными процессами должно носить системный и упреждающий характер.

Сборником научных трудов 2024 г. мы открываем работу над проектом «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (грант КН МНВО РК № AP23489872). В сборнике трудов международной научно-практической конференции представлены работы как казахстанских, так и зарубежных

ученых из Великобритании, Германии, Грузии, Италии, Польши, Турции, Финляндии, Франции. Предметом их исследования являются проблемы миграции, идеологической ориентации, этнической и гражданской идентификации, мультикультурализма, трайбализма, межкультурного и межэтнического взаимодействия, казахской и казахстанской идентичности и другие аспекты нациестроительства в Казахстане и различных странах мира.

В последующие 2025 – 2026 годы работы над проектом наблюдение за протекающими этносоциальными и этнополитическими процессами будет по-прежнему, осуществляться учеными Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО, в том же режиме мониторинга. В фокусе исследования будут находиться процессы взаимодействия и интеграции/ дезинтеграции этнических групп четырех южных областей Казахстана – Алматинской, Жамбылской, Жетысуской и Туркестанской. Изучение социально-экономических, политических, этнокультурных и религиозных стратегий этнических групп Юга Казахстана будет направлено на поиск зон и факторов наибольшего межэтнического напряжения и путей их наиболее эффективной нейтрализации в контексте совершенствования государственной этнополитики на местах.

На основе изучения зарубежного опыта будет осуществляться анализ применимости концепций и методик межэтнических исследований в отечественном научном дискурсе; с помощью полученных социологических

данных будут разработаны прогнозы межкультурного и межэтнического взаимодействия на Юге Казахстана на ближайшую перспективу; будут определены социальные, культурно-исторические, динамические и статистические факторы, порождающие и поддерживающие этнические стереотипы; будут разработаны научно-практические рекомендации по дальнейшей адаптации и интеграции кандасов в казахстанское общество; будет дана оценка тенденций изменения неравенства доходов во взаимосвязи с изменением уровня этнической фракционализации в Казахстане на ближайшую перспективу; будут раскрыты причины и факторы использования в СМИ «языка вражды»; разработана классификация дискриминационных коммуникативных практик в СМИ Казахстана.

Мониторинговое исследование межэтнических отношений и управленческих технологий местных административных органов в местах компактного и смешанного проживания этнических групп Юга Казахстана, определение факторов и зон интеграции/дезинтеграции позволит разработать научно-практические рекомендации для местных управленческих структур государства и оптимизировать процессы формирования общенациональной идентичности.

NATION-BUILDING КАК ОБЪЕКТ «ТЁМНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»¹

*Сейдуманов Серик Турарович,
Шаукенова Зарема Каукеновна*

Одной из наиболее приоритетных тем в работах Мухтарбека Сейд-Алиевича Шайкемелева является проблематика нациестроительства. В этой связи будет уместно в настоящем юбилейном сборнике обратиться к анализу ряда современных концепций Nation-building, рассматривающих эти процессы в новом и достаточно спорном ракурсе.

Что такое «Тёмная антропология»

По определению профессора антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Шерри Ортнер «Тёмная антропология» (Dark Anthropology) – это антропология, которая делает акцент «на неприглядных сторонах социальной жизни (власти, господстве, неравенстве и подавлении), равно как и на субъективном восприятии этих сторон в форме депрессии и безнадежности» [1, с. 1]. Концепция тёмной антропологии (а также «тёмной этнографии», «тёмной истории» и т.п.) является формой реализации критически-рефлексивных установок

¹ Исследование проведено в рамках проекта финансируемого КН МНВО РК – научная программа ИРН BR18574231 «Научно-методологические основы нациестроительства в Казахстане: оценка современных условий, тенденций и проекционных/оценочных моделей развития полиэтнического общества».

современной социогуманитарной теории на глобальное распространение с 1980-х гг. неолиберализма как «новой и куда более бесчеловечной» [Там же, с. 2] формы капитализма, разрушающей социальную сферу, экономику и культуру, подрывающей нравственные устои общества и национально-государственный суверенитет. Особенности предмета исследований тёмной антропологии отражены в названии книги П. Бурдьё и его коллег «Тяжесть мира. Социальное страдание в современном обществе» [2]. Авторами этого социологического исследования фиксируется массовое крушение идеологических представлений о современном либерально-демократическом обществе как системе вертикальной мобильности, политического и социального равенства, правопорядка, достойной жизни.

Теоретико-методологическими основами и вместе с тем идеально-типическими примерами «тёмной теории» являются работы К. Маркса и М. Фуко, в которых реализовалась установка на восприятие социального мира «почти исключительно в терминах власти, эксплуатации и хронического всепроникающего неравенства» [1, с. 8]. Наиболее рельефным выражением и последовательной реализацией установок политэкономии неолиберализма стали «рейганомика» в США и «тэтчеризм» в Великобритании, направленные на максимальное урезание всех программ социальной поддержки населения и на всемерное ограничение роли государства в регулировании рынка.

«Тёмная антропология» фиксирует и исследует связь политики неолиберализма с умножением и

масштабированием форм применения государственного насилия над своими собственными гражданами. Об этом, в частности, пишет Роджер Н. Ланкастер в своей статье «Республика страха: Усиление карательного правления в Америке» [3]. Р. Ланкастер показывает, что карательное управление является не эксцессом и не вынужденной мерой, вызванной форс-мажорными обстоятельствами, но имманентной логикой экономической рациональности и политической культуры неолиберализма. Примером современного «тюремного государства» (М. Фуко) Р. Ланкастер считает США. При этом не только в силу их мирового лидерства по абсолютному числу заключённых и по их доле в населении страны, и не только потому, что многие тюрьмы в США приватизированы и функционируют как коммерческие предприятия. Суть дела в том, что в США, по мнению Р. Ланкастера, «раздутая тюремная система является источником норм для системы управления в целом» [ibid., p. 63] и для дизайна социального пространства повседневной жизни.

Одной из иллюстраций превращения неолиберального социума в «тюремное государство» является архитектура новых зданий и жилых комплексов, которые, реализуя «эстетику безопасности», стали походить на тюрьмы благодаря их окружению высокими стенами, частной охраной и системами видеонаблюдения. Сета Лоу отмечает: «Жизнь за воротами усиливает чувство, что люди, которые живут вовне, опасны или злонамеренны. Это социальное разделение существовало всегда, но стены и ворота усиливают социальные различия» [4, p. 35]. Тереза Калдейра называет «городом стен» бра-

зийский Сан-Паулу [5]. Майк Дэвис показывает, что «тюремная эстетика» стала преобладать в архитектуре Лос-Анжелеса, распространяясь по всему городу [6]. Та же перевернутая модель открытого публичного и изолированного тюремного пространства характеризует и архитектуру жилых комплексов бизнес-класса и элитных домов в городах Казахстана.

Тёмная антропология исследует как процессы креативной адаптации, встраивания традиционного менталитета, в том числе и менталитета значительной части населения либерально-демократических государств Запада, в структуры глобального неолиберального миропорядка, так и стратегии сопротивления императивам неолиберализации и «отсоединения» от системы нового «либерального империализма» (Р. Купер). Как отмечает Ш. Ортнер, многие люди цепляются за устои прежних форм жизни, за идеологемы социального равенства, социальной справедливости, вертикальной мобильности, солидарности и т.д., хотя они уже не действуют в дивном новом мире неолиберальной цивилизации.

Данная констатация означает, что nation-building во вновь приобретённом значении и весьма специфическом использовании этого термина (о чём пойдёт речь ниже) по своей сути, объективно является привилегированным полем исследований Тёмной антропологии. Однако до сих пор, насколько нам известно, представители этого течения современной культурной и социальной антропологии не включали идеологию и практику неолиберального nation-building в предметную область своих исследований. В этой связи в настоящей статье пред-

принимается попытка прояснить механизмы и оценить теоретико-методологическую легитимность конверсии nation-building из предмета политологического, социологического, культурологического дискурса в технологию неолиберальной имперской геополитики и в объект Тёмной антропологии.

*Национальное строительство как упражнение
в империализме в постколониальную эпоху*

Как отмечает Кэролин Стивенсон, национальное строительство имеет значение, но то, что подразумевается под национальным строительством, имеет ещё большее значение [7]. В случае с позднейшей концептуализацией этого термина национальное строительство становится эвфемизмом для внешнего вмешательства во внутренние дела суверенного государства. «В новом видении строителей глобальной империи США – империи добра-демократии-свободы, либеральной империи – ключевое место принадлежит нацибилдингу – nation building – т.е. строительству на месте сегодняшних рыхлых, неустойчивых и неотформатированных, с американской точки зрения, стран («старых» «национальных государств» или «наций ООН») демократических либеральных наций по единому образцу» [8]. В проведённом Д. Доббинсом для RAND Corporation в 2003 г. исследовании национальное строительство определяется как «применение вооружённой силы в постконфликтный период для обеспечения устойчивого перехода к демократии» [9] государств, признанных несостоятельными. В отношении этих госу-

дарств необходима разработка и реализация различных сценариев для их перестройки в демократические нации – от «терпеливого менеджмента», дипломатии и финансирования НПО до применения вооружённой силы. В докладе RAND Corporation проведён анализ реализации сценариев национального строительства с применением вооружённых сил, реализованных США в Германии, Японии, Сомали, Гаити, Боснии, Косово и Афганистане.

Теоретическое обоснование этой интерпретации понятия национального строительства провели известный американский политолог Френсис Фукуяма и помощник министра обороны Великобритании Роберт Купер [10], [11]. Профессор Техасского университета Джереми Сури в своей книге «Самый надёжный страж свободы: американское национальное строительство от основателей до Обамы» [12] утверждает, что возложение США на себя миссии национального строительства по всему миру неизбежно, естественно, разумно и вытекает не только из защиты национальных интересов США, но из характера американцев и их опыта как народа. Этот характер и этот опыт, по словам Майкла Игнатъеффа, порождают веру американцев «в своё право и моральную обязанность править миром» [13]. То есть для легитимации нового смысла теории и практики национального строительства привлекаются аргументы из арсенала этнологии и антропологии, основанные на анализе особенностей менталитета, мировоззрения, убеждений, верований определённой человеческой популяции.

Что подразумевается под национально-государственным строительством, ведущимся в отношении «Failed

and Failing States», проясняется в одноимённой речи, произнесённой министром иностранных дел Великобритании Джеком Струом в Европейском Исследовательском Институте (Университет Бирмингема) 6 сентября 2002 г. – в преддверии годовщины событий 11 сентября 2001 г. в США и за полгода до вторжения коалиционных вооружённых сил в Ирак. В несостоявшихся или разваливающихся государствах (государствах-неудачниках, государствах-банкротах, недогосударствах и т.д.) – повествовал в своей речи министр в терминах, как бы заимствованных из лексикона Тёмной антропологии, – «непрекращающийся страх и опасность насильственной смерти» делает жизнь их населения «одинокой, бедной, отвратительной, зверской и короткой» [8]. Мало того. Эти государства несут прямую угрозу безопасности свободного мира и вредят психологическому самочувствию их граждан. Поэтому несостоятельность государства неправомерно рассматривать как локальную или региональную проблему. Предотвращение банкротства государств и возрождение тех из них, которые терпят неудачу, должно стать одним из стратегических императивов политики стран Запада в наше время и на неопределённо длительную перспективу: «Ужасные события 11 сентября дали нам представление о возможном будущем. Будущем, в котором против нас совершаются невыразимо злые действия, координируемые несостоявшимися государствами в отдалённых частях мира. Если мы хотим избежать повторения, то международные действия по предотвращению банкротства государства являются нашей задачей на сегодня и на века» [14].

Обозреватель The New York Times Томас Фридман писал в номере этой газеты за 2003 г.: «Я стану ощущать себя в ужасной опасности, если нам не удастся поставить Ирак на путь прогресса» [8]. О такого рода «ужасной опасности» в обобщённой форме и позабыв о необходимости соблюдения политкорректности говорил и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель в своей речи в Брюгге на открытии Европейской дипломатической академии: «Европа – это сад... это наилучшая из когда-либо созданных человеком комбинаций политической свободы, экономического процветания и социального сплочения... Остальной мир, большая часть других стран мира – это джунгли. А джунгли могут совершить вторжение в сад» [15]. «Мы привилегированные люди», но поскольку «сад» не может огородить себя непроходимой стеной, то для предотвращения вторжения «джунглей» следует принять превентивные меры: «Нужно, чтобы сад вышел в джунгли» [Там же] для их апгрейда по своему образу и подобию. С этой целью, как предлагает Дж. Струу, следует не ждать банкротства незападных государств, но везде, где это только возможно, вести по отношению к ним политику упреждающего регулирования и неусыпного надзора. Для проведения такой политики «У нас в распоряжении есть целый ряд инструментов. Некоторые из них предназначены для развития – предоставление прямой помощи, списание долгов, наращивание институционального потенциала и реформа сектора безопасности. Некоторые из них носят дипломатический характер, включая применение политического давления, между-

народного посредничества и международных соглашений... А некоторые носят более принудительный характер, такой как санкции и прямые военные действия» [14].

Дж. Строу утверждает, что для предотвращения опасности, которую несёт с собой существование несостоявшихся и терпящих крах государств, недостаточно применения механизма постколониального международного права, зафиксированного в Уставе ООН. Ведь это право основано на доктрине государственного суверенитета, запрещающей вмешательство во внутренние дела государства. Между тем многие постколониальные страны не следует рассматривать как суверенные государства, если их правительства «не способны мобилизовать коллективную волю для вмешательства в распад государства» [Там же]. Разумеется, решение о том, способны или не способны национальные политические элиты предотвратить распад своего государства, и следует ли считать то или иное государство суверенным, принимают «привилегированные люди», продолжающие и в постколониальную эпоху нести на себе «Бремя белого человека». В рамках этого весьма специфического использования термина национальное строительство становится формой неоколониального цивилизаторства. Nation-building сводится к внешнему регулированию и опосредованному управлению государствами, расцениваемыми как дисфункциональные или как несостоявшиеся [16, р. 4-6, 45]. При этом, как отмечает К. Стивенсон, «Аргументы относительно униженности процесса не должны быть оправданием для выхода из него» [7].

В Стратегии «Казахстан – 2050» Республика Казахстан позиционируется как «состоявшееся государство». Одна-

ко эта самооаттестация не должна вводить в самоуспокоение и порождать иллюзии о радужных перспективах нашей детерриторизации из «джунглей» и ретерриторизации в «цветущем саду» Западной цивилизации. В геополитических играх Казахстан вполне может быть и, при определённой констелляции комплекса обстоятельств, обязательно будет причислен к государствам, содержащим угрожающий потенциал превращения в Failing State. На этот случай, как пишет М. Игнатъев, наготове есть «имперский отряд, продвигающий американскую мощь и интересы в Центральной Азии» под лозунгом «облегчённого национального строительства» (Nation-Building Lite) как «упражнения в империализме» превратившегося в многомиллиардный бизнес [13].

К. Стивенсон отмечает, что политическое руководство США отводило прерогативы национально-государственного строительства в Ираке и Афганистане американским военным, считая вооружённые силы лучшим институтом для подготовки национальных лидеров, для обучения туземного населения культуре, основам права и гражданственности, городскому планированию и государственному управлению, экономике и этике, а также тому, как должно работать свободное, демократическое правительство. Такой подход лишил возможности участвовать в Nation-building даже большую часть Государственного департамента США, не говоря уже о самих иракцах и афганцах [7].

Руководители Лондонской школы экономики и политических наук Аднан Кхан и Андрес Веласко считают, что они нашли неоспоримый аргумент, опровергающий

подобного рода теорию и практику постколониального Nation-building, порождающего иллюзию самоуправления в сочетании с реальностью имперской опеки: «Национальное строительство – задача не для иностранцев. Было бы трудно найти исторический пример функционирующего и сплочённого национального государства, импортированного под дулом пистолета» [17]. С этим утверждением трудно не согласиться. Однако всё дело в том, что целью Nation-building является как раз *не допустить* возникновения инфраструктурно сильного и эффективного государства, сплочённого вокруг политической элиты, защищающей национальные интересы.

3. Бауман отмечает: «Слабые государства – это именно то, в чём новый мировой порядок (подозрительно похожий на новый мировой беспорядок) нуждается для своего поддержания и воспроизведения» [18, с. 106]. С точки зрения неолиберального фундаментализма формирование однополюсного мира следует расценивать как становление «справедливого, если не идеального, мирового порядка» [19, с. 592], основанного на ослаблении и ограничении роли национальных государств как политико-институциональной формы организации человеческих сообществ; на утрате ими ряда важнейших функций. Сама форма национального государства активно и целенаправленно вытесняется с исторической сцены ростом мощи и влияния транснациональных корпораций, превращается в подчинённый элемент неоимперского миропорядка [20]. И здесь в ход идут все средства, от дипломатии и мягкой силы до технологий манипуляции сознанием и ковровых бомбардировок.

Эндрю Хейвуд пишет: «...есть основания полагать, что эпоха наций подходит к концу... В ситуации экономической и культурной глобализации нации более не способны обеспечить ни коллективной идентичности, ни вообще чувства причастности к какому-то единому социальному целому» [21, с. 130, 153]. В Докладе, подготовленном в рамках Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) «Культурная свобода в современном мире» указывается, что задача построения национального государства с унитарной общенациональной культурной идентичностью, «основанной на разделяемом жителями страны ощущении общности истории, ценностей и убеждений», являлась «основным политическим проектом XX века» в сфере национально-государственного строительства [22, с. 55]. Новый политический проект, отвечающий реалиям XXI века и доминирующим мегатрендам глобализации, заключается в том, чтобы принцип отстаивания государственного суверенитета и укрепления общенациональной культурной идентичности был заменён на принцип политико-правовой легитимности гибридной, креолизованной, многослойной, «контекстуально-лабильной» идентификации, выходящей за пределы государственных границ [Там же, с. 107].

Стратегические цели Nation-building органически вписываются в общую логику неолиберальной модели глобализации, проложенную по вектору денационализации (Ю. Хабермас) или космополитизации (У. Бек, Д. Леви) национального государства. Транснациональные сети глобализации ставят государства в зависимость от имманентной аксиоматики денежных, трудовых, товар-

ных потоков мирового капиталистического рынка, преодолевающих границы национальных государств, культур, цивилизаций. Созданная в 1648 г. по завершении Тридцатилетней войны Вестфальская международно-правовая система независимых государств была основана на принципах суверенитета и национальных интересов. Сформированный в ходе развёртывания процессов глобализации неолиберальный миропорядок характеризуется многослойная система глобального управления, в которой суверенитет традиционного национального государства становится всё менее значимой величиной.

М. Хардт и А. Негри утверждают, что упадок национального государства, демонтаж национально-государственного суверенитета – «это структурный и необратимый процесс». Поэтому «было бы величайшей ошибкой испытывать какую-либо ностальгию по временам существования национальных государств или вновь проводить политику, основанную на принципе нации» [20, с. 313]. Это положение, являющееся прямым отрицанием не только прокламируемых целей и принципов, но и самого понятия национально-государственного строительства, выступает подлинной и вместе с тем «тёмной», скрытой за плотной оболочкой либерально-демократической риторики основой политической практики Nation-building.

Философское нациестроительство в политической антропологии постмодерна

Политическая антропология «стремится к описанию и анализу политических систем (структуры, процессы и

представления), свойственных обществам, считающимся примитивными или архаическими» [23, с. 13]. Из определения Ж. Баландье видно, что политическая антропология не связывает феномен *homo politicus* с существованием государства и его административно-политического аппарата. С точки зрения политической антропологии политика как отношение распределения власти между индивидами и общественными группами характеризует все типы обществ. Данное положение выступает основанием преобразования национального строительства из объекта политологии в объект политической антропологии.

В социально-политической теории традиционно полемизировали две нормативно-аналитические модели исторического генезиса и причинно-следственной логики соотношения национального и государственного строительства. Сторонники первой модели (Э. Смит, У. Коннор, И. Горовиц) утверждали, что национальные государства формируются в результате институционализации воли этнокультурного сообщества к политическому самоопределению. Согласно Энтони Смиту «государства сплывались вокруг доминировавших этнических сообществ и, в свою очередь, постепенно становились национальными» [24, с. 258]. Их оппоненты (Л. Актон, Э. Балибар, И. Валлерстайн, Э. Геллнер, Т. Неирн, Э. Хобсбаум) защищали прямо противоположную позицию: возникновение государства как исторически предшествует формированию нации (Иммануил Валлерстайн отмечает: «Вопреки широко распространённому мифу, почти во всех случаях именно появление государства предшествует появлению нации, а не наоборот» [25,

с. 96]), так и логически определяет процесс нациестроительства (согласно Лорду Актону, «государство может с течением времени создать нацию, но представление о том, будто национальность должна составлять и утверждать государство, противоречит природе современной цивилизации» [26, с. 44]).

Со временем в этой дискуссии возобладала примирительная, компромиссная установка. В.А. Тишков резюмирует её в следующих положениях: «Между государством и нацией всегда есть сложный диалог, который как бы закладывается самим началом их неразрывного существования. Иногда государство возникает раньше, как акт политического действия, а нация как воображаемая реальность появляется позднее. Иногда идея нации является орудием борьбы за государственность со стороны территориальных или этнических сообществ через разрушение имперских образований или через обычный сепаратизм» [27]. Таким образом, процессы нациестроительства и строительства государства могут протекать в разном ритме, или совершаться одновременно и взаимосвязано. Но в любом случае они предполагают и потенцируют друг друга.

Глобализация заставляет коренным образом пересмотреть принцип взаимоотношения национального и государственного строительства.

А.С. Панарин выделяет три уровня эволюционной динамики современного социально-политического мироустройства: глобальный (цивилизационный), национальный (национально-государственный), племенной (этнический). Эзотерическая идеология глобализма вы-

чёркивает средний термин силлогизма – государство-нацию с его ценностными системами, нормами и кодексами, смыкая постиндустриализм с трайбализмом, корпоративную мораль «граждан мира» с «прорвавшими наружу демонами племенной архаики» [28, с. 86]. Параллельно с демонтажем национально-государственных структур, созданных в эпоху классического модерна, разрушаются привычные способы национального самоопределения индивидов и социальных групп, и утрачивает свой классический смысл понятие нации.

Тем самым аналитика политических структур, процессов и представлений эпохи постмодерна парадоксальным образом актуализирует политическую антропологию как концептуальное моделирование общественных формаций, считающимся примитивными или архаическими. Закономерно, что бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру в своём анализе «каннибальских метафизик» [29] опирается на постфилософию Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В свою очередь, философия постмодернизма ищет в нациестроительстве, выведенном из-под юрисдикции национального государства, обоснование интеллектуального номадизма как способа легитимации своего дискурса.

Философско-политическая антропология постмодерна не только лишает национальное государство исторических перспектив, но и утверждает его несовместимость с мышлением как таковым: «Любая мысль – уже племя, она противоположна Государству» [30, с. 633]. При этом номадическая мысль не подчиняет себя моделям Истины, Справедливости, Права. Она «ссылается не на универ-

сального мыслящего субъекта, но, напротив, на сингулярную расу» [Там же, с. 636]. Этому племени-расе нет места в либеральных демократиях, «Ибо раса, которую призывают к себе искусство или философия, – это не та раса, что претендует на чистоту, но раса угнетённая, нечистая, низшая, анархическая, кочевническая, неизбывно находящаяся в меньшинстве» [31, с. 142]. Таким образом, лишая философской легитимности политические идеологии, опирающиеся на исторически сложившиеся институциональные формы национальной самоорганизации в виде национального государства, политическая антропология постмодернизма вынуждена легитимировать маргинальные или искусственно сконструированные типы общностей. Тем самым философское нациестроительство, ведущееся политической антропологией постмодерна, становится разновидностью Тёмной антропологии.

Некоторые выводы

Процесс нациестроительства традиционно рассматривался как важнейшая составляющая устойчивого развития и укрепления суверенитета национального государства, как механизм актуализации духовно-нравственных оснований политико-правовой общности его граждан. Однако вслед за В.В. Лапкиным следует задать резонным вопросом: «Существует ли вообще сегодня, в эпоху глобализации, нарастания трансграничных потоков, транснационализации экономики и финансов, возможность консолидации нации по традиционному образцу (предполагающему формирование автономно-

го национального рынка, национальной культуры и прочих атрибутов национального суверенитета)?» [32, с. 62]. В рассмотренных нами моделях нациестроительства эта возможность отвергается. Государство становится подчинённым элементом наднациональных режимов политического действия и функционирования рыночной экономики; гражданская и этнокультурная нации удаляются с всемирно-исторической сцены; система суверенных государств-наций перестаёт быть основой архитектуры глобального миропорядка.

Следование неолиберальной парадигме национального строительства ведёт к делигитимации и демонтажу государства-нации как политического реликта, нежизнеспособного и дисфункционального по отношению к имманентной аксиоматике денежных, трудовых, товарных, информационных потоков мирового капиталистического рынка. И всё же не существует фатальной предопределённости размещения нациестроительства в тёмной части спектра политико-антропологического дискурса. Оптимистическим ответом на вопрос В.В. Лапкина может послужить цитата из работы В.А. Тишкова: «Нынешний дискурс о возврате наций и национального государства – это ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием довольно строго организованной формы социальных коалиций в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые коалиции в форме суверенных согражданств никогда и не сходили с исторической арены три последних столетия. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (за-

частую с примесью этнонационализма или в симбиозе с ним) было и остаётся фундаментом успешного и безопасного существования той или иной страны» [33]. К этому суждению можно лишь добавить, что концептуальным ответом на вопросы, поставленные Тёмной антропологией, должно стать не воспроизводство традиционных моделей и идеологий, но формирование иной логики, разработка новых стратегий и инновационных социально-политических технологий нациестроительства.

Литература:

1. Ортнер Ш. Тёмная антропология и её другие: судьба теории после 1980-х годов // Логос. 2022. Том 32. № 2. С. 1-42.
2. Bourdieu, P. et al. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society* / P. P. Ferguson et al. (trans.). – Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. 646 p.
3. Lancaster, R. Republic of Fear: The Rise of Punitive Governance in America. *The Insecure American: How We Got Here and What We Should Do About It*, edited by Hugh Gusterson and Catherine Besteman, – Berkeley: University of California Press, 2009, pp. 63-76.
4. Low, S. A Nation of Gated Communities. *The Insecure American: How We Got Here and What We Should Do About It*, edited by Hugh Gusterson and Catherine Besteman, – Berkeley: University of California Press, 2009, pp. P. 27-44. <https://doi.org/10.1525/9780520945081-004>
5. Caldeira, T.P.R. *City of Walls: Crime, Segregation, and Citizenship in São Paulo*. – Berkeley, CA: University of California Press, 2001. 487 p.
6. Davis, M. *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles*. – N.Y.: Vintage Books, 1992. 488 p.
7. Stephenson, Carolyn. "Nation Building." *Beyond Intractability*. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information

Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: January 2005.
– URL: <http://www.beyondintractability.org/essay/nation-building>

8. Юрий Крупнов. Нацибилдинг. – URL: http://kroupnov.ru/5/59_1.shtml

9. Dobbins, James. Nation-Building: the Inescapable Responsibility of the World's Only Superpower. *RAND Review*. Vol. 27. No 2. Summer 2003. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/corporate_pubs/2007/RAND_CP22-2003-08.pdf

10. Nation-building: Beyond Afghanistan and Iraq / ed. by F. Fukuyama. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2006. 262 p.

11. Чибиркин Е.А. Концепции «nation-building» Ф. Фукуямы и Р. Купера и их значение для современной практики нацие-строительства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 118-122. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-118-122>.

12. Jeremi Suri. Liberty's Surest Guardian: American Nation-Building from the Founders to Obama. – New York: Free Press, 2011. 343 p.

13. Michael Ignatieff. Nation-Building Lite. *New York Times Magazine*, 28 July 2002. – URL: <https://www.nytimes.com/2002/07/28/magazine/nation-building-lite.html?ysclid=lydlfnj4yc144470589>

14. Jack Straw Speech On State Failure. – URL: <https://www.scoop.co.nz/stories/WO0209/S00082.htm>

15. Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями. – URL: <https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html?ysclid=lyj91e2v42727576604>

16. Chandler, David. International Statebuilding: The Rise of Post-Liberal Governance. – London and New York: Routledge. 2010. 232 p.

17. Velasco, A., Khan, A. Nation-Building 101. *Diplomatic Courier*. October 5, 2021. – URL: <https://www.diplomaticcourier.com/posts/nation-building-101>

18. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. 390 с.

19. Иноземцев В.Л. Расколота́я цивилизация. – М.: Academia-Наука, 1999. 724 с.

20. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Практикс, 2004. 440 с.

21. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

22. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. 2004. / Пер. с англ. – М.: Весь Мир. 328 с.

23. Баландье Ж. Политическая антропология. – М.: Научный мир, 2001. 204 с.

24. Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Практикс, 2002. С. 236-263.

25. Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Пер. с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. С. 83-102.

26. Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Практикс, 2002. С. 26-51.

27. Тишков В.А. Понимание нацистроительства в России в мировом контексте. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/va_tishkov.html

28. Панарин А.С. Испытание глобализмом. – М.: Русский Национальный Фонд, 2000. 382 с.

29. Кастру, Эдуарду Вивейруш де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии [Текст] / Эдуарду Вивейруш де Кастру; [перевод: Дмитрий Кралечкин]. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 199 с.

30. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; – М.: Астрель, 2010. 895 с.

31. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

32. Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // Полис. 2016. № 4. С. 54-64.

33. Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство. Почему это важно для России // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-nacziionalizm/> DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62

ОБ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ВЗАИМНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексеевко Александр Николаевич

Введение

В конце XX – начале XXI вв. в изучении миграционных связей Российской Федерации и Республики Казахстан доминировал сюжет эмиграции казахстанских русских в Россию. Тщательно рассматривались причины, мотивы эмиграции и т.д. Иные варианты развития миграционных процессов оставались на периферии исследовательских интересов. К таковым, по мнению автора, относится и миграция титульного населения Республики Казахстан на территорию Российской Федерации. История экономического, социального, культурного сосуществования русских и казахов, невзирая на политические катаклизмы периодически потрясающие постсоветское пространство, предполагает активизацию миграционного обмена между государствами.

Краткая история вопроса взаимной миграции: на примере Восточного Казахстана и Алтайского края в составе Российской империи

В конце XVI в. между Россией и казахскими ханствами значительно расширяются посольские, торговые связи.

В начале XVII в., в связи с вторжением джунгар в Северный Казахстан, казахи стали активно проникать на территорию России. После разгрома джунгар они начали осваивать освободившиеся сибирские земли, несмотря на противодействие российской администрации. Активный миграционный обмен наблюдался между Казахстаном и Алтайским округом. При этом основную массу переселенцев из Казахстана составляли казахи – 88% в период с 1865 по 1890 гг. [1].

Необходимо отметить следующую закономерность: русские переселенцы в казахских степях, казахские – в России в целом не являлись чужеродными вкраплениями в сложившуюся социально-экономическую, этнокультурную среду. Казахи становились земледельцами, ремесленниками. Русские так же перенимали элементы казахской культуры.

Основой взаимоотношений казахов и русских становится экономическая целесообразность. Попытки российских властей не допустить контакта русских крестьян с казахами, вывести казахов из крестьянских селений успехов не имели. Известны случаи когда русские крестьяне саботировали действия властей, а зачастую и препятствовали им в момент массового выселения кочевников. Причина в том, что середняцкие и бедняцкие хозяйства были вынуждены прибегать к трудовому найму. Выгоден был такой найм и для разорившегося кочевника. При этом многие из них заводили и самостоятельные хозяйства.

За всю полуторавековую историю Алтайского горного округа власти так и не смогли удалить казахов с его территории. Это подтверждают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года о размещении казахского населения на территории Томской губернии. Всего здесь

проживало 24,6 тыс. казахов. В основном они размещались в четырех округах: Барнаульском, Бийском, Змеиногорском и Канском [2].

Таким образом, в конце XIX в. ни русские в Казахстане, ни казахи в России не являлись каким-то чужеродным элементом. Несмотря на политику властей на разделение, недопущения контактов между народами, верх взял экономический рационализм.

Миграционные тенденции после распада СССР

Учитывая историю формирования населения в первой половине XX в., можно констатировать факт, что Казахстан стал одним из регионов с существенной долей русских в составе населения. Каждый вправе по-своему относиться к данному явлению, но бесспорно, что столь долгое сосуществование не прошло даром ни для казахов, ни для русских. Сложившееся двуязычие казахов предоставляло им определенный «миграционный шанс» в границах СССР, который был активно использован. Так, в 80-е годы XX в. межреспубликанская миграционная мобильность казахов была высока. При этом число выбывших в Российскую Федерацию превышало количество прибывающих из России в Казахстан. Динамика роста численности казахского этноса в России была в 1980-е годы на 15–20% выше, чем в Казахстане. Ведущим мотивом смены места жительства являлся, в основе своей, экономический интерес.

Данная тенденция прервалась в начале 90-х гг. XX в. по известным причинам. Инерция «эйфории суверенитета» не может быть долгой, так как противоречит логике экономической целесообразности сосуществования двух государств. Вопрос

лишь в том, когда и на какой основе возобновятся миграционные связи.

Одним из наиболее важных аспектов переезда в другую страну (на временной или постоянной основе) является знание языка этой страны. Казахи, в большинстве своем, владеют русским языком. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. русским языком владели 52,0% казахов [3]. В 1999 г., согласно материалам Казахстанской переписи населения, русским языком владели 75,0% казахов [4]. Данные переписи населения РК 2009 г. свидетельствуют о том, что свободно писали и читали на русском 79,1% представителей казахского этноса [5]. И, наконец, согласно данным переписи населения РК 2021 г. 84,5% казахов владеют двумя и более языками [6].

Важным моментом является и то, что значительная масса сельского казахского населения все более активно мигрирует в города. Можно предположить, что в городе личность становится более независимой, может принимать самостоятельные решения, находящиеся, чаще всего, в сфере социально-экономических интересов. Предсказать дальнейший ход действий таких групп населения очень сложно. Одним из вариантов является и международная трудовая миграция.

Заключение

Таким образом, миграционный потенциал Республики Казахстан, концентрирующийся в настоящее время в основном в казахской среде (во всяком случае, количественно), объективно имеет возможность активной реализации. Значительная часть населения осознает себя не только в пределах государственных границ Казахстана. Знание же русского, английско-

го и других языков является дополнительной мерой личной, экономической, социальной, карьерной свободы. Исторически сложившиеся тенденции экономической целесообразности, прошедшие испытание многими политическими коллизиями, рано или поздно будут определять суть взаимоотношений между государствами.

Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить ответственного редактора сборника трудов междисциплинарной научно-практической конференции по этносоциальным, идентификационным и миграционным проблемам профессора Шайкемелева за возможность участия в интересных дискуссиях, вносящих вклад в развитие казахстанской общественной науки. Поздравляю Мухтарбека Сейд-Алиевича с 60-летним юбилеем и желаю ему дальнейших творческих успехов и всех благ!

Зная, что данные сборники трудов издаются ежегодно и распространяются по казахстанским научным и университетским библиотекам, мне также, хотелось бы представить в виде Приложения мою презентацию «Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX – начале XXI в.: противоречия и риски», которая представляет из себя целый ряд статистических таблиц содержащих интересный и познавательный этно- и социально-демографический материал, который может быть полезен студентам, преподавателям и научным работникам.

Список использованных источников:

1. Моисеев В.А., Силина И.Г. Этнодемографические аспекты миграционного движения из Казахстана с середины XIX до начала XX вв.// Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Мат. Межд. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 24.
2. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 18-19.
3. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1984. – С. 116–117.
4. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.2: Население Республики Казахстан по национальности и владению языками. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. – Алматы, 2000. – С. 9–271.
5. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник. – Астана, 2010. – С. 81
6. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Бюро национальной статистики. – Астана, 2023. – С. 310.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Демографическое развитие Казахстана во второй
половине XX - начале XXI века

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1926, 1989 гг., тыс. человек

Этносы	1926		1989		1989 к 1926 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
Все население	6198,0	100	16464,5	100	265,6
казахи	3627,5	58,5	6534,6	39,7	180,1
русские	1275,8	20,6	6227,5	37,8	488,1
украинцы	860,0	13,9	956,2	5,8	111,2
немцы	51,1	0,8	957,5	5,8	1873,2
другие этносы	386,6	6,2	1788,7	10,9	462,7

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.8. Казахская ССР. М., 1928. С. 15-46, 126-15; Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7-9.

Таблица 2. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1926, 1939 гг., тыс. человек

Этносы	1926		1939		1939 к 1926 (%)
	Чис-ть	%	Чис-ть	%	
Все население	6198,0	100	6151,0	100	99,2
казахи	3627,5	58,5	2327,7	37,8	64,2
русские	1275,8	20,6	2458,7	40,0	192,7
украинцы	860,0	13,9	658,3	10,7	76,5
немцы	51,1	0,8	92,6	1,5	181,2
другие этносы	383,6	6,2	613,7	10,0	160,0

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.8. Казахская ССР. М.: 1928. С. 15-46, 126-153; Всесоюзная перепись населения 1939 г. ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 338-402

Таблица 3. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1939, 1959 гг., тыс. человек

Этносы	1939		1959		1959 к 1939 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
Всё население	6151,0	100	9294,7	100	151,1
казахи	2327,7	37,8	2787,3	30,0	119,7
русские	2458,7	40,0	3972,0	42,7	161,5
украинцы	658,3	10,7	741,3	8,0	112,6
немцы	92,6	1,5	659,8	7,1	712,5
другие этносы	613,7	10,0	1134,3	12,2	184,8

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 г. ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 338–402; Всесоюзная перепись населения 1959 г. ЦГАРК. Ф. 1568. Оп. 21. Д. 4.

Таблица 6. Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Казахстана в 1950 – 1990 гг., на 1000 населения

годы	родившиеся	умершие	естественный прирост
1950	37,6	11,7	25,9
1955	37,5	9,2	28,3
1960	37,2	6,6	30,6
1965	26,9	5,9	21,0
1970	23,4	6,0	17,4
1975	24,3	7,2	17,1
1980	23,8	8,0	15,8
1985	24,9	8,0	16,9
1990	21,7	7,7	14,0

Источник: Население СССР 1973. Статистический сборник. М., 1974. С. 74; Население СССР 1987. Статистический сборник. М., 1988. С. 116, 133; Демографический ежегодник СССР 1990. М., 1990. С.93, 101; Демографический ежегодник Казахстана. Алматы, 1996. С. 63, 74

Таблица 8. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1959, 1970 гг., тыс. человек

	1959		1970		1970 к 1959 (%)
	Чис-ть	%	Чис-ть	%	
Все население	9294,7	100	13008,7	100	139,9
казахи	2787,3	30,0	4234,2	32,6	151,9
русские	3972,0	42,7	5521,9	42,4	139,0
украинцы	741,3	8,0	933,5	7,2	125,9
немцы	659,8	7,1	858,1	6,6	130,0
другие этносы	1134,3	12,2	1461,0	11,2	128,8

Источник: Всесоюзная перепись населения 1959 г. ЦГАРК Ф. 1568.оп. 21. Д. 4; Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. с. 7-9

Таблица 9. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1970, 1979, 1989 гг., тыс. человек

	1970		1979		1989		1989 к 1970 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
Все население	13008,7	100	14684,3	100	16464,5	100	126,6
казахи	4234,2	32,6	5289,3	36,0	6534,6	39,7	154,3
русские	5521,9	42,4	5991,2	40,8	6227,5	37,8	112,8
украинцы	933,5	7,2	898,0	6,1	956,2	5,8	102,4
немцы	858,1	6,6	887,4	6,1	957,5	5,8	111,6
другие этносы	1461,0	11,2	1618,4	11,0	1788,7	10,9	122,4

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991, с. 7-9

Таблица 10. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг., тыс. человек.

	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
Все население	16464,5	100	14953,1	100	90,8
казахи	6534,6	39,7	7985,0	53,4	122,2
русские	6227,5	37,8	4509,6	30,2	72,4
украинцы	956,2	5,8	547,1	3,7	57,2
немцы	957,5	5,8	353,4	2,3	36,9
другие этносы	1788,7	10,9	1558,0	10,4	87,1

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 9; Национальный состав населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000. Т. 1. С. 5-8

Таблица 11. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1989–1999 гг., тыс. человек

Годы	Общий прирост	В том числе	
		Естественный прирост	Миграционный прирост
1989–1990	154,0	255,9	-101,9
1990–1991	102,8	234,5	-131,7
1991–1992	170,5	219,5	-49,0
1992–1993	22,1	200,8	-178,7
1993–1994	-43,3	160,0	-203,3
1994–1995	-263,3	145,9	-409,2
1995–1996	-135,2	107,5	-243,5
1996–1997	-120,4	87,1	-207,5
1997–1998	-262,0	72,3	-333,5
1998–1999	-144,0	60,2	-204,2
1989–1999	-518,8	1543,7	-2062,5

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Алматы, 1996. С. 5,63; Демографический ежегодник. Стат. сборник. Алматы, 1998. С. 8, 20; Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Алматы, 2005. С. 5

Таблица 12. Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Казахстана в 1990–2000 гг., на 1000 населения

годы	рожившиеся	умершие	естественный прирост
1990	21,7	7,7	14,0
1991	21,0	8,0	13,0
1992	19,9	8,1	11,8
1993	18,6	9,2	9,4
1994	18,2	9,5	8,7
1995	17,2	10,5	6,7
1996	15,9	10,4	5,5
1997	14,7	10,1	4,6
1998	14,8	10,6	4,6
1999	14,6	9,9	4,7
2000	14,9	10,1	4,8

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Алматы, 1998. С. 20-25; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Алматы, 2006. С. 152-153

Таблица 14. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1999, 2009 гг., тыс. человек

	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	Чис-ть	%	Чис-ть	%	
Все население	14953,1	100	16009,6	100	107,1
казахи	7985,0	53,4	10096,8	63,1	126,4
русские	4479,6	30,0	3793,8	23,7	84,1
украинцы	547,1	3,7	333,0	2,1	60,9
немцы	353,4	2,3	178,4	1,1	50,5
другие этносы	1588,0	10,6	1607,6	10,0	103,2

Источник: Национальный состав населения РК. Т.1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000. С. 6-8; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Краткие итоги. Статистический сборник. Астана, 2010. С. 11.

Таблица 15. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1999–2009 гг., тыс. человек

Годы	Общий прирост	В том числе	
		Естественный прирост	Миграционный прирост
1999–2000	-53,5	70,2	-123,7
2000–2001	-36,0	72,2	-108,2
2001–2002	-14,5	73,6	-88,1
2002–2003	15,8	77,8	-62,0
2003–2004	84,5	92,7	-8,2
2004–2005	117,8	120,7	-2,9
2005–2006	144,5	121,9	22,6
2006–2007	174,6	144,6	30,0
2007–2008	205,0	163,7	41,3
2008–2009	316,3	203,9	112,4
	954,5	1141,3	-186,8

Источник: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Алматы, 2006. С. 5, 152; Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. под ред. Айдапкелова Ж.С. Астана, 2017. С. 10.

Таблица 16. Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Казахстана в 2000–2010 гг., на 1000 населения

годы	рожившиеся	умершие	естественный прирост
2000	14,9	10,1	4,8
2001	14,9	9,9	5,0
2002	15,3	10,0	5,3
2003	16,6	10,4	6,2
2004	18,2	10,1	8,1
2005	18,4	10,4	8,0
2006	19,7	10,3	9,4
2007	20,8	10,2	10,6
2008	22,8	9,7	13,1
2009	22,1	8,9	13,2
2010	22,5	8,9	13,6

Источник: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Алматы, 2006. С. 152-153; демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник/Под ред. Айдапкелова Ж.С. Астана, 2017. С. 5

Таблица 18. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 2009 и 2021 гг., тыс. человек

Этносы	2009		2021		2021 к 2009 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
Все население	16009,6	100	19186,0	100	119,8
казахи	10096,8	63,1	13497,9	70,4	133,7
русские	3793,8	23,7	2981,9	15,5	78,6
украинцы	333,0	2,1	387,3	2,0	116,3
немцы	178,4	1,1	226,1	1,2	126,7
другие этносы	1607,6	10,0	2092,8	10,9	130,2

Источник: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Краткие итоги. Статистический сборник. Астана, 2010. С. 11; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Астана, 2023. С. 5-7

Таблица 19. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 2009–2021 гг., тыс. человек

Годы	Общий прирост	В том числе	
		Естественный прирост	Миграционный прирост
2009–2010	237,2	213,4	23,8
2010–2011	233,5	221,7	11,8
2011–2012	236,3	228,4	7,9
2012–2013	250,6	237,2	13,4
2013–2014	254,9	250,9	4,0
2014–2015	254,2	267,0	-12,8
2015–2016	248,3	267,7	-19,4
2016–2017	239,1	269,5	-30,4
2017–2018	238,2	261,3	-23,1
2018–2019	236,1	267,4	-31,3
2019–2020	241,8	269,2	-27,4
2020–2021	242,8	265,5	-22,6
2009–2021	2913,0	3019,2	-106,2
2021–2022	263,4	264,1	-0,7
2022–2023	178,2	270,4	-92,2

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Под ред. Айдапкелова Ж.С. Астана, 2017. С. 10; Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник. Гл. ред. Шаймарданов Ж.Н. Астана, 2023. С. 5.

Таблица 20. Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Казахстана в 2010–2021 гг., на 1000 населения

годы	родившиеся	умершие	естественный прирост
2010	22,5	8,9	13,6
2011	22,5	8,7	13,8
2012	22,7	8,5	14,2
2013	22,7	8,0	14,7
2014	23,1	7,6	15,5
2015	22,7	7,5	15,2
2016	22,5	7,4	15,1
2017	21,6	7,1	14,5
2018	21,8	7,1	14,7
2019	21,8	7,2	14,6
2020	22,8	8,6	14,2
2021	23,5	9,6	13,9

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник / Под ред. Айдапкелова Ж.С. Астана, 2017. С. 5; Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сборник/ Гл. ред. Шаймарданов Ж.Н. Астана, 2023. С 6

Таблица 22. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989 и 2021 гг., тыс. человек.

	1989		2021		2021 к 1989 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
Всё население	16464,5	100	19186,0	100	116,5
казахи	6534,6	39,7	13497,9	70,4	206,6
русские	6227,5	37,8	2981,9	15,5	47,9
украинцы	956,2	5,8	387,3	2,0	40,5
немцы	957,2	5,8	226,1	1,2	23,6
другие этносы	1788,7	10,9	2092,8	10,9	117,0

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7-9; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2021 г. в Республике Казахстан. Астана, 2023. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. С. 57.

ПОПЫТКА КВАНТОВОГО АНАЛИЗА «ТРАЙБАЛИЗМА»

Гзавье АЛЛЕЗ

С середины 1990-х годов термин «трайбализм» регулярно используется для описания дисфункциональной природы казахстанского общества. Его принятие носит преимущественно уничижительный характер и основано на дискурсе, который увековечивался с конца XIX века как экзогенными, так и эндогенными акторами. Однако эти упоминания о трайбализме редко основываются на глубоких исследованиях, позволяющих понять это явление и дать ему точное определение. Так же, как и антропологическое определение «рода», принятие трайбализма базируется на африканских моделях, что, в первую очередь, ставит проблему понимания особенностей социальной структуры, свойственной казахам, а также и современному Казахстану.

В научной литературе мы больше говорим о трайбализме, чем о племени. Племя/род больше не понимается в рамках его специфической организации как социальная, экономическая, территориальная и политическая единица, вмешивающаяся в местную или региональную сцену; оно заключено в рамки сетей, которые помещают его во все более сложный мир. Определения, данные трайбализму, всегда предполагают уточнение его области. В статье «Энциклопедии Universalis», посвященной

трайбализму, объясняется, что: «Понятие трайбализм охватывает явления и реальности настолько разные и настолько несопоставимые, что мы больше не знаем, относится ли оно к типу социальной структуры, которая, по-видимому, оправдывает его, или к конкретному явлению, более или менее независимому от конкретной социальной или исторической формации. Трайбализм относится к групповому (племенному) самосознанию, чувству принадлежности, а также социальной и культурной идентичности. Трайбализм выражает сложную реальность, одновременно культурную, идеологическую и политическую»¹. Семантическое поле трайбализма непрозрачно и расплывчато, и цель данной статьи – предоставить элементы анализа и понимания динамики, происходящей в Казахстане.

Трайбализм как родовое общество

Антропология сосредоточилась на анализе родословных или племенных обществ в конце 19 – начале 20 веков, в период, совпавший с подъемом национальной идеи и национализма. Это обстоятельство породило идеологический подход к этим обществам, считавшийся архаичным. Трайбализм воспринимается Брониславом Малиновским и многими другими антропологами как устаревшая или неподходящая форма социальной сплоченности и поэтому не может быть инструментом национального строительства. В то время как в Африке происходила деколонизация, Жорж Баландьё, француз-

¹ Cazeneuve J., « Tribalisme », Encyclopedia universalis, vol.16, (Paris, 1980), 311

ский антрополог-африканист, придерживался аналогичной точки зрения, противопоставляя трайбализм – партикуляристский и консервативный – национализму – универсалистскому и новаторскому. Баландые видел в трайбализме возрождение старых антагонизмов внутри коллектива.

Другая апория заключается в разделении изучения родословных обществ и государств, в которых они развивались; первое было предназначено для антропологов и этнологов, второе – для политологов, экономистов и историков. Это разделение не дает места для конкретного внутреннего видения Государства, но предполагает всегда рассматривать его как связанное в своей конституции с экзогенным процессом. Следствием этого является неадекватная позиция для размышлений о государстве и «одновременно лишить общество любого измерения, которое ему принадлежит, любого анализа логики и процессов, которые сформировали его идентичность и в той или иной степени хранилищем которых является современное государство»¹.

Таким образом, этот первичный трайбализм часто плохо понимался современными наблюдателями в XIX и первой половине XX века и мало объяснялся в источниках его действующими лицами. Колонизация и «ориентализм», связанные с дискурсом о современности, замаскировали его реальность. С начала XIX века в многочисленных публикациях предпринимались попытки описать и объяснить систему родословной казахов, и эти

¹ Segalen M., *L'autre et le semblable. Regards sur l'ethnologie des sociétés contemporaines* (Paris : Presses du CNRS, 1989), 101

исследования продолжают и сегодня, ясно демонстрируя сложность этих обществ. В данной статье не будет подробно рассматриваться этот вопрос. Цель состоит в том, чтобы разоблачить моменты непонимания, которые привели к семантическому сдвигу от трайбализма к расплывчатому и уничижительному понятию.

Первое, на мой взгляд, связано с генеалогической основой казахского общественного строительства, которая привела к смещению идеального представления и реальности общественных отношений. Мне кажется здесь важным различать семейную солидарность, связанную с «жеті ата», и родовую солидарность «ру». Семейная генеалогия и родословная имеют разные функции, не разделяясь в шежіре. С 1990-х годов интерес к шежіре больше напоминал поиск связи с семейной генеалогией и территорией после драматических разрывов 20-го века, чем желание восстановить родовую солидарность. Это может привести к некоторой путанице в отношении ожиданий. После перерыва в «естественной» передаче «традиция» заново изобретается в адаптации к состоянию современного общества.

Второе – это дебаты о понятии государства среди кочевых народов и, в частности, в случае с казахами. Отрицание специфической государственной формы является следствием восприятия родовой системы как центробежной и нестабильной политической силы, неспособной гарантировать сплоченность группы. Простой факт существования казахского образования в период с XV по XIX вв., до появления национальной идеи, позволяет поставить под сомнение такую оценку.

Трайбализм – все в критике

Как выразился французский антрополог Жорж Альтабе: «Как ни парадоксально, первоначальный трайбализм наименее описан и наименее четко определен из трайбализмов. Следует помнить, что племенные особенности, подчеркиваемые в нынешних употреблении, не имеют ничего традиционного или доколониального»¹. Понятие трайбализм также используется безотносительно к какой-либо родо-племенной или родословной организации как таковой. Таким образом, ссылка на трайбализм понимается как уничижительное значение деятельности определенных групп внутри общества, которые встречаются в чрезвычайно различных контекстах. На примере французской газеты *Le Monde* за последние десять лет мы можем найти множество упоминаний, от классических примерах об Африке до менее очевидных. Папа Хорхе Бергольо обратился к молодым людям в Демократической Республике Конго в 2015 году: «Давайте возьмем друг друга за руку. Преодоление трайбализма – это ежедневная работа сердца и рук. Мы все одна нация!»².

Юваль Ной Харари, израильский автор международного бестселлера «Sapiens: Краткая история человечества», так описывает ситуацию в Израиле в 2018 году: «Существует израильский парадокс. Страна находится на пике инноваций, но в то же время, похоже, движется

¹ Cazeneuve J., « Tribalisme », Encyclopedia universalis, vol.16, (Paris, 1980), 312

² Chambraud C., « Le pape contre la corruption et le tribalisme », *Le Monde* (27/11/2015)

к беспрецедентному трайбализму. За что? Это не парадокс. Мы знаем из истории, что религиозный фанатизм, национализм и трайбализм могут сосуществовать с технологическими инновациями. Самые передовые технологии принято ставить на службу мифологическим идеям и племенным страстям. Часть того, что делает Израиль таким инновационным, – это ощущение продолжающегося экзистенциального кризиса – идея о том, что, если мы прекратим инновации, мы будем уничтожены. Этот процесс также усиливает племенные чувства. Возьмите искусственный интеллект. Одна из важнейших лабораторий в области формирования цифровой диктатуры находится на оккупированном Западном Берегу. Там встречаются худшие аспекты израильского и еврейского трайбализма – религиозный фанатизм – и самые передовые технологии»¹.

Дональд Трамп также использовал эту риторику в своей политической конфронтации с Демократической партией в 2019 году: «Лидеры Сената уже заявили, что не будут беспристрастны во время суда. (...) Поворот, принятый в этом обвинении, подтверждает триумф тупого политического трайбализма, которым президент не побоялся упрекнуть своих демократических противников в длинном раздраженном письме, направленном накануне голосования в Палате представителей.

Трамп: Любой член Конгресса, который проголосует за импичмент (...), покажет, насколько сильно он оскорбляет избирателей и насколько сильно он ненавидит

¹ Smolar P. (propos recueillis par), « Yuval Noah Harari : « On pourra bientôt pirater les êtres humains » », *Le Monde* (19/09/2018)

американский конституционный порядок. Наши основатели опасались трайбализации партийной политики, а вы воплощаете в жизнь их худшие опасения»¹.

Сенегальский философ Сулейман Башир Диань осуждает трайбализм во имя человеческой универсальности: «Что вы называете трайбализмом? Является ли он для вас величайшим врагом цивилизации? Я так думаю. Я называю это ограничение трайбализмом, эту одержимость идентичностями, которые уже теоретизировал очень важный для меня философ Анри Бергсон [1859-1941]. По его словам, нами доминирует племенной инстинкт: мы чувствуем себя естественно связанными с теми, кто имеет с нами одну кровь, тот же язык, тот же цвет кожи или религию. С этой точки зрения понятие человечества кажется абстракцией. Именно поэтому мы, люди, обязаны выйти из своих племен, чтобы двигаться к этой идее человечности. Если я говорю, что сегодня мы находимся в форме трайбализма, то это потому, что все сводится к вопросам идентичности, националистических ограничений. Говоря о ситуации во Франции, я бы никогда не поверил, что такое абсурдное выражение, как «великая замена», окажется в центре президентских выборов. Это имеет смысл только в рамках трайбалистского мышления, когда одно племя беспокоится о замене другим. Но когда думаешь о высоте человеческого общества, это выражение теряет смысл. Человечество всегда находилось в движении, в смешении»².

¹ Paris G., « Impeachment : un échec au goût de victoire pour Donald Trump », *Le Monde* (19/12/2019)

² Larousse V. (propos recueillis par) « Contre la pensée tribale qui fragmente l'humanité, il faut tenir le discours de l'universel. Entretien avec Souleymane Bachir Diagne », *Le Monde* (01/04/2022)

В этих последних трех примерах контекст совершенно не связан с родословными обществами. Трайбализм представлен как форма исключения этнической, национальной или политической группой части людей, с которыми они должны образовывать общество. В Казахстане этот термин используется с середины 1990-х годов для осуждения трех основных явлений: коррупции, кумовства и отсутствия единства казахов. Первые два выдвигаются в основном противниками власти, а последний – самой властью. Назарбаев и Токаев осудили его. В своей программе «Казахстан-2050» Назарбаев заявляет: Тот кто идет на поводу этого осознанно или неосознанно, тот начинает делиться по разным признакам, прежде всего по шежире. Нельзя забывать глубинную суть самой традиции шежире, она не заканчивается на одном роде, племени. Шежире – это Древо поколений, которое сводится к единому корню»¹.

Со своей стороны, Токаев заявил в 2023 году: «В последнее время стало тенденцией ставить памятники личностям, известным только в одном регионе. Местным комиссиям по ономастике не следует этого допускать. Республиканская комиссия должна предупреждать неправомерные решения. Если все будут ставить памятники исключительно своим предкам, в стране воцарятся трайбализм и местничество. Этот вопрос требует пристального внимания»².

¹ Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». - https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novy-politicheskii

² <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-s-akimami-rukovoditelyami-gosudarstvennyh-organov-1321138>

Этот аргумент о разрозненности казахского народа разделяют многие авторы. Мухтарбек Шайкемелев в своей работе о казахской идентичности утверждает это следующим образом: «Исторически сложившаяся родовая этносоциальная структура казахов с ее межродовым соперничеством несла внутри себя партикуляристские тенденции, не давая сформироваться ощущению-осознанию себя как единого народа со своей собственной, провозглашенной национальной идеей. В самосознании молодого этноса отсутствовало понятие о всеобщем благе, которое появлялось фрагментарно и эпизодично в критические моменты истории. Эпоха казахских просветителей, начавшаяся с середины XIX в. и длившаяся до 30-х гг. XX в., была временем, когда стало формироваться национальное самосознание в его европейском понимании. Конструировала его целая плеяда казахских просветителей - от Ч. Валиханова до алашординцев, пока преемственность казахской культуры и ростки объединительной идеологии вновь не были прерваны»¹.

Следствием центробежного характера трайбализма является контроль групп, представленных как племенные, над сферами деятельности и привилегиями, которыми пользуются члены этих групп. Таким образом, это вопрос коррупции и кумовства. Нурбулат Масанов, в частности, по этому поводу отмечал: «Казахстан в настоящее время находится в транзитном периоде, когда ценности советского периода уже не актуальны, а новые ценности пока не утвердились в общественном сознании.

¹ Шайкемелев М.С., *Казахская идентичность* (Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013), 171.

В таком обществе вполне вероятно возрождение традиционализма, который подавлялся в советское время. Но это все-таки «неклассический» трайбализм — скорее, латентная активизация родоплеменных связей для достижения новых индивидуальных и групповых целей. Известный нomaдолог Н.Э. Масанов применяет термин «квазитрайбализм» для ситуаций, когда люди используют принадлежность к определенному роду как инструмент для реализации тех или иных интересов¹. Игра на квазитрайбалистских мотивах позволяет установить разнохарактерные партнерские отношения, основанные уже не просто на экономических интересах, но и на «внутреннем долге», на морально-этических обязательствах, подстрахованных имиджем «сакральных» архетипов. Конструирование таких отношений рассматривается Н.Э. Масановым как своеобразный ресурс для минимизации различных рисков и обретения дополнительных конкурентных преимуществ².

Мухтарбек Шайкемелев объясняет этот момент в своей работе: «Внутриэтническая и региональная идентификация становится важнейшим фактором социальной мобильности, возможностей карьерного роста и формирования кланово-олигархических структур, сформированных по родоземляческому принципу. Другим следствием стратификационных предпочтений становится

¹ Масанов Н. и др., *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана* (Алматы: Дайк-Пресс, 2007), 296.

² Шакеева Б., Шайкемелев М., Айтымбетов Н., «Родовые отношения в Казахстане: возрождающаяся традиция или социальный инструмент?», *Central Asia and the Caucasus* Том. 23, вып. 4., 2020. - https://ca-c.org.ru/journal/2020/journal_rus/cac-04/04.shtml

перекрытие каналов социальной мобильности для молодых людей, за которыми «никто не стоит», тогда как непременным условием успешной модернизации становятся меритократические принципы – возможность для низовых талантов продвигаться по социальной лестнице исключительно благодаря собственным усилиям»¹.

Идентичность – память vs традиционализм – национализм

К этим широко распространенным суждениям о трайбализме добавляется деликатная дискуссия вокруг идентичности и традиций, которая не лишена связи с деколониальной проблематикой. Трайбализм также является выражением автономного и автаркического единства, которое отказывается и игнорирует «внешний контроль». В ситуации колониализма или доминирования трайбализм может стать инструментом политической мобилизации и социального выживания, как это было с коренными индейскими народами в 1960-х и 1970-х годах. Этот трайбализм, добровольный и сконструированный, может даже стать новой идеологией, которая больше не имеет никакой связи с какой-либо племенной группой, какой бы она ни была. Антрополог Пол Дреш говорит о «неотрайбализме», который соответствует непостоянству институциональных фактов или социальных практик, а общей памяти «о словах и вещах»². Этот

¹ Шайкемелев М.С., *Казахская идентичность* (Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013), 166.

² Dresch P., « Les mots et les choses », *Études rurales*, 184(2009), 185-202.

трайбализм - это «сознание, которое эта группа имеет о себе, и динамический процесс конституирования этой же самой группы как индивидуализированной сущности на культурном уровне».

Воспользовавшись высказыванием Жана-Франсуа Баяра, Дреш считает, что эта «иллюзия идентичности»¹, усугубленная глобализацией, служит особым интересам и позволяет разрабатывать социальные стратегии, цели которых выходят за рамки единственных родо-племенных притязаний. Постоянство обращения к племени оправдано тем, что оно обеспечивает индивидов и группы набором локальных, «эмических» репрезентаций «происхождения». Покидание племени интерпретируется как потеря памяти.

Память и идентичность неразрывно связаны. Рустем Кадыржанов высказал это в интервью 2012 года: «Пока есть казахи, будет существовать трайбализм. Другое дело – в какой форме. Как мы говорили, до революции была одна форма, в советское время – другая, сейчас он адаптировался к условиям ныне существующего в стране капитализма. Раньше он был доминирующим, затем стал преобладать в отдельных сферах. Сейчас он в третьей форме. Если дальше система будет развиваться, то и трайбализм будет менять свою форму. То есть у него постоянно меняются сферы преобладания»².

¹ Identité et culture ne sont que des actes d'identification, politiquement construits, historiquement situés, socialement contradictoires, culturellement polémiques. La culture n'a jamais rien expliqué : elle n'est pas la cause de l'action des hommes, mais son effet. Elle n'est pas une donnée, mais une production permanente. Bayart J.-F., *L'illusion identitaire* (Paris : Fayard, 1996).

² Кадыржанов Р., « Пока есть казахи, будет существовать трайбализм. Главное – чтобы люди к этому относились разумно » 10.01.2012 – <https://nomad.su/?a=10-201201190024>

Ставится вопрос о претензии на «традицию», переформулированную как вектор идентичности и реактивируемую различными субъектами казахской культурной и политической жизни. Исследование, проведенное Б. Шакеевой, М. Шайкемелевым и Н. Айтымбетовым, показывает несколько аспектов этой активации обращения к линиям передачи традиции: «После обретения Казахстаном независимости, повлекшей политические, демографические и социокультурные изменения, в обществе более открыто стали обсуждаться вопросы родословных (шежире) и родовых отношений. В выборных технологиях, властных назначениях, в рабочих и университетских коллективах, да и при обычном знакомстве, люди пытаются узнать из какого рода происходит партийный лидер, чиновник, будущий родственник и т.д. Студенты и молодые сотрудники задают такие сугубо личные вопросы, к примеру, своему преподавателю или боссу. Таким образом люди пытаются заполучить более лояльное расположение своего учителя, руководителя и т.д.» Авторы отмечают, что согласно социологическим опросам в аулах Алматинской области отмечается постепенное затухание интереса к шежире, особенно у молодого поколения сельских казахов. Также, они отметили, что «были и респонденты, которые считали исследуемую тему неинтересной, устаревшей, иногда даже опасной. Опасность они видели в том, что ее обсуждение как раз и может привести к подъему трайбализма, разделению и конфликтным ситуациям среди казахов»¹.

¹ Шакеева Б., Шайкемелев М., Айтымбетов Н. Родовые отношения в Казахстане: возрождающаяся традиция или социальный инструмент? // *Central Asia and the Caucasus*, том. 23, вып. 4 (2020), С. 42-43. – https://ca-c.org.ru/journal/2020/journal_rus/cac-04/04.shtml

Последний пункт особенно интересен. Помимо обычной критики племени как фактора разобщения и разделения нации, она раскрывает силу дискурса как двигателя трансформации общества, который является одновременно политическим инструментом и механизмом самовоспроизводства. Политическая эксплуатация – это эксплуатация традиционалистского и националистического течения. Его образ действия аналогичен поиску «культурной гегемонии», как это определил Антонио Грамши. Это начинается с постулата, что завоевание власти предполагает завоевание общественного мнения. Он описывает культурное доминирование правящего класса или школы мысли, а также роль, которую повседневная практика и коллективные убеждения играют в установлении систем доминирования. Возрождение претензий на родовую принадлежность среди казахского населения возникло из-за потребности в памяти и подчеркивания трайбализма различными политическими течениями. Этот «трайбализм» постепенно утвердился, но не стал снова первоначальным. Какие силы он приведет в движение в Казахстане, вот в чем вопрос?

Трайбализм также является следствием колониального господства. С колонизацией мы переходим от социальной идентичности к этнической идентичности, что является результатом переноса чужеродного образа мышления колониальной державой. Инструментирование этничности политиками в Африке привело к трайбализму, который сегодня выступает источником гражданских и этнических войн в Африке. Сложность родословных обществ свелась к предполагаемой неадек-

ватности современному миру, а их сплоченность была разрушена.

Вопрос о памяти также поднимает вопрос о деколонизации взглядов на трайбализм. Гай Флавиен Коми Аньинефа пытается найти ответы в своей книге «Дискурс о трайбализме»¹. Слишком долго разграбленная иностранными державами, ослабленная рабством и колонизацией, маргинализированная так называемыми «развитыми» континентами, Африка сегодня разобщена. Чтобы обрести сильную, раскованную идентичность, свободную от международного диктата, автор призывает африканское сообщество обратиться к трайбализму, привилегии этнических связей. Это демонстрирует, что, опираясь на корни своей культуры и отдавая предпочтение человечности ради выгоды, африканское общество сможет создать прочную, стабильную и видимую социальную и политическую сплоченность.

Заключение

Сдвиг значения, подразумеваемый использованием термина «трайбализм» для обозначения поведения и ценностей, контролируемых принадлежностью к племени, реагирует на местные представления, а также на инструментализацию этой ссылки внешними заинтересованными сторонами. Эта инструментализация не лишена двусмысленности, поскольку этот термин часто нагружен негативными коннотациями, которые делают его препятствием для общих интересов и «хорошего управ-

¹ Komi Anyinefa G., *Discours sur le tribalisme* (Paris : Jets d'encre, 2014).

ления». Необходимо сделать первый вывод. Постоянство племенного факта отражает не столько устойчивость племенной организации, описанной в работах XX века, сколько устойчивость репрезентаций идентичности и социальных практик, которые к ней относятся. Помимо своего обобщающего и обесценивающего заряда, трибализм, в противоречии с современностью национального государства, имеет тот недостаток, что помещает проблему в исключительное поле племени как особой формы социальной организации. Мы показали, что существует определенная преемственность в характеристиках, отмеченных антропологами, и что трибализм представляет собой сложное явление, во многом зависящее от не племенных субъектов.

Я хотел бы поблагодарить Мухтарбека Шайкемелева за организацию научной и междисциплинарной площадки для обсуждения актуальных научно-теоретических вопросов, касающихся Казахстана и в целом Центральной Азии. У меня была возможность участвовать в ее работе в течение трех лет и эти обмены были особенно плодотворными, дав мне возможность исследовать и затронуть оригинальные темы. Поздравляю профессора Шайкемелева с его 60-летием, одним из достижений которого является этот коллективный труд.

ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РИТУАЛЬНОСТИ – К СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЖАНРОЛОГИИ

Ананьева Светлана Викторовна

Новая модель посткультуры обуславливает развитие постсовременного литературоведения, в котором дискурс гибридности занимает ведущее место. Мастер художественного слова в национальных литературах придает своему творчеству определенную внутреннюю направленность, избирает близкую ему проблематику. Современные исследователи литературного процесса отходят от идеологической ритуальности, от искусственных конструкций нарративного дискурса.

Типы художественного творчества на протяжении XX века включали героическое начало, драматизм революционной борьбы и построение нового общества, романтизм и судьбу человека-труженика. Искусство вызывает эмоции, определенное настроение у читателя и исследователя-литературоведа, дистанцирующихся от литературного текста. Но именно жанр художественного произведения настраивает на определенную волну восприятия. Нравственные проблемы, современные концепции эстетики, морали писатель «берет» из рассказа, повести, романа, придавая произведению эмоциональность подробностями описания, картинками, пейзажами, лирическими отступлениями. Художником социалистического реализма творчески осваивался конкретный жизненный материал.

Стилевые течения социалистического реализма второй половины XX века сменились стремительно эволюционирующей литературной и общественной реальностью 90-х ... Завершилась «власть официоза, произошла отмена цензуры, смена языка и стиля; выход из запрета (запрещенных и утаенных текстов известных и неизвестных авторов метрополии, эмиграции, андеграунда); отмена литературной системы, разрушение старых и учреждение новых литературных институций» [1, с. 314]. Действительность 90-х годов XX века предоставила «литераторам богатейшие возможности для создания значительных и впечатляющих образов, напряженных сюжетных повествований» [2, с. 13].

Литературоведы, изучающие такое сугубо специфическое явление как литература народа Республики Казахстан, являющееся, по сути, феноменом и развивающееся под благотворным влиянием казахской литературы, выявляют наиболее важные литературоведческие тенденции, основные этапы становления и развития литератур данного региона, а также проблемы жанрового многообразия и национального своеобразия, типологии. Сущность взаимоотношений отдельных национальных литератур составляют, как известно, силы притяжения и отталкивания. Литературные связи, которые, по определению Н.И. Конрада, «в самом общем смысле есть проникновение одной литературы в мир другой литературы» [3, с.319], обрели общемировой масштаб и стали фактом как конкретной национальной литературы, так и мировой литературы.

Формы проникновения литературы одного народа в литературный мир другого народа разнообразны: про-

никновение в подлиннике, в переводе, воспроизведение в творчестве писателя одного народа содержания и мотивов произведения, созданного писателем другого народа, национальная адаптация, единое литературное произведение, бытующее в разных формах и вариантах во многих странах.

Внутренняя эволюция национальных литературных процессов, процесс взаимоузнавания литератур, обоюдной рецепции и взаимопроникновения может быть рассмотрен на конкретных примерах творчества ярких представителей литератур. Особое значение имеют творческая личность художника в процессе взаимодействия литератур и идеи консолидации национальных культур республики. Не вызывает сомнений тезис о том, что каждая национальная литература опирается на собственные исторические корни (так, в развитии казахской и уйгурской литератур основополагающую роль сыграл фольклор), на собственные национальные традиции. Но им присущи и общие тенденции развития, наличие стилевых исканий, духовная общность, что заложено исторически, процессы взаимовлияния и взаимообогащения, поскольку литература отражает происходящие в действительности изменения общественно-экономического и политического, социального характера.

Межнациональное содружество не только особенность, но и стимул современного литературного процесса. Творческие индивидуальности и различные принципы подхода к изображению действительности определили разнообразие художественных решений. Общими для литератур этносов Казахстана остаются гуманизм,

национальная определенность искусства, чувство патриотизма, художественное воспроизведение конкретных условий жизни народов (особенно ярко это проявляется в корейской литературе), углубление художественного интереса к национальной действительности и возможностей ее постижения. Многонациональная действительность закономерно пробуждает интерес к национальному своеобразию, национальной специфике.

В 80-е годы XX века в казахской, русской, уйгурской литературах наблюдается бурный рост исторического романа. Постигание действительности немислимо без усвоения уроков прошлого. Изменяющаяся действительность потребовала присутствия автора в живой жизни, который должен владеть реальностью как материалом своей книги. Повысилась роль и ответственность писателя. Он выступает не только и не столько как беспристрастный летописец, констатирующий исторические факты, а как исследователь, ведущий самостоятельный поиск истины и заново осмысляющий уроки истории. Это с полным основанием можно отнести к признанным мастерам исторического жанра А. Нурпеисову, А. Кекилбаеву, М. Магауину, М. Симашко, З. Самади, М. Зулфикарову и т.д.

В казахской литературе 90-х годов XX века перспективные тенденции развития словесного искусства Ш.Р. Елеукенов видит в следующей последовательности: «реабилитация и восстановление в полном объеме духовного наследия казахского народа, ликвидация “белых пятен” в истории фольклора, устной и письменной литературы; создание атмосферы подлинной свободы твор-

чества, отмена государственной цензуры, избавление от произвола партийного контроля; преодоление жесткой социологической иллюстративности, мифологизации действительности, ложной идеализации коммунистического строя, искусственных антигуманных конфликтов и др.; обращение к острым, ранее запретным темам, как, например, национальная тематика, раскрытие реальной истории страны, выдвижение новых идейно-эстетических концепций, использование ранее недоступного материала; новая, раскованная художественная мысль, открытие широких, ничем не ограниченных возможностей для проявления творческой инициативы, изображение действительности во всей ее объективной сложности» [4, с. 18-19].

Проблема автора продолжает оставаться одной из самых остро дискуссионных. Особой остроты она достигает в связи с актуальными и спорными задачами интерпретации литературного произведения. В последние годы в мировом литературоведении все большее внимание привлекает проблема автоинтерпретации, исследование комплекса актуальных проблем современного литературоведения, связанных с выявлением авторского элемента в структуре текста и способов его художественной реализации. Термины для обозначения исследуемой проблемы могут быть различными: автобиографизм, автометаописание, автотематизация, автореференциальность. На примере литератур народов Казахстана выбранный аспект может быть многоаспектен и многогранен.

Размышляя о литературной общности литератур народов Казахстана, можно отметить такое интересное

явление как общность тем, проблем, взаимопроникновение и взаимообогащение, процесс взаимообмена, смешения творческих кровей, что только способствовало обогащению литератур новыми темами, идеями и образами. Михаил Пак в одном из номеров «Простора» размышляет об особенностях корейской литературы: «... пишущих на корейском – всего несколько человек преклонного возраста, остальные – русскоязычные, 30-40-летние и идущая следом новая генерация. И все же внешне мы остались корейцами, чтобы не растеряться каждому в одиночку по миру, объединились в ассоциацию, главным кредо которой является уважение к личности и полная творческая свобода. Наверное, не столь важно, на каком языке говорит художник. Если им овладевает потребность выразить нечто, он берется за перо и говорит тем языком, который знает» [5, с. 54].

Охарактеризовать прозу немецких писателей Казахстана как историческую – значит не высветить самого главного: трагических отголосков, исповедальных мотивов в судьбе народа. Честное, правдивое повествование, своеобразную исповедь о судьбе немецкого народа, о драматических событиях советской действительности 30-х – 80-х годов XX столетия представляет собой еще по достоинству не оцененный литературной критикой многоплановый, широкоохватный роман А. Дебольского «Простые смертные».

Мотивы родины, большой и малой, также проходят лейтмотивом в произведениях литераторов Казахстана – И. Шухова, М. Симашко, Г. Бельгера, М. Пака и других. Пронзительное, почти чеховское чувство родины у геро-

ев И. Шухова неотрывно от мысли о счастье, гармонии, единстве людей. Тема родины в творчестве М. Симашко наполнена евразийскими мотивами. Опыт сотен поколений сконцентрирован в его прозе, которой присущ особый ритм и стиль, особая расстановка слов.

Г. Бельгер с присущей ему проникновенностью размышляет о родине большой и малой. О родине предсмертные мысли героини рассказа Хан Дина «Как называется тот край...»: «...Родиной называется то место, где человек рождается, а как называется то место, где он умирает? Есть ли такое слово? Не может быть, чтобы у этого места не было своего названия. Должно быть... Ласковое, грустное...Чтобы при упоминании о нем защемило в груди...»...

С этими размышлениями перекликаются думы главного героя рассказа А. Кима «Плач по матери в Сеуле»: «Почему, почему мать покоится там, в русской земле, и она там одна, чужая среди сонма навечно успокоенных душ, – почему она там, а я здесь, на корейской земле, еще живой и полный сил, так одинок среди сонма живых душ моего народа? В чем смысл того, что мы, корейцы, живем так далеко на чужбине и там умираем – какое высшее предназначение мы выполняем при этом, безутешно страдая, никогда не утоляя своей духовной жажды? И знает ли она, Древняя Родина, об этой жажде и страданиях, как мать знала о всех наших душевных смятениях и устремлениях?».

Корейская национальная литературная классика и национальный литературный канон, современное состояние корейского искусства и культуры, транскультура-

ция литературы на корейском и русском языках, безусловно, ждут осмысления в контексте феномена советской литературы и актуальных проблем гуманитарной науки первой четверти XXI столетия.

С точки зрения типологических исследований мотив родины в русской, казахской, корейской и немецкой литературах до сих пор еще не исследован. Своеобразную перспективу такому изучению может придать выход в сравнительно-сопоставительном аспекте на немецкую литературу (Германия), русскую (Россия), корейскую (Северная и Южная Корея). Уйгурскую литературу Казахстана, на наш взгляд, следует рассматривать как единую литературу, созданную одним народом, территориально разделенным, но имеющим единый литературный язык.

Усложняется терминологический аппарат: структуральная поэтика, герменевтика, психоанализ, постструктурализм, реминисценции, аллюзии, архетип (который стал инструментом литературно-критического анализа еще в 1913 г., но сейчас словно обрел второе дыхание) и др. Для нас более приемлема точка зрения А.П. Чудакова, предостерегающего против чрезмерного увлечения многочисленными терминами, кальками, часто выступающими синонимами слов, привычных для русской терминологической традиции (рецепция и восприятие, нарратив и повествование, авторская интенция и замысел и др.) Вместо ожидаемого обогащения понятийного аппарата наблюдается элементарное «переназывание» уже хорошо известных и апробированных литературоведческих понятий [6, с. 304].

Трансформация структуры художественного произведения, цепь невероятных совпадений и повторений, лирико-автобиографический характер повествования, метафорический стиль, мифологическая образность позволяют причудливо переплестать картины реальности и художественного вымысла в постмодернистской литературе. У постмодерна прослеживаются «отсутствие четких установок, пестрая смесь идей и несвязность отдельных элементов» [7, с. 195].

Одним из разделов сопоставительной поэтики национальных литератур, активно развивающимся, является сопоставительная жанрология (или генология). Жанр с позиций структуралистской нарратологии рассматривается как «продуктивный тип высказывания, реализующий определенную коммуникативную стратегию эстетического ... дискурса» [8, с. 43]. Если нарративный дискурс можно определить как «репрезентацию референтного поля значений (“мира”) в событийной форме, то перформатив ... выступает своего рода “автопрезентацией”. Он ни о чем не сообщает. Перформативный дискурс переформатирует ту самую коммуникативную ситуацию, которой он порождается» [8, с. 36].

Сравнительная поэтика стала возможной на основе иного понимания культуры, выведенной за пределы европеизма исследователями мифа, грамматики и этнографии. Продуцируя новое гуманитарное знание в современном образовательном пространстве, освещая проблемы гибридной идентичности и межкультурного диалога, сохранения традиций и новаторства, современные литературоведы формулируют и решают новые задачи, стоящие перед академическим сообществом.

Список использованных источников:

1. Иванова Н. Чертополох и крапива. Литературная жизнь и ее последствия. – М.: Рутения, 2022. – 480 с.
2. Ровенский Н. Введение // Творчество русских писателей Казахстана / Отв. редакторы И.Х. Габдиров, Ш.Р. Елеуменов. – Алматы: Ғылым, 1992. – С. 3-13.
3. Конрад Н.И. К вопросу о литературных связях // Конрад Н.И. Запад и Восток. – Москва, 1972. – 230 с.
4. Елеуменов Ш. Казахская литература (период независимости) // Литература народов Казахстана. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004. – С. 18-44.
5. Пак М. Малый листок плывет к морю... // Простор. – 1992. – №7-8. – С. 54-68.
6. Чудаков А.П. Языки и категории науки о литературе // Чудаков А.П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Чехова: Очерки поэтики русских классиков. – М.: Наука, 1992. – 205 с.
7. Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды / Ананьева С.В., Зейферт Е.И., Метляева М., Машакова А.К. и др. Учебное пособие. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – 202 с.
8. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. – М.: Interada, 2013. – 211 с.

ЭТНОПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В ЛОВУШКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Анджей Вежбицки

Уважаемые дамы и господа!
Дорогие друзья!

Я очень рад, что у меня появилась возможность принять очное участие в работе нынешней конференции. Особые слова благодарности и поздравления направляю нашему досточтимому организатору, модератору и юбиляру – Мухтарбеку Сейд-Алиевичу. Поздравляю Вас с 60-летием и желаю Вам здоровья и творческих успехов, а в будущем еще несколько раз умножить Ваш юбилей!

Мухтарбек Сейд-Алиевич Шайкемелев – один из известных казахстанских политологов и социологов, исследователей этнополитики и межнациональных отношений. Он является хранителем и продолжателем традиций исследований Института философии и политологии в сфере межнациональных отношений. Очень важно, что текущая конференция, проходящая в формате workshop поддерживает и развивает сложившуюся традицию казахстанской политической науки.

Хотелось бы также, отметить вклад юбиляра не только в теорию казахстанской политической науки, но и его усилия по практической реализации результатов своих исследований. Будучи многие годы председателем Науч-

но-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана города Алматы и членом АНК, Мухтарбек Сейд-Алиевич вносит большой вклад в установление постоянного рабочего взаимодействия науки и гражданского общества. Изучая работу этнокультурных объединений страны, он помогает им словом и делом, являясь главным редактором регулярно издающихся сборников научных трудов по этносоциальной и этнополитической тематике. Его многолетние усилия по исследованиям и популяризации этнополитического знания в теории и на практике, отмечены многочисленными государственными наградами и искренним уважением коллег.

В данной статье анализируются реальные цели и практики политики мультикультурализма в мире и в Казахстане. Приводятся доказательства, что в казахстанских, а в более широком смысле евразийских и даже европейских условиях данная концепция обречена на неуспех.

Этнополитика Казахстана

В относительно обширной мировой литературе нет точного и однозначного определения, что такое этнополитика, а потому хотелось бы посвятить несколько замечаний этнополитике как таковой и попыткам ее определения, учитывая разнообразный политический, культурный и географический контекст. Ссылаясь на одну из концепций британских авторов [1, с. 5-12], чаще всего под этнополитикой понимается *конфликт*, в котором хотя бы одной из сторон является политически мобилизован-

ная этническая группа, стремящаяся сохранить, выразить и развить собственную самобытность/идентичность. Конфликту способствует монополизация власти одной из групп, чаще титульной нации, которая отождествляется с государством. Основой такого конфликта может стать стремление к внутреннему самоопределению, как к культурному в форме национально-культурной автономии, так и к политическому в форме национально-территориальной автономии.

Это стремление к самоопределению, как правило, носит и внешний характер через создание суверенного государства и включает в себя борьбу за соответствующие права (языковые, религиозные, культурные), равный доступ к ресурсам (власти, материальному благополучию, престижу) или прямую материальную и/или политическую поддержку.

К сожалению, гораздо реже этнополитика может заключаться в поиске, а затем и в закреплении компромисса и сотрудничества между противоборствующими сторонами. Реализация примирительной этнополитической стратегии поддерживается рядом факторов, включая усталость от долгосрочного конфликта, преследование интересов политических элит, внешнее давление и поощрение к компромиссу со стороны других стран, традиции и прецеденты компромисса и сотрудничества. Компромисс требует постоянных, кропотливых, ежедневных усилий по решению ряда проблем, с которыми сталкиваются представители, в первую очередь, меньшинств.

Предложения, выдвигаемые британскими авторами, кажутся лишь способом реализации этнополитики, а не

попыткой ее определения. Поэтому автор данной статьи учитывая связанные с этим ограничения, предпринимает попытку сформулировать определение этнополитики используя два подхода: первый, более универсальный и концептуальный, и второй, скорее прагматичный, чем теоретический, учитывающий постсоветскую, постколониальную специфику более традиционных обществ, таких как в Центральной Азии.

В *первом подходе*, особая роль приписывается социальным элитам, которые состоят из политических элит, независимо от их участия в управлении государством и интеллектуальных элит, т.е. не обязательно связанных с властью – интеллектуалов, общественных деятелей, ученых, юристов, журналистов, представителей творческой интеллигенции. Социальные элиты составляют интеллектуально-деловую базу сторон компромисса или конфликта. Принимая во внимание вышеизложенные замечания предполагаем, что *этнополитика – это воздействие властных элит, представляющих государство, на этнические группы (меньшинства), социальные элиты которых осуществляют «внутреннюю верификацию/оценку» этого влияния с точки зрения сохранения, выражения и развития своей этнической принадлежности, а также взаимоотношений между самими этносами, что приводит к компромиссу или, что гораздо чаще, конфликту из-за противоречивых интересов* [2, с. 53].

В *другом подходе*, учитывается факт, что основной детерминантой этнополитики в странах Центральной Азии является нациестроительство, черпающее свою динамику из задач по строительству национальной го-

сударственности. Поскольку ядром национального государства должен был стать титульный этнос, на начальном этапе государственного строительства появились этноцентрические тенденции, которые привели к этнизации политики государства через формирование этнократии, сохранение родоплеменной структуры во власти и неудачные попытки языковой ассимиляции. Эти тенденции представляли собой существенный барьер на пути национальной консолидации, приводили к отчуждению власти от значительной части титульного населения и политической маргинализации нетитульных этносов [3, с. 29].

Данный конфликтогенный вариант этнополитики, изначально был официально реализован также, в суверенном Казахстане. Затем выяснилось, что этот вариант оказался недальновидной стратегией. Миллионы граждан нового государства не принадлежащие к титульной нации заняли две позиции. Первая, сводилась к внешней миграции, а вторая заключалась во внутреннем дистанцировании от государства и его политики, а в крайнем случае приобретала радикальные, ирредентистские тенденции. Особенно это касалось русского, славянского населения в северном Казахстане, а также уйгурского населения в юго-восточной части страны. В связи с этим, казахстанские власти решили в середине 90-х гг. XX в. заменить свою предыдущую стратегию этнополитики обреченную на конфликт, прагматичным вариантом, явно нацеленным на компромисс. Благодаря данному подходу более прагматичная этнополитика Казахстана должна была сбалансировать интересы всех этносов, проживаю-

щих в стране, и объединить их в политическое, а в будущем, и в гражданское сообщество [4, с. 69-83].

Суть данного варианта этнополитики заключается в постоянных, эволюционных усилиях по обеспечению прочного межэтнического баланса, т.е. учета прав и интересов всех граждан и этнических групп, к которым они принадлежат, независимо от их демографического и социально-политического потенциала. Конечно же, нами имеется в виду эволюция социального характера, от изоляционистского этноцентризма в начале XX в. в направлении согражданства. И надо подчеркнуть, что так как эволюция никогда не заканчивается, так и казахстанская этнополитика требует постоянной активизации усилий всех субъектов – государства и проживающих на его территории этносов.

Таким образом, пока казахстанская этнополитика развивается в сторону построения нового сообщества на традиционном этническом основании, поскольку все этнические элиты страны убеждены в собственном примордиалистском происхождении. При этом, многие зарубежные и казахстанские исследователи сравнивают казахстанскую модель межэтнического единства и согласия с мультикультурализмом.

Мультикультурализм в Казахстане

Многокультурность явление не новое, сложившееся исторически, но относительно новой является сама политика мультикультурализма. Она предполагает эмансипацию этнических меньшинств, которые не являются

политически и культурно доминирующими, т.е. политизацию культурных различий. Мультикультурализм родился в иммигрантских обществах и отличается от прежней политики в отношении иммигрантов, которая отдавала приоритет индивидуальным правам, публичному признанию права на идентичность иммигрантских этнокультурных групп так же, как этнических меньшинств – сограждан.

Правильное понимание того, чем является мультикультурализм, требует уточнения понятия *societal culture* [5, с. 14], т.е. культура доминирующая в либерально-демократических странах, урбанизированная, деэтнизированная, хотя и построенная на общем языке доминирующего и принимающего большинства, которая формирует государственные учреждения, такие как школы, средства массовой информации, правоохранительные органы и учреждения, экономические структуры и государственный аппарат. Это не культура в этнографическом или народном смысле, где помимо знания языка ожидается религиозное единство, знание ритуалов или образа жизни. Это своего рода символически-нормативное ядро общенациональной идентичности, где меньшинства должны быть готовы и иметь возможность принять участие в ее (пере)определении и стать ее частью.

Мультикультурализм не привел к возникновению институтов, новой, отдельной от доминирующей *societal culture* [6, с. 145] за исключением Соединенных Штатов Америки, которые сталкиваются с проблемами, связанными с массовой миграцией испаноязычного населения (*ang. Hispanics*), в основном из Мексики. Это может при-

вести к созданию двух параллельных обществ со своей культурой и языком или к изменению американского этнокультурного ядра WASP (White Anglo-Saxon Protestant), которое будет полностью или частично заменено выходцами из Латинской Америки. На данный процесс обратил внимание американский политолог Сэмюэл Хантингтон [7, с. 221].

Сущность мультикультурализма поэтому заключается не столько в реальном уравнивании всех культур в общественной жизни, включая языки, составляющие их основу, сколько в том, чтобы сделать интеграцию более справедливой, т.е. без дискриминации участвующих в ней иммигрантов. В отличие от ассимиляции, это двусторонний процесс, поскольку он предполагает пересмотр, релятивизацию и переоценку понятий, принципов и норм, общих как для доминирующей культуры, так и для культур меньшинств. Конечным результатом этого процесса должно стать появление нового качества – динамичной, открытой и демократической общей культуры, т.е. такой, в которой каноны, нормы и ценности не закреплены навсегда традициями и властями, а подлежат постоянному пересмотру. На данном этапе своего развития эта культура имела бы не деэтнический, а скорее постэтнический характер, а ее этнокультурная основа была бы подорвана. Это было бы равносильно появлению нового транснационального сообщества, в котором вместо примордиалистски понимаемой или констуктивистски создаваемой, но все-таки достаточно сильно привязанной к человеку этнической или национальной идентичности (анг. *identity*) пронизывающей его существо появ-

ляется более свободная принадлежность (анг. *affiliation*) [8, с. 3]. Эта транснациональная идентичность не несет в себе прочной привязанности к определенным этнонациональным ценностям, идеям или обычаям.

В так называемом радикальном варианте мультикультурализм приближается к космополитизму. Данный проект, требующий своеобразного культурного компромисса, заключающегося в частичном отказе от некоторых ценностей и элементов собственной культуры в пользу принятия ценностей и элементов чужой культуры, по сути является очередной утопией, напоминающей концепции советской нации.

Мультикультурализм рассчитан, прежде всего, на иммигрантов, которые в разной степени готовы интегрироваться в доминирующую социальную культуру. В отличие от них, национальные меньшинства, т.е. граждане государства не принадлежащие к титульному этносу, дистанцируются от интеграции и борются за сохранение и воспроизводство своей собственной *societal culture*.

Подражание западным проектам, не соответствующим евразийским условиям является следствием культурного комплекса неполноценности. Соответствующая модель этнополитики должна исходить из специфики каждой страны – ее истории и традиций. Причины поиска особенностей каждой нации и поиска соответствующей модели этнополитики содержит концепция Гюстава Ле Бона [9, с. 23]. По его предположениям, у каждого народа есть своя душа, состоящая из общности чувств, интересов и убеждений. Душа народа определяет свойства пути его развития.

Несмотря на официально продвигаемый курс этнополитики, направленный на формирование казахстанского национального сообщества как политической (гражданской) нации, среди местной элиты существует очень сильная привязанность к этническому пониманию нации. Этническая структура Казахстана является результатом как добровольной, так и вынужденной миграции, когда страна находилась под властью России и Советского Союза. Пришельцы не встретили здесь поселенцев, как в заокеанских англосаксонских странах, а вступили в контакт с местным населением, ведущим кочевой образ жизни. В данном контексте появляется спорная парадигма т.н. коренного народа, связанная с категорией коренной территории. Народ, которому уже в древности принадлежала данная территория, считается коренным. Данный факт очень сложно доказать, даже если принять этносимволическую веру в вечность и естественность существования наций, чье этническое ядро сформировалось издревле. В результате коренным считается народ, который первым овладел данной территорией.

Помимо казахов, коренное население Казахстана включает узбеков и уйгуров. Особенный статус у русского населения, которое в начале постсоциалистического транзита считало себя, помимо казахов, второй государствообразующей нацией, несмотря на снижающийся демографический потенциал [10, с. 331]. Парадоксально, но на основании русского языка и русской культуры сформировалась казахстанская *societal culture*, с которой пытается сосуществовать, порой открыто конкурируя, сельская, но постепенно урбанизирующаяся казахская

культура. Демографический фактор в будущем будет способствовать замене русской культурной составляющей казахстанской *societal culture* и казахской культурой, или по крайней мере, русская и казахская культуры будут дополнять друг друга. В таких условиях казахский этнос и его элиты, несмотря на декларации властей, фактически не будут заинтересованы в мультикультурализме, поскольку его реализация означала бы необходимость частичного отказа от с трудом достигнутого культурного самоопределения.

Скептически к мультикультурализму относятся многие казахстанские ученые. Академик А.Н. Нысанбаев предлагал идею герменевтического диалога при наличии общего основания и одновременно – различия и по содержанию и по форме. «Таким общим основанием в Казахстане является евразийская почва, т.е. исторически сложившееся евразийское братство тюркоязычных и славянских народов (в странах иммигрантских такая общая почва отсутствует). В рамках данного диалога путем совместного поиска компромисса и новых решений, происходит продуцирование нового, и участники диалога преобразуются, добывая драгоценное качество совместного бытия» [11, с. 35-36]. Это, конечно, идеалистический образ казахстанской действительности. Нет сомнения, что на современном этапе процесса государственного и национального строительства в Казахстане существует острая потребность в казахском внутриэтническом единстве, а также, и казахстанском межэтническом согласии – без ущемления прав и интересов представителей всех других народов. Мультикультурализм, философски ос-

нованный на идеях постмодернизма, на наш взгляд станет препятствием на пути к достижению целей нациестроительства.

Заключение

Суть мультикультуралистской ловушки для государственной этнополитики Казахстана состоит из следующих рисков и вызовов:

1. Во-первых, в интеллектуальном смысле мультикультурализм основан на идеях постмодернизма, которые предполагают, что прочность созданных до сих пор (т.е. в эпохе модернизма) социальных структур, в том числе нации, нарушается, а вместо линейного, последовательного развития социальных процессов появляются стихийные, относительно случайные эпизоды, лишённые закономерностей и взаимной зависимости. Данное обстоятельство означает риск нарушения этнонациональной идентичности как для титульного этноса – казахов, так и для неказахского населения Казахстана, поскольку приносит амбивалентное отношение к своей идентичности. Тем более, что Казахстан находится на этапе модернизации [12], т.е. социальные структуры такие как нация (в этнокультурном ли смысле или в политическом) все еще относительно слабы. Применение модели мультикультурализма, в которой должен происходить обмен ценностей и элементов культуры этносов, ведущий к возникновению нового культурного синтеза, может означать что казахская культура пытаясь соответствовать постмодернистским постулатам, вместо укрепления сво-

ей сферы воздействия на этническое окружение, станет еще более амбивалентной для граждан Казахстана, независимо от их этнической принадлежности.

2. Во-вторых, мультикультурализм напоминает утопию, осуществление которой требует очень долгой реализации. Суть утопии заключается в «трансценденции за пределы реальности» и «в особой интенсивности конфликтного и постулатного напряжения между идеалом и реальностью» [13, с. 5]. Несоответствие европейским условиям и вытекающие из этого провалы в реализации, побудили ведущих западноевропейских политиков (Ангелу Меркель, Дэвида Кэмерона, Николя Саркози) в 2010-2011 годах публично признать провал политики мультикультурализма в Европе. Если данная стратегия потерпела неудачу в европейских странах, где издавна проживает коренное население и куда приезжают миллионы иммигрантов, а нации- и государствовоительство находятся на более продвинутом уровне, для нее тем более нет никакой перспективы в Казахстане, где данные процессы не столь развиты. Суть неуспеха данной модели заключается в том, что с одной стороны, как уже было упомянуто, мультикультурализм не создал новых институтов отдельной *societal culture*. С другой стороны очевидно, что в рамках политики мультикультурализма не произошла массовая интеграция иммигрантов. Невозможно себе представить, что казахские ученые и интеллектуалы, справедливо озабоченные проблемами массового распространения казахского языка и казахской культуры в конкуренции с русской культурой и русским языком, ожидают возникновения новых *societal culture*. А именно,

это возникновение было официально провозглашено целью политики мультикультурализма. Возникновение новых *societal culture* равнозначно национально-культурной автономии, которой казахстанские власти опасались начиная с 90-х гг XX века и до сегодняшних дней.

3. В-третьих, мультикультурализм в англосаксонском варианте «плавильного котла» предусматривает сплочение полиэтнического иммигрантского общества в одну нацию, где все этнические группы пока еще недостаточно укоренены. Никто, кроме индейского или аборигенного, ограниченного в правах или частично истребленного местного населения не является коренным, т.к. у всех практически одинаковый статус «гостей». В Казахстане, где есть свои коренные народы, применение данной стратегия нереально, поскольку «коренные народы», особенно титульный, не согласны поступаться частью своих прав и интересов ради других иммигрантских, в том числе, групп, даже несмотря на попытки реализации государством самой демократической и либеральной этнополитики.

4. Разрабатывая и осуществляя концепцию казахстанской этнополитики следует использовать упомянутый А.Н. Нысанбаевым евразийский опыт диалога тюркских, славянских и других народов, воплощением и реализацией которого является образ и модель Ассамблеи народа Казахстана. На основании данного уникального опыта можно было бы предпринять меры в сторону постепенного расширения прав и возможностей Ассамблеи в целях дальнейшей институционализации ее опыта в национальном строительстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Cordell K., Wolff S. Ethnopolitics in Contemporary Europe // K. Cordell, S. Wolff (eds.). The Ethnopolitical Encyclopaedia of Europe. – New York, 2004.

2. Wierzbicki A. Genetyczno-kulturowe podstawy etnopolityki. Perspektywa etnonacjonalistyczna // H. Chałupczak, R. Zenderowski, E. Pogorzała, T. Browarek (red.). Polityka etniczna. Teorie, koncepcje, wyzwania. – Lublin, 2015.

3. Wierzbicki A. Etnopolityka w Azji Centralnej. Między wspólnotą etniczną a obywatelską. – Warszawa, 2008.

4. Автор данной статьи отличает политическую нацию от гражданской нации. См. подробнее: Вежбицки А. Перспективы формирования гражданской нации в Казахстане // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных трудов / М.С. Шайкемелев (ред.). Часть 4. – Алматы, 2023.

5. В польской литературе термин социетальная культура используется так же, как синоним социальной культуры. См. подробнее: Kłoskowska A. Kultury narodowe i narodowa identyfikacja: dwoistość funkcji // A. Kłoskowska (red.). Oblicza polskości. – Warszawa, 1990.

6. Kymlicka W. Politics in the Vernacular. Nationality Multiculturalism and Citizenship. – Oxford University Press, 2001.

7. «(...) граница между США и Мексикой исчезает, социальные и культурные различия стираются, создается гибридное сообщество и культура, наполовину американская, наполовину мексиканская. Кроме того, мексиканизация (...) приводит к распространению испанского языка, социальных, культурных и языковых практик, характерных для испаноязычных обществ США». Huntington S.P. Who are we? The Challenges To America's National Identity. New York-London-Toronto-Sydney, 2004.

8. Hollinger D.A. Postethnic America. Beyond Multiculturalism. Tenth anniversary edition with a new postscript by the author. – Basic Books, 2000.

9. Le Bon G. Psychologia rozwoju narodów. Пер. с французского языка J. Ochorowicz. – Kraków, 2021.

10. Есть авторы, которые считают, что первые славянские поселенцы, прибывавшие в восточную часть современного Казахстана в первой половине X в., не встретили там казахского населения, поэтому с их точки зрения есть основания признать их коренным населением. См.: Ерофеева И. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII-XIX веках: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. – Москва, 2001.

11. Нысанбаев А. Глобализация и проблемы межкультурного диалога в 2 томах. Том 1. – Алматы, 2004.

12. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана, <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (01.07.2024).

13. Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. – Warszawa, 2020.

**«НЕ МОЯ РОДИНА»:
ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
В ГРУЗИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ПРИ ПРЕЗИДЕНТСТВЕ
М. СААКАШВИЛИ**

Фабио Де Леонардис

Введение

Этот очерк анализирует, как память о советском прошлом использовалась в грузинском политическом дискурсе при президентстве Михаила Саакашвили (2004-2013). Предыдущая версия этого очерка была опубликована на английском языке с заголовком “Memory and Nation-Building in Georgia», (in Rico Isaacs – Abel Polese (eds.), *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*, New York-Abingdon, Routledge, 2016, pp. 25-38); более длинная версия была опубликована на итальянском языке с заголовком “La memoria dell’epoca sovietica nel discorso pubblico georgiano (2004-2013)», in Paolo Perri – Francesca Zantedeschi – Andrea Geniola (a cura di), *Nazionalismo, socialismo e conflitti sociali nell’Europa del XX secolo*, Canterano (Rm), Aracne, 2018, pp. 237-263.

Автор благодарит профессора Мухтарбека Шайкемелева за возможность принять участие в конфе-

ренции, выступив с докладом и опубликовать этот текст в сборнике научных трудов на русском языке и Екатерину Проданову за редактирование окончательного текста. Перевод с английского на русский язык автора статьи Фабио Де Леонардиса.

Нация и память

Связь между нацией и памятью широко признана как одна из основ «воображаемого сообщества» (Anderson 2006: 187-206; Nora 1984: xxi-xxii; Hobsbawm 1992: 37, 1992a: 12-4). По этому поводу, С. Грозби отметил, что нации определяются и «связанной с ними территорией» и «временной глубиной» (Grosby 2005: 11): индивиды «закреплены» за национальным сообществом через нарративную связь, связывающую их со смысловым горизонтом, определенным географическим пространством и линейным историческим временем. Как социокультурная конструкция, «мнемоническое сообщество» – не просто нарратив о прошлом, но и феномен, связанный с «проектом коллективной идентичности» (Wertsch 2012: 12). Следовательно, можно сделать вывод, что «скорее чем просто *предположить* существование сообщества, вспоминание играет роль в его *создании* и обработке» (там же: 18; см. и Assmann 1997: xi-xiii, 5-7).

Нарративы, в свою очередь, не являются «нейтральными»: они обосновываются на точке зрения и на эллипсисе. Впоследствии, национальный нарратив как проект памяти включает и забвение (ср. Лотман 2010а). Однако, память как «проект коллективной идентичности», не является просто

процессом, управляемым элитами сверху вниз: прежде всего, он ограничен тем, что обязан употреблять «культурные инструменты», имеющиеся в распоряжении в данных социальных условиях (Wertsch 2012: 10); во-вторых, так как язык и идеология – социальные явления, гегемония нарративов, созданных некоторыми социальными группами и классами никогда не может быть окончательно достигнута: субальтерные группы и классы могут в свою очередь адаптировать, переработать или даже отвергнуть их (Bhabha 1990a). Поэтому, нация как «мнемоническое сообщество» – это место, где конкурирующие нарративы прошлого борются за гегемонию и где национальная идентичность и рубежи сообщества – постоянный объект переговоров. В этом процессе можно отметить несколько «нарративных шаблонов, т.е. метанарративы, которые обеспечивают рамки, внутри которых можно рассуждать о коллективной памяти» (Wertsch – Karumidze 2009: 379-80).

После обретения независимости Грузия, у которой длинная история государственности, пережила *постоянную* переработку своего национального нарратива на протяжении четверти века, до такой степени, что Н. Сабанадзе смогла отметить как минимум три фазы в его постсоветском процессе построения нации (Sabanadze 2010: 89-98); в течение последней из этих фаз появился особенно мощный вариант национализма, чьим главным носителем оказалось Единое национальное движение (ЕНД) Михаила Саакашвили, которое стало заниматься «изобретением традиций» (Hobsbawm 1992a: 1).

Для того, чтобы проанализировать как память о советском прошлом была переделана и использована в

политическом дискурсе в этот период, автор статьи сосредоточился на нескольких особенных источниках, которые можно с уверенностью считать показательными примерами общественного дискурса Грузии. В качестве иллюстрации официальной государственной позиции были проанализированы ссылки на советское прошлое Грузии и их риторическое и идеологическое употребление в речах и в объявлениях Саакашвили¹. Такой выбор основан на том, что Саакашвили до 2012 года, когда проиграл парламентские выборы оппозиционной партии «Грузинская мечта», не только монополизировал политическую арену и был основателем и абсолютным лидером правящей партии, но и сосредоточил в своих руках большую власть (De Waal 2010: 194-6). На это можно было бы возразить, что следовало бы анализировать тексты в оригинале; однако, в этом случае английскую версию легитимно использовать как первичный источник, потому что усилия национального строительства Саакашвили были адресованы иностранному сообществу в той же мере, насколько и своей внутренней публике, и потому много внимания уделялось тому, чтобы все его речи и объявления были бы доступными и на английском языке. Более того, несколько из этих речей были на самом деле произнесены на английском, поскольку они предназначались англоязычной публике. Как второй объект анализа автором был выбран пример деятельности гражданского общества и, в частности, дискурс о советском прошлом Грузии в работе Исследовательской лаборато-

¹ <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News/SpeechesAndStatements> (последний визит - июнь 2013 года). К сожалению, данные речи давно не в интернет-доступе.

рии о советском прошлом (*Soviet Past Research Laboratory*) или СовЛаб, неправительственной организации, чья объявленная миссия – обеспечение помощи в изучении советского прошлого¹. Здесь тоже можно было бы привести вышеупомянутое лингвистическое возражение, но к этому случаю применяются и ответные аргументы, приведенные выше. Как второй пример деятельности гражданского общества, мною обсуждаются выводы исследования грузинских учебников по истории, проведенные Р. Барамидзе (Baramidze 2012) и Н. Чиковани (Chikovani 2012).

Учебники по истории – один из важнейших аппаратов для национального строительства, и потому они являются особенно чувствительным культурным местом, так как они находятся на перекрестке между государственной необходимостью обработать и распространить свой официальный нарратив и реакцией на него специфического сегмента интеллигенции. Можно было бы возразить, что учебники – составляющая часть государственного идеологического аппарата: однако, в 2010 году правительство ЕНД решило назначить комиссию, с задачей выпустить доклад о «российской и советской оккупации», ставший основой для составления дополнительного учебника, который исправит обычные учебники (Rukhadze 2012): это доказывает некоторое неудовлетворение по отношению к существующим учебникам, что в свою очередь указывает на их относительную независимость.

Последний объект анализа – это государственная политика памяти в архитектуре, в памятниках и в музеях.

¹ <<http://sovlab.ge/en>>.

Автор статьи обращает на это внимание не только потому, что это сфера, в которой государственные идеологии находят конкретную и долговечную артикуляцию. Ввиду перевеса правительственных или проправительственных источников в распространении официального национального нарратива (исполнительная власть держала большую часть СМИ под прямым или косвенным контролем, см. Chauffur 2004, Lorusso 2011: 212), становится проблемой оценить до какой степени такой нарратив пользовался успехом среди населения. В этой части анализа особенно полезными оказались размышления Грамши об обязательно фрагментарном характере документальных следов субальтерных классов (Gramsci 1975: 372, 299-300): если определить подходящую сферу, где можно отметить следы контр-нарративов, противостоящих официальному взгляду на советское прошлое Грузии, именно памятники и музеи, места памяти по определению, оказываются самыми заметными катализаторами данного периода. Речь шла не просто об изменении в городском ландшафте, а о принятии идеи (центральной для национального нарратива ЕНД), по которой любой след советского прошлого нужно было стереть, поскольку это было свидетельство эпохи, которую воспринимали исключительно отрицательно.

Михаил Саакашвили: советское прошлое Грузии как «темная эпоха»

В своей статье о национальном мифотворчестве в Центральной Азии, А. Ильхамов (2005: 330-3) находит

в национальном строительстве ее новых государств несколько общих черт, как например понятие истории как телеологический процесс выявления нации, выбор одной «золотой эпохи» в прошлом и восприятие правителя как единственного гаранта ее возвращения, селективная память и полное отождествление нации со своей титульной национальностью. Грузия не является частью этого региона, но в национализме Саакашвили есть много общего с этими чертами, хотя с менее заметным этническим ядром и с той характерной чертой, что он был поставлен в рамки неколебимого убеждения абсолютного превосходства Запада, либеральной демократии и неолиберальных экономических политик (Jones 2013: 216).¹

Саакашвили представлял Грузию как европейскую страну, которая пошла бы по тому же самому историческому курсу, что и Западная Европа, если бы Россия ей не мешала: *«Мы европейцы, это и наш выбор и наша судьба, и я уверен, что нам удастся снова присоединиться к общей семье, от которой Грузия никогда не должна была бы быть оторвана»*². В этом телеологическом представлении, потерянная «золотая эпоха» отождествляется со средневековым правлением Царя Давида Строителя и Царицы

¹ В одном интервью он заявил, что *“Свобода движения людей, товаров и капитала являются, прежде всего, европейскими ценностями»* (“Mikheil Saakashvili: Extraordinary Achievements Are Needed to Survive», *Tabula*, 23/9/2010, <<http://en.tabula.ge/article-2069.html>>, my emphasis). Подчеркивая, что принципы рыночной экономики - основные ценности ‘европейскости’, он предполагал, что Грузия должна их соблюдать для того, чтобы проявить себя ‘аутентичным’ членом этой ‘семьи наций’.

² “The President of Georgia and the President of the European Parliament Held Joint Press conference», 19/5/2011, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?6436> (курсив мой).

Тамар (Jones 2013: 226), а так называемая Революция Роз – это момент его перерождения, то ‚возвращение в Европу‘, положившее конец печальному ‚транзиту‘ страны¹. В частности, именно перед своей инаугурацией в январе 2004 года, он ввел свою новую политику масштабного «изобретения традиций» с ‚паломничеством‘ к могиле Царя Давида в Гелатском монастыре, создав себе имидж наследника правителя, который «славится тем, что объединил все грузинские территории и прогнал иностранных завоевателей, одновременно улучшая администрацию государства» (Lanskoj – Areshidze 2008: 158; см. и De Waal 2010: 194; Antelava 2004). Разрыв с советским прошлым подчеркнули и весьма символические шаги, такие как изменение часового пояса, полученного в наследие от советских времен², принятие новых национальных гимна, герба и флага, т.е. «три символа, через которые независимая страна объявляет свою идентичность и суверенность» (Hobsbawm 1992a: 11), подкрепляя идею о ‚новом начале‘ (Sabanadze 2010: 107). Красноречиво и то, что новый флаг Царицы Тамар, – являлся и символом его политической партии, которая таким образом слилась в целую нацию. Саакашвили представлял себя как отец-основатель наподобие Ататюрка (Lanskoj – Areshidze 2008: 158; De Waal 2010: 194), и то, что в его представлении его правление совпадало с новой ‚золотой эпохой‘ нации заметно в одной

¹ Как заметили Вертч и Карумидзе (Wertsch and Karumidze 2009: 387-8), такой дискурс предполагает грузинскую независимость как ‚естественную‘, тогда как в большей части своей истории территория теперешней Грузии была под иностранным контролем.

² “Times Are a-Changing in Georgia», *BBC News*, 27/6/2004, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3843511.stm>>.

речи 2005 года, где он отождествлял свой приход к власти с ,перерождением' страны¹.

В нарративе о грузинской нации Саакашвили советское прошлое играет ключевую роль, потому что оно является антитезой, ,чужим', в противостоянии которому проявляется идентичность страны: это чистое зло, тотальная потеря времени и таланта и период экономической бесхозяйственности, ,корзина истории', в которую надо выбросить все отсталое. Советская власть была «преступным режимом [...] Целая страна была тюрьмой»², где «памятники воздвигались в честь бандитов»³, и чей красный флаг был «окрашен кровью революционных идеалов»⁴. СССР описывается как полностью инородный, как будто Грузия никогда не входила в его состав: например, в цитированной речи он упомянул своего предшественника и бывшего политического покровителя Шеварднадзе как «тот президент, который во многих местах был известен как государственный деятель и чиновник *другой страны*»⁵. О себе он сказал: «Я провел значительную часть своей взрослой жизни в Советском Союзе, но он *не был моей родиной*. [...] Я не любил Советский Союз, и поста-

¹ "President Saakashvili Addresses Nation Ahead of Rose Revolution Anniversary", November 20, 2005, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News/SpeechesAndStatements?p=2711&i=1>.

² "Address by President Saakashvili at Charity Dinner with Businessmen", 28/11/2005, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?2704>.

³ "The President of Georgia Delivered a Speech at the Parade Near the Ministry of Internal Affairs", 6/5/2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?5026>.

⁴ "Speech Delivered by the President of Georgia at the Opening Ceremony of House of Justice in Batumi", 26/5/2011, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?6500>.

⁵ *Там же* (курсив мой).

раюсь как можно больше сделать так, чтобы он никогда не вернулся в Грузию»¹. На собрании Европейского Парламента он объяснил, что, по его мнению, все беды постсоветской Грузии были наследством СССР². Когда, в 2005 году, он попросил Россию убрать свои военные базы из Грузии, он назвал их «последними остатками Советского Союза»³, описывая их уход как составляющую часть процесса ‚освобождения‘. Он постоянно подчеркивал эту идею: «Я считаю Грузию единственной постсоветской страной, которая смогла избавиться от всего совка»⁴.

В этом представлении Советский Союз, Российская империя и Российская Федерация – это одно и то же⁵, и этим он объяснял напряженные отношения с Москвой: *Советский Союз – не моя родина. Он может быть родиной неких людей, но они в меньшинстве [...] Их мечты направлены на прошлое и на его реставрацию. [...] Мы направлены на будущее, а они – на прошлое. Будущее всегда победит прошлое; добро всегда победит зло*⁶.

Таким образом, Грузия определяется в противостоянии СССР/России на основе нескольких дихотомий, за-

¹ “The President of Georgia Addressed Society Gathered at the Opening of Rike Park», 24/5/2011, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?6476> (курсив мой).

² “President of Georgia’s Address to European Parliament Members», 23/11/2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?5858>.

³ “President Saakashvili Not To Leave for Moscow on May 9», 7/5/2005, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?4007>.

⁴ “Mikheil Saakashvili Addressed the Atlantic Council», 16/4/2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?4924>.

⁵ Иронически, невольно в этом Саакашвили помогла именно путинская политика памяти, которая тоже воспринимала и советское и имперское прошлое, предполагая их ‚национальную‘ последовательность (Wertsch 2012: 14-8).

⁶ “The President of Georgia Addressed Society Gathered at the Opening of Rike Park», *cit.*, (курсив мой).

груженных с аксиологическим значением и в которых Грузия представляет собой все положительные ценности, тогда как СССР воплощает все отрицательные. Впоследствии, взаимодействие с Москвой часто принимало тона крестового похода против ‚коммунизма‘, став якобы священной войной между призраком прошлого и партизанами современности¹.

В 2011 году эта антикоммунистическая риторика нашла воплощение в так называемой «Хартии Свободы»: это был ряд мер, выведенных ЕНД, которые включали в том числе установление государственной комиссии с задачей осуществлению запрета публичного показа всяческих советских (и нацистских) символов (в том числе названий улиц) и отстранение от общественных должностей бывших чиновников Коммунистической партии, агентов КГБ и «коллорабационистов»². Подчеркивая эти простые дихотомии в артикуляции политического дискурса Саакашвили, Р. Франсуа (François 2007) заметил их сходство с риторикой добра и зла Рональда Рейгана и Джорджа Буша-младшего. Однако, риторика Саакашвили напоминала и националистический дискурс Звиада Гамсахурдия, характеристикой которого были манихейская риторика, тенденция клеймить своих оппонентов как врагов нации и селективное употребление памяти, часто впадающее в измышления (Jones – Parsons 1996: 302-3; De Waal 2010: 134; Sabanadze 2010:

¹ “The President of Georgia Mikheil Saakashvili Made a Comment on the Statement Made by the President of Russia», 6/11/2008, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?3105>.

² “Georgia Adopted Liberty Charter», *The Messenger*, 3/6/2011, <www.messenger.com.ge/issues/2369_june_3_2011/2369_edit.html>.

94): например на Всеобщем Собрании Объединенных Наций Саакашвили утверждал, что российские солдаты «покидали свои части и переходили на грузинскую сторону [...] так же, как советские солдаты в Берлине во время Холодной войны», и говорил о разделении между Грузией и ее двумя сепаратистскими республиками (Южная Осетия и Абхазия) как о «новом Железном занавесе, который делит нашу общую страну»¹. Такая риторика стала особенно заметна в весьма разрекламированном случае ‚российских шпионов‘, выгнанных из страны перед телекамерами в 2006 году (François 2007) и в заявлениях, сделанных во время визита в Венгрию, когда он сказал «мы все смотрели с надеждой, скрестив пальцы, на вашу битву за свободу в Будапеште [...] Грузия начала демонстрации против Советского Союза примерно в то же время»². Это был очень грубый способ приписать задним числом полную националистическую повестку тбилисским волнениям марта 1956 года: эти волнения, кроваво подавленные Советской армией, на самом деле являлись протестом против десталинизации (Lang 1962: 264-66). Таким же образом, на тбилисском митинге, организованном правительством на 12 августа 2008 года, после того как распространились слухи о том, что российские танки якобы отправлялись на столицу³, а еще в

¹ “Remarks of H.E Mikheil Saakashvili, President Of Georgia on the 65th Session of the United Nations General Assembly», 24/9/2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?5505>.

² “The President of Georgia Opened Shota Rustaveli Square and Monument in Hungary», 23/5/2011, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?6457>.

³ Стоит заметить, что митинг официально созвали для того, чтобы отметить «День дидгорской победы», годовщину битвы 1121 года, когда Царь Давид Строитель победил огромную армию иностранных завоевателей. Однако,

ноябре 2008 года¹ и в речи на инаугурации Памятника павшим в августовской войне в 2010 году², Саакашвили сравнил недавнюю войну с советским вторжением в Венгрию 1956 года, в Чехословакию 1968 года и в Афганистан 1979 года³. В этой холодно-военной стратегии конструирования врага, Саакашвили отождествлялся не столько с ‚Западом‘, сколько с идеализированной версией его: отсюда продемонстрированный им энтузиазм в процессе выхода Грузии из СНГ⁴ и приближения к НАТО и ЕС.

Еще одной частной темой нарратива Саакашвили была схема ‚герои против предателей‘: отмечая возвращение мощей Какуца Чолокашвили (который вел партизанскую войну против Красной армии в 1920-е годы) и их погребение в национальном Пантеоне на горе Мтацминда, в Тбилиси, он заявил:

У нас всегда были герои [...] люди, которые боролись за Грузию. [...] Были сторонники Серго Орджоникидзе, который вел [большевистских] завоевателей в Грузию. [...] А были настоящие патриоты, которые воевали против них [...] Партия

настоящая годовщина была 15-го августа, и эту дату обычно не отмечали: установив такое сходство, Саакашвили смог подкрепить идею о том, что он наследник Царя Давида и таким образом подкрепить нарратив о Грузии как маленькой, но усердной стране, способной отбить могучих врагов (Wertsch - Karumidze 2009: 384-5).

¹ “The President of Georgia Mikheil Saakashvili Appeared Before the Temporary Investigation Commission of the Parliament of Georgia», 29/11/2008, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?3087>.

² “The President of Georgia Mikheil Saakashvili Opened a Monument of Heroes’ Square in a Military Uniform», 26/5/2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?5208>.

³ Иронически, Грузия пыльно участвовала во втором вторжении в Афганистан, в этот раз в рядах НАТО (Corso 2012).

⁴ Он представлял решение уйти из СНГ как «окончательное прощание с Советским Союзом» (цит. in Gorst 2008).

*Орджоникидзе выиграла, на какое-то время, но с тяжелыми последствиями для нашей страны. Всегда были попытки организовать сопротивление. [...] Всегда были люди как Орджоникидзе в Грузии, но на каждую дюжину Орджоникидзе всегда был как минимум один Какуца Чолокашвили, [...] Мы победим. Мы были едиными и преуспевающими в прошлом, будем еще едиными и преуспевающими в будущем.*¹

Саакашвили селективно толковал историю Грузии как, с одной стороны долгую историю мученичества, а с другой историю длительного сопротивления одиноких героев, которые постоянно боролись против всех и всего ради чести своей родины. Поражение героев - не последствие их ошибок, а деятельности «предателей», которые, однако могут выиграть только «на какое-то время», потому что независимость страны предполагается ‚концом истории‘ (здесь действует логика «уверения в братоубийстве», о которой написал Б. Андерсон по поводу Э. Ренана, см. Anderson 2006: 199-203).

Орджоникидзе часто являлся объектом гнева Саакашвили. Он особенно нападал на него во время инаугурации Музея советской оккупации, 26-го мая 2006 года (инаугурация была специально отложена для того, чтобы она совпадала с Днем независимости Грузии, подтверждая еще раз центральную роль отклонения советского прошлого в его национальном нарративе)². Ин-

¹ “President Saakashvili Pays Respect to a Georgian Independence Fighter», 21/11/2005, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News/SpeechesAndStatements?p=2710&i=1> (курсив мой).

² “Museum of Soviet Occupation opens in Tbilisi», 26/6/2006, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?3819>.

тересно, почему Саакашвили повторно выбирает своей целью Орджоникидзе, а не Сталина, что было бы более логично? Проблема в том, что в Грузии Сталин еще считается многими национальным героем (Asatiani 2007), а по результатам опроса общественного мнения, проведенного Кавказскими центрами исследовательских ресурсов (CRRC, Caucasus Research Resource Centers) в 2012 году – т.е. после восьми лет интенсивной *damnatio memoriae* всего советского – удивительные 45% грузин все еще хорошо относились к нему (De Waal 2013: 4)¹. Следовательно, Саакашвили обычно не обвинял его прямо, а предпочитал обвинять вместо него Орджоникидзе; или же, он его описывал как человека, который на самом деле не принадлежал нации («оккупант»)².

Еще более сложным вопросом для Саакашвили являлась Вторая мировая война. Отклонение от этого общего прошлого влекло за собой риск попасть в противоречие с европейской и американской общей памятью. В итоге, он вместе с лидерством ЕНД выбрал стратегию селективного присвоения, часто с неудобными результатами из-за усилий извлечь несостоятельные дихотомии из намного более сложной исторической действительности: например, в 2011 году Министр Иностранных Дел Григол Вашадзе предложил перенести празднование Дня Победы на 8-е мая вместо 9-го³; было принято реше-

¹ Еще пять лет назад, их было еще больше: 69% (IPM *et al.*, 2007: 41).

² “Mikheil Saakashvili Made a Statement on the Matter of Stalin’s Monument Removal in Gori», June 25, 2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?5285>.

³ День Победы уже был отменен первым постсоветским президентом Грузии Гамсахурдия, и только его предшественник Шеварднадзе его восстановил (Vasadze 2012).

ние продолжить почитать павших 9-го мая внутри страны, тогда как чиновники Министерства Иностранных Дел и депутаты будут отмечать его 8-го мая: таким образом, Грузия могла бы не отмечать День Победы вместе с наследниками СССР (Vasadze 2012)¹. Дискурсивная стратегия Саакашвили была «десоветизировать» память Второй мировой войны, убирая памятники павшим, и «национализировать» грузинских героев войны отрывая их, грузинскость от их «советскости», сохраняя первую за счет второй: такой был случай Мелитона Кантария, младшего сержанта, который вместе с М. Егоровым, поднял Красный флаг над Рейхстагом в 1945 году. При посещении деревни Жвари на 9-е мая 2011, Саакашвили переименовал школу в честь Кантария и заявил, что «Кантария – самый классический пример трагической судьбы нашей страны», потому что он был грузин, живущий в Абхазии, и в конце своей жизни стал беженцем. Для того, чтобы уместить Кантария в свой националистический нарратив, Саакашвили превратил его историю в нарратив неблагодарности со стороны СССР/России, на которую он свалил ответственность за его мучения².

В действительности, Кантария был выгнан абхазами, и в России обрел убежище, но здесь Саакашвили искажает историю для того, чтобы использовать его образ как «фигуру воспоминания», т.е. исторический образ, кото-

¹ Это, между прочим, являлось прямым вызовом российскому национальному нарративу, потому что Великая Отечественная Война - это единственное историческое событие, которое в России представляет собой действительно общенациональную памятью.

² «The President of Georgia Opened Zugdidi Airport Departure Line and Visited Meliton Kantaria's Cemetery», 9/5/2011, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?6394> (курсив мой).

рый приобретает нормативную ценность и освещает настоящее время (Assmann 1997: 26). Через это селективное присвоение и манипуляцию историей Саакашвили мог одновременно подтвердить свой нарратив о Грузии как жертве и подчеркнуть ее сопротивление.

Еще одним таким случаем была ‚национализация‘ восстания грузинских военнопленных против немцев на острове Тексел (Нидерланды). Приписывая им анти-сталинскую агенду, забывая о том, что это были бывшие солдаты Советской армии и очищая их от того, что они какое-то время воевали на стороне нацистской Германии под знаменем «Грузинского легиона», Саакашвили описал их как «героев, которые на той войне храбро воевали одновременно против двух тоталитарных режимов»¹.

Дискурс Саакашвили о советском прошлом, в общем, очень часто повторялся: в течение лет, никакого особенного развития не замечается, и можно найти одни и те же аргументы и слова даже в речах, которые были произнесены с перерывом в несколько лет. Ссылки на советские времена появляются во многих речах в течение всего его президентства, и, как можно было ожидать, они интенсифицируются в моменты столкновения с Россией. Однако, тут замечается, что эта риторика показывала разные стороны в зависимости от публики. Говоря с российскими СМИ, Саакашвили мог вести другой нарратив: например, в интервью *Эхо Москвы* 2007 года, он упомянул партнерство с Россией во время Кавказских войн 19-го века и представлял Грузию как потенциа-

¹ “The President of Georgia and Georgian Veterans to Honor all Georgian Heroes of World War II in Ceremony on Texel Island, the Netherlands, on Wednesday, 4 May 2005», 4/5/2005, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?2211>.

ного полезного союзника для стабилизации Кавказа¹. С другой стороны, когда он говорил с чиновниками США и ЕС, он не столько подчеркивал ‚грузинскость‘, сколько ‚западность‘ и либеральное направление страны, как противовес российскому империализму. На Всеобщем Собрании Объединенных Наций, он обратился к абхазам и осетинам с просьбой *«не поддаваться аннексии со стороны Российской Империи»* и построить вместе с грузинами *«многокультурное и многоэтническое общество, которое станет региональной моделью толерантности»*². Утверждение, что отделение Абхазии и Южной Осетии было просто результатом советского/российского заговора, конечно, скрывало тот факт, что истинной причиной осетинских и абхазских восстаний в 1918-21 гг. и в 1990-е оказалась политика принудительной грузинизации с начала Грузинской Демократической Республики, а потом Гамсахурдия (De Waal 2010: 65; Jones 2006: 254).

Уникальная характеристика ‚официального‘ национализма Саакашвили и его стремления к десоветизации была в том, что его адресатами были не только национальное сообщество, но и международное: его целью было не только подкрепить национальную самоидентификацию грузин и их национальную гордость за счет советского наследия, но сделать так, чтобы и иностранцы признали грузин: *«Грузия – это страна европейских ценностей, а Европа и все ее страны-члены должны все-*

¹ „Interview with the President of Georgia Mikheil Saakashvili of the Russian Radio», 28/1/2007,

www.president.gov.ge/en/Georgia/GeorgiainWorldMedia?p=6866&i=2.

² „Remarks of H.E Mikheil Saakashvili, President Of Georgia on the 65th Session of the United Nations General Assembly», *cit.* (курсив мой).

ми способами это увидеть. [...] Европа для нас значит демократию»¹.

В целом, Саакашвили и ЕНД продвинули и распространили очень подробно сформулированную идеологию государственного национализма в рамках неолиберальной и весьма прозападной политической повестки, которая играла ключевую роль в подкреплении консенсуса вокруг правительственных политик быстрого государственного строительства сверху вниз. Как «прагматический пуританин» (Jones 2013: 225), Саакашвили обработал синкретический нарратив грузинской нации, которая оживила призыв к героическому прошлому Гамсахурдия, его антироссийское направление и его стремление к самоутверждению (неслучайно, Саакашвили официально реабилитировал Гамсахурдия и присутствовал на похоронах в грузинском Пантеоне на горе Мтацминда в апреле 2007 года, De Waal 2010: 135), но артикулировал их в более гражданской форме (как и до него сделал Шеварднадзе), но не обвиняя национальные меньшинства в проблемах страны (Jones 2013: 224-6).

Гражданское общество: Проект СовЛаб и учебники по истории

Исследовательская лаборатория о советском прошлом (*Soviet Past Research Laboratory*) или СовЛаб – это грузинская неправительственная организация, основанная

¹ “European Debates opened in the ‘European House’», 15/5/2010, <www.president.gov.ge/en/PressOffice/News?5086>.

группой исследователей в марте 2010 года¹, после международной конференции 2009 года *Топография террора: переконструировать советскую грузинскую историю (сталинизм, тоталитаризм, репрессия)*, организованной Институтом международной кооперации DVV International и южнокавказским офисом Heinrich Böll Foundation. Эти организации стали и первыми донорами проекта², к которому потом присоединились National Endowment for Democracy и Open Society Georgia Foundation³. Политический взгляд СовЛаб – это “демократическое и либеральное интеллигентное общество основано на ценностях [...] и его первая ценность – свобода и достоинство каждого человека». Цель СовЛаб – обеспечить помощь изучению советского тоталитарного прошлого и повышению осведомленности о политической, легальной и моральной ответственности за советское наследие. Цель организации – создать среду, наводящую на размышления и на

¹ <<http://sovlab.ge/en>>.

² Первый является организацией, поддерживающей воспитательные проекты в разных странах. Последняя оказывается фабрикой мыслей Партии Зеленых Германии (<<http://georgien.boell-net.de/web/128-264.html>>). Обе, следовательно, имеют левую, не гневно антикоммунистическую политическую агенду.

³ NED (<www.ned.org/>) - это фонд, финансируем вкладками Конгресса США в рамках бюджета USAID. Официально посвящен продвижению демократии во всем мире, его часто обвиняют в том, что он просто инструмент американской внешней политики. Фонд Open Society Georgia - это частная организация и ветвь известного международного фонда Джорджа Сороса. Его заявленные цели - помочь «транзиту от коммунизма до демократии» и «провижение человеческих прав»(<www.opensocietyfoundations.org/about>) и он поддерживал ЕНД. У NED и OSF заявленная антикоммунистическая позиция. Можно так прийти к заключению, что СовЛаб получает деньги от доноров с разными политическими агендами, что может дать ей хотя бы какую-то свободу для свободного проведения ее деятельности.

дискуссию, чтобы помочь демократическому развитию»¹. Таким образом, советское прошлое Грузии определяется с самого начала как нечто осуждаемое: это довольно смелое утверждение, поскольку принимает 70-летний период за монолитную и монотонную темную эпоху и предварительно дает оценку, которая должна была бы быть выводом, заменив собой гипотезу исследования. Итак, СовЛаб устанавливает очень узкие рамки для изучения советского прошлого Грузии и превращает исследователя в прокурора, который предположительно обязан не только погрузиться в историю для того, чтобы разъяснить и понять, что случилось и почему, а обязан и искать политическую, легальную и моральную ответственность; вкратце, предполагается что все это прошлое автоматически является преступным. Деятельность группы посвящена прежде всего периоду Большого Террора в 1930-ые годы: «Топография террора», биографии жертв, картины мест, связанных с каждой историей, а также календарь, связанный с местами репрессий. Все это связано с проектом *Советский Тбилиси*: новый виртуальный тур «описывающий советский быт», который является единственным проектом, не связанным с репрессиями. СовЛаб выполнил еще один проект, *Виртуальная платформа: переконструировать советское прошлое*: его прямая цель – «создать учебные ресурсы [и] поощрять дискуссии о тоталитаризме, сталинскими репрессиями и вообще о советском периоде, и повысить осведомленность о них»². Проект состоит из десяти различных тематических дис-

¹ <<http://sovlab.ge/about-us/mission-vision>> (курсив мой).

² <<http://sovlab.ge/projects/finished>>.

куссий, среди которых только одна не связана напрямую со сталинизмом и репрессиями. Другая часть проекта – подборка из десяти интервью «людей, чьих семей коснулся советский террор»¹. Третий проект о репрессиях женщин был в курсе разработки в момент, когда писался этот очерк. Знакомство с материалами, произведенными СовЛаб подтверждает, что несмотря на заявленный интерес к советскому прошлому, фактически он сосредоточится исключительно на репрессиях и на сталинской эре, таким образом воспроизводя представление о советском прошлом как о темной эпохе.

Более тонкая картина выявляется из анализа, проведенного Н. Чиковани (Chikovani 2012) и Р. Барамидзе (Baramidze 2012) грузинских учебников по истории. Барамидзе проанализировал политику памяти страны и преподавание истории, сосредоточившись в частности на том, как учебники описали события 9-го апреля 1989 года в Тбилиси (когда советские войска убили 20 демонстрантов). Он заметил, что они стали одним из ключевых событий в национальном нарративе, который представляет независимость как достижение длительной борьбы и историческое развитие Грузии как телеологически направленное к демократизации; к тому же, «язык политического дискурса, связанного с упоминанием этих событий, практически один и тот же [...]». Это значит, что учебники стали важной составляющей частью политики памяти ‚событий 9-го апреля‘ (Baramidze 2012: 172). Н. Чиковани, с другой стороны, сосредоточилась на том, как учебники периода после независимости строили

¹ Там же.

представление о себе и о соседях в описание событий начала 20-го века. Оба показывают, как вариации в учебниках по истории отражают государственную политическую повестку. В первом учебнике, выпущенном после получения независимости, «отрицательный образ чужого – это Россия», и предполагается имперская последовательность между дореволюционной Россией и СССР, создавая представление о «соседе-враге», которое оставалось таким же «в течение всех следующих лет», тогда как Грузия рассматривалась как одна из европейских стран (Baramidze 2012: 183, 185; Chikovani 2012: 72-5). В общем, основной нарратив о грузинской истории, сосредоточенный на Российской Империи как «угнетающем чужом», стал образцом для этноцентрического преподавания истории, полного «героической риторики» (Chikovani 2012: 69). Интересно, как все это изменилось именно при президентстве Саакашвили: начиная с 2005 года, после принятия нового Закона о Просвещении, который предусматривал более плюралистический подход, новые учебники показали тенденцию скорее обеспечивать ряд документов, чем простой нарратив, и избегать обсуждений. Антисоветская риторика в них еще присутствовала, но «авторы уклоняются от прямого указания на Россию как наследника советской империи» (Baramidze 2012: 189). Из этого следует, что если новые учебники стали принимать более плюралистический подход и стараются не принимать прямо антироссийскую позицию, Советский Союз напротив еще сохранил свой «вражеский имидж»: Советскую Россию обвиняют в том, что она разжигала восстание осетин и абхазов против недолговеч-

ной Грузинской Демократической Республики, тогда как свержение последней считается иностранной оккупацией, даже если присутствуют разные оценки событий (Chikovani 2012: 81-4).

Ясно, что если черно-белый нарратив ЕНД о советском прошлом Грузии в общем объединяет авторов этих учебников, последние также стараются избежать слишком резких выводов о том, до какой степени Российская Федерация является ‚продолжением СССР другими способами‘. Видимо, это беспокоило правительство, потому что в апреле 2010 года оно назначило комиссию, поставив задачу произвести доклад об имперской Российской и советской оккупации Грузии в 1801–1991 гг. (Rukhadze 2012). Комиссия представила свой доклад только в декабре 2010 года, но уже летом новые учебники были подготовлены и включены в школьные программы на его основе, представляя историю отношений двух стран в таких же красках, какие мы нашли в нарративе Саакашвили; имеет особое значение то, что программа заканчивается августовской войной 2008 года, как будто для того, чтобы вручить новым поколениям задачу ‚окончательного‘ освобождения страны¹.

Городские ландшафты, памятники и музеи как поле идеологической борьбы

Юрий М. Лотман (2010: 676-82) утверждал, что архитектурное пространство – это всегда семиотическое про-

¹ “Teaching a Lesson: Georgian President Rewrites History to His Liking, *Russia Today*, 7-22/7/2010, <<http://rt.com/politics/georgia-textbook-occupation-school/>>.

странство: оно дает миру форму, но одновременно является само по себе объектом моделирующей деятельности, которая воспроизводит мировоззрение их создателей. В свою очередь, расположение архитектурного пространства играет активную роль в формировании индивидуального и коллективного сознания (*ibidem*: 683). То же самое применимо к музеям: «музеи, и музеизирующее воображение» – заметил Б. Андерсон (Anderson 2006: 178) – «оба глубоко политические». Саакашвили, в действительности, придавал огромное значение архитектуре, памятникам и музеям в его усилиях национального строительства, которые включали радикальную переработку грузинского городского ландшафта (Morvan 2012)¹.

Период президентства Саакашвили был охарактеризован с одной стороны архитектурной лихорадкой, с другой иконоборческим буйством. Последнее в частности было направлено против памятников и символов советской эпохи (в том числе и против названий улиц), которые были заменены новыми, «национальными» или «западными». Такая политика памяти (и забвения) была сознательно связана с воспринимаемой необходимостью для Грузии уйти от своего прошлого и заменить его тем, что Саакашвили и его сторонники толковали как знаки современности. Именно в этом уходе Грузия проявляла себя

¹ Достаточно напомнить, что в мае 2012 года Министерство Культуры отправило всем грузинским семьям пышно иллюстрированную книгу (на грузинском, английском и русском языках), *Новая Грузия: Грузинская архитектура после Революции Роз 2004-2012*, с фотографиями всех архитектурных проектов, предпринятых в стране начиная с 2004 года. Этот шаг конечно включался в предвыборную кампанию (Tsiskaradze 2012), но и имел более широкое значение: на обратной обложке была цитата от Черчилля (“First we shape our buildings, then they shape us»), которая подчеркивала «педагогическую» цель этой новой архитектуры.

и свою национальную идентичность: «каждое здание, что мы строим – это гвоздь в гроб Советского Союза»¹. Переосмысление самоопределения Грузии, в свою очередь, было проведено по двум схемам: с одной стороны реставрация архитектурного наследия страны (иногда до полной неузнаваемости, как случилось с Храмом Баграта в Кутаиси и с историческими памятниками в Мцхете)²; с другой то, что можно назвать «монументальным дискурсом» (Assmann 1997: 137), то есть воздвижение целого ряда впечатляющих и футуристических зданий, с целью представить Грузию как страну ‚современную‘ и ‚европейскую‘ (последний шаг был подчеркнут использованием флага Евросоюза на общественных зданиях рядом с грузинским), например, новый Парламент и новый международный аэропорт в Кутаиси, Мост Мира, Холл Общественных Услуг и Министерство Внутренних Дел в Тбилиси³. Общей чертой всех этих зданий было преобладание стекла, якобы воплощающего прозрачность, и которое характеризовало и новые полицейские участки, которые разрастались как грибы по всей стране (Lomsadze 2010).

¹ “The President of Georgia Addressed Society Gathered at the Opening of Rike Park», *cit.*

² Такие проекты ‚реставраций‘ дошли до того, что Юнеско включил Храм Баграта, Гелатский монастырь и местные памятники в Мцхете в список мирового наследия в опасности в 2009 и 2010 гг. (<<http://whc.unesco.org/en/news/637>>, <<http://whc.unesco.org/en/news/535>>).

³ Некоторые прокомментировали, что иронически советское наследие Грузии незаметно стало заметно в этом теоретически новом визуальном стиле, потому что Саакашвили на самом деле «принял грандиозный неоклассицизм советских архитекторов» (Wargan 2011). Похожую схему наследия отклоненную в содержании и принятую в форме можно найти и в «лагерях патриотов» для детей: это националистическая версия советских пионерских лагерей (Antelava 2005).

Больше всех был затронут этой политикой город Батуми, городской ландшафт которого был радикально изменен с заявленной целью превратить его в курорт по образцу Дубая. Его традиционно невысокий силуэт затмили массивные высотные здания, в которых расположены роскошные гостиницы, и такие огромные памятники, как Башня Алфавита, символизирующие собой новую Грузию (Charbonneau 2012). Этот проект городской реновации вызвал значительную оппозицию от жителей Батуми, потому что он означал почти полный разрыв с прошлым, и в частности с советским прошлым: местный памятник павшим во Второй мировой войне был демонтирован в феврале 2012 года¹, тогда как Дом-музей Сталина был закрыт; в то же время, сверкающая плаза под именем просто «Piazza» (площадь по-итальянски) была открыта в 2010 году и памятник Медее, как-то неожиданно истолкованной как принцесса, которая привела Грузию в Европу был воздвигнут на одной из главных батумских площадей в 2007 году. Как сказал один местный режиссер, «Смысл всего так называемого перестроения Батуми – это стереть прошлое как можно быстрее, как будто наша история началась только с Революции Роз и раньше ничего не было» (цитирован в Tsiskaradze 2012).

Таким же образом, массивный Мемориал Славы в Кутаиси, построенный в память 300.000 грузинских воинов, павших в течение Второй мировой войны, был заменен новым Парламентом. Власти даже решили взорвать его,

¹ “Dismantling of Batumi Monument Encroach upon Soldiers’ Memory – FM», *ITAR-TASS*, 22/2/2012, <www.itar-tass.com/en/c154/349964.html>.

а не демонтировать, как первоначально планировали, для того, чтобы представить его снос как свершившийся факт: однако, взрыв убил двух человек и вызвал резкие протесты (Antidze 2009). В Тбилиси, на площади Ленина (теперь площадь Свободы), на колонне, на которой до 1991 года стояла статуя Ленина, с 2006 года стоит статуя Святого Георгия. Памятник, известный по прозвищу «Андроповские уши» был убран в 2005 году в присутствии президента. В 2011 году Саакашвили смог продемонстрировать свою лояльность США, воздвигнув в Тбилиси памятник Рональду Рейгану¹. Серп и молот были стерты со здания Парламента на бульваре Руставели, бывшего места расположения правительства Грузинской ССР, а два мемориала были установлены: один – жертвам 9-го апреля 1989 года (воздвигнут в 2004 году), а другой – жертвам 9-го марта 1956 года. Мемориальная доска на последнем гласит (на грузинском и на английском): «участникам мирного митинга, расстрелянным советским режимом»: таким образом, «официальный» национализм присвоил задним числом тбилисские волнения против десталинизации 1956 года, превращая их жертв в героев, павших за независимость страны. Во дворе Нового Президентского Дворца, построенного с 2004 до 2009 года по образцу Белого Дома в Вашингтоне и покрытого куполом, похожим на стеклянный купол Рейхстага в Берлине, есть мозаика, которая представляет историю Грузии: большая часть образов относятся к средневековой Грузии, советской эпохе уделяется минимальная и отрицательная часть,

¹ «Georgia, Stalin's Birthplace, Shuns Soviet Legacy», *Agence France Presse*, 18/1/2012, <www.naharnet.com/stories/en/27029>.

а завершается рассказ телеологически Революцией Роз, представленной как возвращение свободы.¹ Позиция и размеры дворца сами по себе подчеркивают значение, которое Саакашвили приписывал своему президентству, потому что дворец выделяется как самое импозантное здание на левом берегу реки Мтквари, которое превосходит только Собор Цминда Самеба.

Еще одним способом стереть прошлое была топономастика: в столице все советские (и большая часть русских) названий были заменены ‚западными‘, как например ул. Леха Качинского, площадь Свободы, площадь Европы и, что более заметно, бульвар Джорджа В. Буша. Последний выбор вызвал дискуссии среди местных резидентов и интеллигенции из-за войны в Ираке². Однако, самым спорным местом в Тбилиси оказался Музей советской оккупации, расположенный в одном крыле Национального Музея. Он был открыт по инициативе Саакашвили в 2006 году и рассказывает историю Грузинской Демократической Республики, ее свержение со стороны РСФСР и следующее присоединение к СССР и историю страны до сегодняшнего дня. Нарратив заканчивается планом Грузии, в котором Южная Осетия и Абхазия выделены: подпись гласит «Оккупация продолжается», предполагая империалистическую последовательность между СССР и РФ. Независимость Грузии в 1918 году представлена как достижение долгих лет ожидания, но на самом деле это был побочный результат Октябрьской

¹ <www.president.gov.ge/en/ThePalace/History>.

² “Protests Against ‘George Bush Street’ in Tbilisi», *Voice of Russia*, 15/8/2010, <<http://english.ruvr.ru/2010/08/15/15783552.html>>.

Революции (Suny 1997; De Waal 2010: 60), а грузинские меньшевистские лидеры, которые провозгласили Демократическую Республику в 1918 году, были против такого шага до самого конца (Lang 1962: 192-225; Jones 2013: 220; De Waal 2010: 61). Также не упоминается то, что республика была фактически немецким протекторатом (Lang 1962: 206-7; De Waal 2010: 63) и то, что после сдачи Германии, Великобритания взяла на себя роль 'протектора' (там же: 216; Lorusso 2011: 50). Свержение Грузинской Демократической Республики Красной армией в 1921 году представляется как завоевание, которое стало возможно из-за легализации местной коммунистической партии, описанной как 'вражеская' пятая колонна. Следующие десятилетия описываются как бесконечный ряд репрессий и борьбы храбрых патриотов, которые продолжали национальное сопротивление. Красноречиво, что грузины, павшие во Второй мировой войне, также считаются среди «жертв советской власти». В вестибюле музея видео об августовской войне 2008 года показывает эту войну как произвольную попытку России овладеть страной, которая была приостановлена Грузинской армией и грузинским народом¹. Музей вызвал скандал с самого своего открытия, но в ноябре 2012 года, отвечая на письмо от организации Союз грузинского и русского народов с просьбой о закрытии музея, новый замминистра культуры ответил предложением изменить его название. Две другие пророссийские организации, Совет грузинских

¹ ЕНД подкрепило версию 'советской оккупации' в июле 2010 года, когда грузинский парламент принял резолюцию, объявляя 25-ое февраля «Днем советской оккупации» (25-го февраля 1921 года Красная армия свергнула Грузинскую Демократическую Республику) (Lorusso 2011: 56-7).

рабочих и Общество Ираклия Второго, устроили митинг за превращение музея в «Музей советских достижений в Грузии» (Rukhadze 2012); три дня спустя, еще одна организация, Дом толерантности, устроила митинг, на этот раз уже против закрытия музея.

Похожая схема развилась в Гори: будучи местом рождения Сталина, этот город свидетельствует о том, что память о Сталине еще жива: один центральный бульвар носит его имя, и Музей Сталина – это место, где выживание этой памяти еще весьма заметно. Экспозиция, почти нетронутая с 1980-х годов, показывает огромное количество памятных вещей и рассказывает историю талантливого молодого человека, который смог проложить себе дорогу в жизни упорной борьбой и стать самым могущественным человеком в метрополии. Это, судя по тому, что пишет Л. Бакрадзе, является как раз тем, что о нем думают многие грузины (Bakradze 2013: 48): в действительности, многие экспонаты подчеркивают именно ‚грузинскость‘ Сталина. Признаться, это не полная агиография, но в общем посетитель выходит из музея, получив преимущественно положительное впечатление о герое музея. Так как память о Сталине имела очень много противоречий с официальным нарративом, было принято решение оставить экспозицию в первоначальном виде, добавив примечание в самом конце выставки, объясняющее, что это был типичный пример советской пропаганды, и что музей в будущем станет музеем такой пропаганды. Перед музеем стоит маленькая статуя Сталина, приветствующая посетителей, а домик, где он родился, тщательно охраняется. Когда правительство решило убрать большую

бронзовую статую с центральной площади Гори, 25-го июня 2010 года, пришлось это сделать ночью и без предварительного объявления или публичного обсуждения, чтобы избежать протестов¹: потому что по опросу общественного мнения, проведенному Гэллуп в 2007 году, 88% респондентов были против идеи убрать главную статую Сталина в Гори (IPM *et al.*, 2007: 40-1). Как можно было ожидать, сразу же после сноса памятника разразился скандал; в декабре 2012 года жители села Земо Алвани, около Тбилиси, приняли более радикальное решение и сами восстановили статую Сталина, которую власти убрали год назад (Antidze – Mdzinarishvili 2012). Несмотря на то, что понятно, что вопрос о памяти о Сталине непростой, гораздо сложнее оценить его значение. Разговоры на эту тему с несколькими жителями Гори выясняют, что есть разные взгляды: кто-то говорит, что все было намного лучше при нем; местный историк требует более уравновешенной оценки прошлого, тогда как ветеран объясняет, что Сталин их вдохновлял во время войны, и считает, что осудить его недопустимо, потому что это значило бы, что он воевал и жил зря (Lomsadze – Bardzimashvili 2007). Выявляются и другие, более неожиданные взгляды: один из сотрудников музея описывает Сталина как «гения», и обвиняет «времена» за репрессии; другой, с националистической точки зрения, называет его «предателем»; третий, тоже на националистической основе, говорит, что он горд быть соотечественником Сталина; один пенсионер, чей отец был репрессирован, объясняет, что он все равно

¹ "Stalin Statue Removed from Gori», *The Georgian Times*, 25/6/2010, <www.geotimes.ge/index.php?m=home&newsid=22017>.

любит Сталина поскольку, несмотря на его провинциальное происхождение, он создал «огромную империю», убеждая собеседника, что Сталин не несет вины за репрессии (Asatiani 2007); имперский нарратив поддерживается и одним коммунистическим активистом, который утверждает, что «СССР был великой империей, а Сталин – его величайший герой». Самое любопытное мнение было выражено президентом Общества Ираклия Второго, который считает Сталина защитником христианского православия, так как он «избавился от целого ряда атеистов как Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и прочие, восстановил самоуправление Российской Православной Церкви» (цитировано в Shanidze 2009). Учитывая все это, положительную оценку образа Сталина не стоит принимать как обязательно создающую положительное мнение о советском прошлом Грузии. Это было подтверждено результатами одного опроса общественного мнения CRRC, по которому 45% грузин положительно оценивают фигуру Сталина (и такой процент доходит до 72%, если учитывать только пенсионеров, Bakradze 2013: 52). Более тонкая разбивка результатов по социальным группам «не показывает значительной разницы внутри общества». 68% грузин согласны с утверждением, что «Сталин был мудрым лидером, который довел Советский Союз до могущества и процветания», а 76% считает, что самое важное это то, что при нем СССР выиграл Вторую мировую войну (De Waal 2013: 8). Несмотря на то, что в том же самом опросе, 53% согласны с тем, что «Сталин был жестоким, бесчеловечным тираном, ответственным за гибель миллионов невинных людей», 45% определяет его репрессии как «политические преступления».

ния» и только 29% думает, что жертвы, принесенные при нем, стоили того; еще меньше (27%) выразили необходимость в лидере который, как Сталин, смог бы «прийти и восстановить порядок» (*там же*: 9-11). К тому же, 68% выразили свою поддержку «демократии» (Bakradze 2013: 53) и только 24% хотели бы жить в стране «управляемой таким человеком как Сталин» (De Waal 2013: 6). Все эти противоречивые утверждения ясно дают понять, что для грузин Сталин является образом, чья семиотическая толщина позволяет самые разнообразные толкования, хотя все якобы разделяют одну основу, т.е. идею о Сталине прежде всего как о ,национальном' герое. Л. Бакрадзе (Bakradze 2013: 53) приходит к выводу, что Сталин является «еще и важным символом, но без сильного политического содержания».

Однако, отсутствие *сильного* политического содержания не значит *полного* отсутствия политического содержания, особенно если учитывать не только отношение к Сталину, но и отношение к советскому прошлому в целом. По этому поводу, полезный ключ для определения значения того, что выглядит как просто выявление ,ностальгии', дает недавняя этнографическая работа, проведенная в Гори антропологом Катрин Бендтсен Готфредсен (Bendtsen Gotfredsen 2014), которая попыталась исследовать альтернативные нарративы о советском прошлом Грузии, о которых заставили молчать и которые потеряли значение после 2003 года. Она пришла к выводу, что *damnatio memoriae* этого прошлого, продвигаемая правительством, опустошила личное прошлое многих людей, которые в то время пользовались более высоким социополитическим положением, но были маргинализированы

ны после Революции Роз. Следовательно, их ,ностальгические' чувства не представляют собой просто ,остатки' другой эпохи, а напротив являются прямым продуктом этого процесса селективного стирания прошлого (там же: 263) и потери социальной и экономической безопасности. То, что над такой ,ностальгией' Саакашвили часто издевался и называл ее ,неразумностью', доказывает, что он сам понял, что эта ,ностальгия' – на самом деле реакция на его политику (там же: 250): ,ностальгические' нарративы прошлого можно на самом деле истолковать как «политически нагруженные попытки найти себе место социального значения и уверенности в национальном контексте, в рамках которого [...] [такие люди] становятся все больше и больше маргинализированы» (там же). Это объясняет их противоречивость и их ссылки на очень разнообразные идеологические источники, от национализма до религии, скорее чем на марксизм (там же: 252). Поэтому, эти проявления ,ностальгии' не являются полномасштабной политической альтернативой, а только протестом против гегемонического взгляда на советские времена, в ее попытке противостоять неудовлетворительному настоящему через *презентификации* отсутствия, которое для них является «поиском значимого ,пространства опыта' » (там же: 262).

Выводы

В итоге, мы увидели как при президентстве Саакашвили в грузинском официальном государственном дискурсе, представленном здесь речами и заявлениями самого Саакашвили и его политике памяти в архитекту-

ре, в памятниках и в музеях, преобладал отрицательный, почти дистопический взгляд на советское прошлое страны, представляемый как абсолютно чужое по отношению к Грузии. Такой взгляд воплотился в политике *damnatio memoriae* в музеях и в иконокластическом импульсе, который выразился в сносе как можно большего количества советских памятников и символов, с заявленной целью радикально десоветизировать городской ландшафт Грузии и переделать его в ‚национальной‘ форме. Этот нарратив послужил не только проекту национального строительства Саакашвили, но и его радикальной неолиберальной повестке, потому что дал ей ‚национальное значение‘ как выражение ‚европейскости‘ и ‚западности‘ Грузии. Анализ деятельности СовЛаб и результаты исследования учебников по истории, проведенного Н. Чиковани и Р. Барамидзе также показали отрицательный взгляд на советское прошлое Грузии, хотя не такой экстремальный, как взгляд Саакашвили, и указывают на то, что последний был разделен значительной частью гражданского общества страны; стоит заметить, например, что Хартия Свободы была одобрена грузинским парламентом почти единогласно¹. Что касается прозападного направления Грузии и ее самосознания в качестве европейской страны, разумно считать, что Саакашвили ссылаясь на национальный метанарратив (Wertsch – Karumidze 2009) который уже укоренился в коллективной памяти и который многие разделяют: по опросу общественного мнения CRRS 2008 года, 54%

¹ Парадоксально, комиссия, которая должна была бы выполнить запрет, никогда не была установлена при Саакашвили, тогда как следующее правительство «Грузинской мечты» нашло время для его установления» («Baltic States Welcome Amendments to Liberty Charter», *Civil.ge*, 10/1/2014, <www.civil.ge/eng/article.php?id=26852>).

грузин считали себя европейскими (Gutbrod – Papiashvili 2009: 11). То же касается и вписания «демократии» в национальный нарратив как один из его отличительных знаков, как подтверждено другим опросом 2008 года и видимо «подсознательно воспринято как указатель избирательности, европейскости и христианства» (Wertsch – Karumidze 2009: 386). Такое развитие могло бы быть и прямым продуктом национализирующей политики ЕНД, которая предполагала именно такое уравнение между ‚европейскостью‘, ‚грузинскостью‘ и ‚демократией‘. Что касается советского прошлого, К. Какачия (Kakachia 2012: 6) подтверждает, что начиная с 1991 года импульс «отойти от советского прошлого [...] [т.е.] ‚убежать из Советского Союза‘ стал общенациональной мантрой, опирающейся на национально обоснованный нарратив», а по этому поводу Л. Бакрадзе (Bakradze 2013: 49) заметил, что в Грузии, в отличие от России, нет большой Коммунистической партии, которая сохранила положительную память об СССР. Однако, анализ реакций на государственную политику памяти и несколько противоречивых результатов опросов, подсказывают, что картина более сложна. Резкое сопротивление, вызвано сносом памятников советской эры и самыми экстренными проектами городских изменений, дают основание думать, что нарратив Саакашвили зашел слишком далеко за пределы этого общего метанарратива в его антисоветском импульсе и в его радикальной неолиберальной повестке. Это косвенно подтверждает опрос общественного мнения 2007 года, по которому 60% респондентов утверждали, что советские времена были самым лучшим периодом для них (IPM *et al.*, 2007:

39), показывая, что многие были глубоко затронуты чувством потери социальной и экономической безопасности, которое последовало за распадом СССР. Следовательно, те протесты, которые он поспешно ликвидировал как ностальгические, на самом деле могут быть истолкованы как запутанное, но политически значительное выражение недовольства со стороны социальных групп, маргинализованных послереволюционным политическим курсом. Следует уточнить, что эти выводы никак нельзя считать окончательными; однако, они являются солидной основой для дополнительных исследований.

Библиография

Anderson, Benedict (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, London-New York, Verso.

Antelava, Natalia (2004) "Georgia Pins Hopes on New Leader», *BBC News*, 25/1, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3428615.stm>>.

Antelava, Natalia (2005) "Patriot Games for Young Georgians», *BBC News*, 19/9, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4250228.stm>>.

Antidze, Margarita (2009) "Georgia Blows Up Soviet Memorial: Two People Killed», *Reuters US*, 19/12, <www.reuters.com/article/2009/12/19/us-georgia-monument-idUSTRE5BI1KW20091219>.

Antidze, Margarita - Mdzinarishvili, David (2012) "Georgian village reinstates Stalin monument to mark anniversary», *Reuters UK*, 21/12, <<http://uk.reuters.com/article/2012/12/21/oukoe-uk-georgia-stalin-idUKBRE8BK0VP20121221>>.

Asatiani, Salome (2007) "The Great Terror: In Stalin's Birthplace, Forgiving And Forgetting», *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 14/8, <www.rferl.org/content/article/1078153.html>.

Assmann, Jan (1997) *La memoria culturale: scrittura, ricordo e identità politica nelle grandi civiltà antiche*, Italian tr. by F. De Angelis, Torino, Einaudi.

Bakradze, Lasha (2013) “Georgia and Stalin: Still Living with the Great Son of the Nation», in Thomas De Waal, (ed.), *The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion*, Washington DC, Carnegie Endowment for International Peace, pp. 47-54.

Baramidze, Ruslan (2012) “April 9, 1989 as a Site of Memory: The Policy of Commemoration and History Teaching in Georgia», in Rumyantsev 2012, pp. 170-93.

Bendtsen Gotfredsen, Katrine (2014) “Void Pasts and Marginal Presents: On Nostalgia and Obsolete Futures in the Republic of Georgia», *Slavic Review*, Vol. 73, No. 2 (Summer), pp. 246-64.

Bhabha, Homi K. (1990) (ed.), *Nation and Narration*, London-New York, Routledge.

Bhabha, Homi K. (1990a) “Narrating the Nation», in Bhabha 1990, pp. 1-7.

Charbonneau, Aurore (2012) “Le développement touristique comme consolidation de la Géorgie post-soviétique: Batoumi et Sighnaghi, des villes ‘nouvelles’ ?», *Regard sur l’Est*, 15/10, <www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=1345>.

Chauffur, Célia (2004) “Médias audiovisuels: qui détient le 4ème pouvoir en Géorgie?», *Regard sur l’Est*, <www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=433>.

Chikovani, Nino (2012) “The Images of Self and Neighbours in Georgian History Textbooks: Representation of the Events of the Beginning of the 20th Century in the Post-Soviet Period», in Rumyantsev 2012, pp. 65-93.

Corso, Molly (2012), “Georgia: Tbilisi Enhancing its Afghan Troop Commitment» *EurasiaNet*, 21/3, <www.eurasianet.org/node/65164>.

De Waal, Thomas (2010) *The Caucasus: An Introduction*, Oxford-New York, Oxford U. P.

De Waal, Thomas (ed.) (2013) *The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion*, Washington DC, Carnegie Endowment for International Peace.

Fairbanks, Charles H. (2004) “Georgia’s Rose Revolution», *Journal of Democracy*, Vol. 15, No. 2, April, pp. 110-24.

François, Renaud (2007) “Mikhail Saakashvili: portrait d’un homme de paroles et de mises en scène», *Regards sur l’Est*, 15/7, <www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=755>.

Gorst, Isabel (2010) "CIS Unmoved by Saakashvili's Gesture», *Financial Times*, 13/8.

Gramsci, Antonio (1975) *Quaderni del carcere*, 4 vols., ed. by V. Gerratana, Torino, Einaudi.

Grosby, Steven (2005) *Nationalism: A Very Short Introduction*, Oxford-New York, Oxford U.P.

Gutbrod, Hans - Papiashvili, Nana (2009) "Georgian Attitudes to Russia: Surprisingly Positive», *Russian Analytical Digest*, No. 63, November 23, pp. 8-12.

Hobsbawm, Eric J. (1992) *Nation and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*, Cambridge, Cambridge U.P.

Hobsbawm, Eric J. (1992a) "Inventing Traditions», in Eric J. Hobsbawm - Terence Ranger (eds.), *The Invention of Tradition*, Cambridge, Cambridge U.P., pp. 1-14.

Ильхамов, Алишер (2005) „Постсоветская этнография, мифотворчество и власть», *Ab Imperio*, n. 4, сс. 327-36.

IPM for Baltic Surveys - The Gallup Organization (2007) *Georgian National Voters Study: August 31 -September 10*, Tbilisi, IRI – USAID.

Jones, Stephen (2006) "Georgia: Nationalism from Under the Rubble», in Lowell R. Barrington (ed.) *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*, The University of Michigan Press, pp. 248-76.

Jones, Stephen (2013) *Georgia: A Political History Since Independence*, London-New York, I.B. Taurus.

Jones, Stephen – Parsons, Robert (1996) "Georgia and the Georgians», in Graham Smith (ed.) *The Nationalities Question in the Post-Soviet States*, London-New York, Longman, pp. 291-313.

Kakachia, Kornely (2012) "Georgia's Identity-Driven Foreign Policy and the Struggle for Its European Destiny», *Caucasus Analytical Digest*, No. 37, March 29, pp. 4-7.

Kuzio, Taras (2002) "History, Memory and Nation-Building in the Post-Soviet Colonial Space», *Nationalities Papers*, Vol. 30, No. 2, 2002, pp. 241-64.

Lang, David M. (1962) *A Modern History of Georgia*, London, Weidenfeld & Nicholson.

Lanskoj, Miriam - Areshidze, Giorgi (2008) "Georgia's Year of Turmoil», *Journal of Democracy*, Vol. 19, No. 4, October, pp. 154-68.

Lomsadze, Giorgi (2010) "The Glass Age Comes to Georgia», *EurasiaNet.org*, 11/8, <www.eurasianet.org/node/61718>.

Lomsadze, Giorgi - Bardzimashvili, Temo (2009) "Georgia: Debating the Fate of Stalin's Statue», *EurasiaNet.org*, 15/10, <www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav101609a.shtml>.

Lorusso, Marilisa (2011) *Georgia, vent'anni dopo l'URSS*, Roma, Aracne.

Лотман, Юрий М. (2010) «Архитектура в контексте культуры», in Семиосфера, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, сс. 676-83.

Лотман, Юрий М. (2010а) «Память в культурологическом освещении», in Семиосфера, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, сс. 673-76.

Martin, Terry (2002) "An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism», in Ronald Suny - Terry Martin (eds.) *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*, Oxford-New York, Oxford University Press.

Morvan, Yoann (2012) "Tbilissi à l'heure du marketing urbain», *Regard sur l'Est*, 1/7, <www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=1337>.

Nora, Pierre (1984) "Entre mémoire et histoire. La problématique des lieux», in Pierre Nora (éd.) *Les Lieux de mémoire*, vol. I, Paris, Gallimard, pp. xvii-xlii.

Rukhadze, Vasili (2012) "Reinterpretations of Soviet History in Georgia and the Post-Soviet Space: Never-Ending Battle», *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 9, No. 212, <www.refworld.org/docid/50b34cf22.html>.

Rumyantsev, Sergey (2012) (ed.) *The South Caucasus and Turkey: History Lessons of the 20th Century*, Tbilisi, Heinrich Böll Foundation South Caucasus Regional Office.

Sabanadze, Natalie (2010) *Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country*, Budapest-New York, Central European University Press.

Shanidze, Lali (2009) "Fenomen Stalina – predmet gordosti každogo gruzina», *Geopolitika*, 23/12, <<http://old.geopolitika.ru/Articles/842/>>.

Suny, Ronald (1988) *The Making of the Georgian Nation*, Bloomington-Indianapolis/Stanford, Indiana U.P./Hoover Institution Press.

Suny, Ronald (1997) "The Revolution in Transcaucasia», in Edward Acton *et alii* (eds.), *A Critical Companion to the Russian Revolution 1914-1921*, Bloomington, Indiana U.P., pp. 719-27.

Tournon, Sophie (2010) "Géorgie: Parlement du future contre mémorial du passé», *Regard sur l'Est*, 1/3, <www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=1060>.

Tsiskaradze, Tinatin (2012) "Saakashvili Builds His Case to the Voters», *Transitions Online*, 4/9, <www.tol.org/client/article/23343-saakashvili-builds-his-case-to-the-voters.html>.

Васадзе, Гела (2012) «День Победы в Грузии: праздник памяти без военной составляющей», РИА Новости, 4/5 <<http://ria.ru/analytics/20120504/641102817.html>>.

Wargan, Pawel (2011) "Tbilisi, Moscow: The Language of Architecture», *openDemocracy Russia*, 8/11, <www.opendemocracy.net/od-russia/pawel-wargan/tbilisi-moscow-language-of-architecture>.

Wertsch, James V. (2012) "Texts of Memory and Texts of History», *L2 Journal*, Vol. 4, pp. 9-20.

Wertsch, James V. - Karumidze, Zurab (2009) "Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008», *Memory Studies*, No. 2, pp. 377-91.

**ВКЛАД ШАЙКЕМЕЛЕВА М.С.-А.
В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМ КАЗАХСКОЙ
И КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

*Курганская Валентина Дмитриевна,
Дунаев Владимир Юрьевич,
Ванхемтинг Элина*

Обретение бывшими республиками СССР государственной независимости стало катализатором актуализации этнических оснований самоидентификации личности и, соответственно, этнической сегментации общества. Топология «жизненного мира» значительной части населения определена этническими границами, взаимодействие людей структурировано культурными дистанциями, а этническая солидарность оказывается определяющей при выборе стратегий социального поведения и принятии жизненно-важных решений. Самоподдерживающийся процесс политизации феномена этнокультурной идентичности во многом определяет специфику национально-государственного строительства в постсоветских республиках, в том числе и в Казахстане.

Библиография работ нашего уважаемого коллеги и друга М.С.-А. Шайкемелева свидетельствует о том, что на протяжении многих лет тема формирования и трансфор-

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

мации национальной идентичности является приоритетной в его научно-исследовательской работе и экспертно-аналитической деятельности. Этой тематике посвящены: докторская диссертация М.С.-А. Шайкемелева [1]; две индивидуальные монографии [2], [3]; авторские разделы в трёхтомнике «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания», изданном ИФПР КН МНВО РК в 2018-2020 гг. [4], [5], [6]; ряд научных статей, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях, в том числе в журналах, индексируемых в системах Scopus и Web of Science [7], [8], [9]; многочисленные доклады и выступления М.С.-А. Шайкемелева на республиканских и международных конференциях.

Актуальность, приоритетность, научно-теоретическая, духовно-практическая, политико-идеологическая значимость исследования феномена идентичности бесспорны. Беспрецедентные по масштабам и глубине преобразования, охватившие все стороны жизни современного мира, закономерно выдвинули на первый план проблемы, связанные с выработкой обществом в целом, отдельными социальными группами и каждым индивидом идейно-мировоззренческих и ценностно-смысловых параметров идентификационных стратегий. Групповая и личная идентичность должна при этом удовлетворять двум главным, в равной мере необходимым и в то же время по многим позициям взаимоисключающим требованиям: 1) она должна быть адекватна ускоренному ритму развития современной цивилизации, экспоненциально расширяющемуся полю межкультурных взаимодействий, либеральным началам культурного и мировоз-

зренческого плюрализма, толерантности, ситуационно-контекстуальному типу идентичности (так называемой «дрейфующей» идентичности»); 2) идентификационные процессы должны воспроизводить основные ценностно-нормативные системы традиционной национальной культуры. В современной социальной философии двойственность, разнонаправленность векторов идентификации является одним из наиболее острых и дискуссионных аспектов её теоретического анализа и концептуального моделирования.

Сложность и противоречивость проблемы идентичности многократно возрастают, когда мы обращаемся к исследованию современных идентификационных процессов казахского народа. В текстах М.С.-А. Шайкемелева эксплицируются следующие основания выдвижения проблемы казахской и казахстанской идентичности в ряд первоочередных, приоритетных тем отечественной гуманитаристики:

- длительная история развития казахской нации в составе СССР привела к тому, что все главные составляющие национальной культуры – обычаи, традиции, язык, поэзия, музыка, философия и т.д. – перешли на положение подчинённых, чуть ли не маргинальных, а такой важнейший компонент национального самосознания, как религия, фактически был исключён из состава мировоззренческих оснований культуры и структурообразующих механизмов национальной ментальности.

- Казахстан, как и другие постсоветские республики, пережил этап радикальных преобразований социально-экономической и политической системы, смену культур-

но-цивилизационного типа развития. Господствующая длительное время идеология, под воздействием которой формировалось массовое сознание и структуры социальной идентификации ряда поколений советских людей, подверглась тотальному отрицанию. Но на смену этой идеологии не пришла новая нормативно-ценностная система социальной и национальной идентификации, способная консолидировать общество на основе общественно значимых целей, общенациональных интересов, единых ценностей. В массовом сознании процессы идейно-ценностного самоопределения протекают стихийно, без ориентации на официально провозглашаемые идеологические доктрины, а, во многих случаях, и вопреки им.

- в результате экономических реформ произошло резкое разделение казахстанского общества по имущественному признаку. В этих условиях формирование единых ценностных систем этносоциальной идентификации сталкивается с почти непреодолимыми барьерами.

- в формировании казахской идентичности должны быть каким-то образом совмещены векторы, направленные на формирование общегражданского сознания (в соответствии с концепцией гражданской нации) и на формирование этнокультурного самосознания (в соответствии с концепцией этнонации). Оптимальной формы совмещения этих установок пока ещё не выработано ни массовым сознанием, ни теоретической рефлексией отечественной социальной науки.

- формирование казахской идентичности происходит в контексте интенсивных и вместе с тем глубоко противо-

речивых, по многим параметрам дисфункциональных по отношению к задачам актуализации духовно-нравственных оснований национальной идентичности, межкультурных взаимодействий.

- обозначились и усилились в последние годы тревожные тенденции внутриэтнических размежеваний, проведения новых социально-стратификационных и культурных границ, новых разновидностей конфликтующих идентичностей внутри самого казахского народа.

Отмеченные обстоятельства и ряд иных важных особенностей экономического, политического, социокультурного, духовно-нравственного развития Казахстана на современном этапе его истории определяют специфику формирования казахской идентичности. Комплексный характер данной предметной области исследования предопределяет необходимость многопланового, разностороннего подхода к её анализу. В работах М.С.-А. Шайкемелева можно выделить ряд основных направлений проведённого им философского осмысления и теоретического исследования феномена казахской идентичности:

Концептуально-методологические основания исследования казахской идентичности. В разработке теоретико-методологического инструментария анализа феномена казахской идентичности М.С.-А. Шайкемелев исходит из положения о том, что как в сознании личности, так и в общественном сознании процессы этнической идентификации протекают в соответствии с двумя основными модальностями феномена этничности: 1) как социального конструкта; 2) как эссенциальной данности.

Исследователи, как правило, исходят из постулата о несовместимости эссенциалистской и конструктивистской парадигм в анализе сущности этноса и этнической идентичности, не связывая множественность социокультурных форм проявления идентичности с онтологической двойственностью её оснований. М.С.-А. Шайкемелев защищает тезис о том, что этот двойной способ бытия или двойственная природа идентичности должны быть приняты в качестве методологической парадигмы разрешения противоречия между примордиалистским и конструктивистским подходами: «В качестве основной исследовательской парадигмы этничности казахов и казахстанцев наиболее эффективным на сегодняшний день должен стать инструменталистский подход, который позволит, отстранившись от противоречия примордиалистского и конструктивистского подходов, сконцентрировать усилия на анализе этничности в конкретных контекстах изучения идентификационных проектов государства и казахстанских этнических групп» [3, с. 19].

Следует отметить, что предложенная М.С.-А. Шайкемелевым установка отражает особенности современного подхода к разрешению данной методологической апории. В качестве примера укажем на позицию, занятую в вопросе о природе этнической и национальной идентичности одним из признанных мэтров российской и мировой этнологии – академиком В.А. Тишковым. Наряду с обнародованием своего «Реквиема по этносу» аналогичную судьбу В.А. Тишков предписывает и понятию нации: «Нация не представляет собой научную категорию, и она должна быть устранена из языка науки и политики... На-

цию невозможно определить, нацией можно только называться». Нация – это «слово-призрак» [10, с. 151, 167]. Отрицая возможность дать научную дефиницию нации, В.А. Тишков в то же время, предлагает целый ряд её определений, в том числе откровенно эссенциалистских: «Нация – это объединённое в рамках суверенного государства сообщество людей, отличающееся определённой степенью гражданской солидарности, общей историей и культурой и лояльностью по отношению к государству и к его легитимной власти» [11].

Нации как «воображаемые» сообщества (imagined communities Б. Андерсона) – это общности не вымышленные, но конструируемые из объективно существующего, а не представленного лишь в воображении, «наличного материала»: «система хозяйствования, природные условия, тип расселения, язык коммуникации», а также «накопленные веками культурный капитал и историческая память, поведенческие паттерны и мировидение – всё это, как правило, передаётся от поколения к поколению и составляет так называемый образ жизни и облик нации» [12, с. 3].

В контексте такого рода суждений дилемма конструктивизма (субъективизма) и примордиализма (эссенциализма) лишается принципиального значения. В.О. Шипулин отмечает: «Прикладное применение идеи конструирования нации не исключает известной апелляции к логике субстанциализма» [13, с. 269]. На наш взгляд, защищаемый М.С.-А. Шайкемелевым инструментальный подход не ведёт к преодолению односторонности и редукционизма эссенциалистско и конструктивистской

парадигм, но вполне созвучен общему тренду современной методологической рефлексии к замещению сущностных определений технологическими фреймами.

В числе важных в методологическом плане исследований М.С.-А. Шайкемелевым проблемы казахской идентичности отметим также проведённый им критический анализ логически-смысловой структуры идей «интеллектуального номадизма» в постмодернистском социодискурсе. В диссертационном исследовании автора показано, что в псевдо-понятиях «номадологии» под видом преодоления идентификационных стратегий западной метафизики реализуется типично европоцентристский способ мышления. Используемые в работах Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, З. Баумана, а также в текстах отечественных сторонников «номадологии» – А. Кодара и Ж. Баймухаметова постмодернистские концепты безличного, «гладкого», ризоморфного и т.п. номадического пространства находятся в непосредственном противоречии с тем, что именно в кочевой культуре социальное и природное пространство перенасыщено качественно дифференцирующими его духовными символами и сакрально-экзистенциальными смыслами родоплеменной идентичности [1, с. 38-45]. На этом основании М.С.-А. Шайкемелев демонстрирует иррелевантность концепций «интеллектуального номадизма», «номадического гнозиса» и т.д. исторически реально существующей номадической культуре, в том числе казахской традиционной культуре, и формам её самоидентификации.

Цивилизационно-культурные основы формирования казахского национального самосознания.

В размышлениях о современных проблемах трансформации казахской идентичности недопустимо обходить стороной особенности социокультурных и цивилизационных векторов генезиса национальной ментальности. В работах М.С.-А. Шайкемелева с опорой на основополагающие тексты О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева, Н.Э. Масанова, А.Х. Касымжанова, Н.Н. Крадина, А.М. Хазанова, Ж.О. Артыкбаева, М.С. Орынбекова определены и проанализированы сущность, принципы и культурно-исторические формы казахской идентичности, выявлены и проанализированы особенности этногенеза казахов. На основе проделанного анализа сделан вывод о том, что в процессе исторического развития казахской оседло-кочевой цивилизации под влиянием особенностей хозяйственно-экономической жизни, социальной стратификации, политико-правовой системы, традиционных верований, обычаев и ритуалов, народного искусства и т.д. сформировалась особая нормативно-ценностная система этнокультурной идентичности. Эта система, являясь неотъемлемой частью самобытной культуры казахов, национального менталитета, сохраняется и в современных условиях, определяя особенности идентификационных процессов. М.С.-А. Шайкемелевым обосновано чрезвычайно важное положение о том, что рудименты генеалогического принципа этнической идентификации и последствия подавления этнокультурного самосознания в условиях колонизации и имперской идеологии порождают как этническую «гиперидентичность», так и социально-психологическую разобщённость внутри самого казахского

этнического сообщества, структурируя его по осям противостояния «свой - чужой».

«Характерный для современных казахов тип этнической идентичности можно однозначно характеризовать как достаточно чётко выраженную гиперидентичность» [2, с. 41]. М.С.-А. Шайкемелевым проанализированы культурно-исторические, социально-экономические, социально-психологические, политико-идеологические и т.д. причины, факторы и последствия становления именно такого типа этнической идентичности казахов. Глубокий смысл имеет вывод автора о том, что в феномене этнической гиперидентичности, в процессах этнической мобилизации, в активизации генеалогического принципа идентификации проявляется именно кризис этнической идентичности, чувство тревожности, неустойчивость социально-психологического самочувствия в условиях деформации, эрозии, угрозы полного разрушения традиционной этносоциальной структуры казахов.

Роль конфессиональной религиозности на разных этапах формирования казахской идентичности. М.С.-А. Шайкемелев отмечает, что «за годы независимости в Казахстане религия превратилась из маргинального в структурно значимый культурно-духовный феномен». Однако «превращения религии в реальный императив, регулирующий как общественные, так и межличностные человеческие отношения, так и не произошло» [3, с. 86, 87]. На основе проведённого теоретического анализа, в том числе анализа данных полевых социологических исследований, М.С.-А. Шайкемелев делает обоснованный вывод о том, что нормативно-ценностный комплекс кон-

фессиональной религиозности, несмотря на процессы возрождения религии и усиления её роли в жизни современного казахстанского общества, а также на характерные для массового сознания тенденции отождествления этнической принадлежности и религиозной веры, тем не менее, не стал системообразующим началом мировоззренческой идентичности казахов. Опираясь на первоисточники по истории казахской культуры, в том числе по проблемам традиционных (доисламских) верований казахов – труды А.И. Левшина, Ч. Валиханова, а также на работы современных авторов, М.С.-А. Шайкемелев приходит к заключению: «Основная черта казахской религиозной идентичности – отсутствие глубинных корней исламской религии в народном сознании» [3, с. 61]. Как правило, религиозность артикулируется во внешних – ритуально-обрядовых формах проявления социокультурной идентичности, слабо затрагивая ее духовно-нравственные основания. «Закономерным следствием такой модели приобщения к конфессиональной религии является тот факт, что, по данным социологических исследований, проведённых ИФПР КН МОН РК, религиозная идентификация занимала в 2013 г. предпоследнее, а в 2018 г. – и вовсе последнее место из 10 в перечне приоритетов личностной идентичности» [5, с. 353].

Роль наследия казахских просветителей в разработке стратегий и концепций модернизации казахской идентичности. В размышлениях казахских просветителей ярко проявилась такая черта менталитета традиционного кочевого общества, как синкретизм: «В синкретизме, на наш взгляд, заключается отличитель-

ная особенность казахской духовной культуры. Симбиоз как мирное сосуществование разных пластов культуры в одном мировоззренческом поле, но не синтез культур». [3, с. 113]. В текстах М.С.-А. Шайкемелева обосновано положение о том, что решение великими казахскими просветителями проблемы согласования научно-технологического рационализма западной цивилизации с духовно-нравственными началами исламской культуры должно быть использовано в современных условиях при разработке концептуальных моделей преодоления несовместимости идеологием модернизации (вестернизации) и традиционализма (нативизма), лежащих в основе противоположных социокультурных стратегий казахской этноидентичности.

Влияние процессов внутриэтнической стратификации на формирование казахской идентичности. М.С. Шайкемелев отмечает, что в последние годы усилились тревожные тенденции внутриэтнических размежеваний, активизировался процесс проведения новых социально-стратификационных и культурных границ, новых разновидностей конфликтующих идентичностей внутри самого казахского народа. Закономерно, что тема внутриэтнической стратификации казахов привлекает внимание всё большего количества отечественных и зарубежных исследователей. Данное направление анализа занимает, пожалуй, центральное место в исследованиях М.С.-А. Шайкемелева проблем казахской и казахстанской идентичности. Им выдвинуто положение о том, что в соответствии со степенью владения и отношением к родному языку современные казахи дифференцируются

на три группы: 1) казахи-почвенники – главные носители языка, традиций, обычаев, психического склада нации; 2) казахи-билингвы – эта группа наиболее многочисленна, отличается высокой степенью прагматичности и конформизма в отношении собственной этноидентичности; 3) казахи-маргиналы, слабо владеющие родным языком.

Для представителей первой группы характерна наиболее выраженная и достаточно агрессивная гиперэтничность, они придерживаются традиционалистского набора ценностей этнической идентификации. Этническая идентичность двуязычных и маргиналов включает в себя либеральные ценностные комплексы, адаптированные к условиям городской культуры, но порождающие напряжённость в их общении с казахами-почвенниками. Представители третьей, самой малочисленной группы, не могут идентифицировать ценности европеизированной культуры больших городов, к которым они тяготеют, с ценностями той культуры, к которой они принадлежит этнически. М.С.-А. Шайкемелев солидаризируется с мнением Н. Масанова и Н. Амрекулова о том, что «основная масса казахов горожан – это люди маргинальной культуры и психологии с двойственной мировоззренческой и ценностной ориентацией» [14, с. 166]. При этом он даёт более развёрнутую характеристику социально-психологическим аспектам маргинального типа идентичности: «Урбанизированные казахи успешнее интегрируются в процессы модернизации, предполагающие рационализацию мышления и отказ от неконкурентоспособных традиционных архетипов. В то же время, неся в себе бремя «вины» за «отступничество» и полную либо частич-

ную утерю этнически родного языка, они под давлением «настоящей» части этнического сообщества не могут полноценно включиться в процесс этнокультурного возрождения... Эта двойственность выражается в том, что осознание принадлежности к своей этнической группе приходит в противоречие с осознанием особенностей собственного мировосприятия и отличием *субэтнических* систем ценностей. Казахи-маргиналы, осознавая то, что они казахи, не могут в то же время полностью придерживаться обычаев и традиций, присущих сельскому населению. Они уже не могут воспринимать окружающий мир сквозь призму этнических стереотипов, так как их восприятие мало чем отличается от восприятия и поведения русскоязычного жителя мегаполиса» [3, с. 122].

Конфликт между тремя формами внутриэтнической стратификации казахов, как показывает проведённый М.С.-А. Шайкемелевым анализ, является одним из наиболее острых проявлений ценностно-мировоззренческого кризиса этнической идентификации. Кроме того, М.С.-А. Шайкемелев также выявляет и описывает особенности идентификации таких групп, как «новые горожане» и этнические репатрианты (оралманы или кандасы). «Новые горожане» испытывают ещё большую психологическую нагрузку, чем урбанизированные казахи. Оторвавшись от родной почвы, они вступают в незнакомый мир с его особыми законами и отношениями, с чужеродной речью и нередким скрытым и открытым проявлением равнодушия, отчуждённости и враждебности со стороны старожилов городской культуры... Выходит, что обе внутриэтнические группы этнических казахов являются

маргинальными по отношению к урбанизированной и этнической культурам соответственно. Возникает «само-бытный», эклектичный феномен казахской этнокультурной идентичности, представляющей причудливый симбиоз разного рода пересекающихся и накладывающихся друг на друга идентичностей» [3, с. 122-123].

Обращаясь к особенностям этнокультурной идентификации кандасов, М.С.-А. Шайкемелев отмечает, что с ней складывается парадоксальная ситуация: Этнические сородичи (этнические репатрианты, кандасы), говорящие только на родном языке, воспринимаются многими местными казахами как чужаки. В новом казахстанском обществе они стали не только новой стратой, но и внутриэтнической группой в казахской среде, дифференцирующейся по языковому и ценностному признакам.

Согласно М.С.-А. Шайкемелеву, «В Казахстане этничность не политизируется по определению» [3, с. 13]. Однако это определение является нормативно-теоретическим. В дескриптивно-аналитическом дискурсе, напротив, утверждается актуальность и необходимость «исследования этнических сообществ как политических субъектов» [3, с. 16]. В условиях активной монополизации политического и культурного капитала титульным этносом, постепенно избавляющимся от этнической конкуренции, оппозитивная структура межэтнических отношений «свой – чужой» неизбежно интериоризируется государствообразующим этносом, становится принципом его собственной внутриэтнической дифференциации. В работах М.С.-А. Шайкемелева прослеживается и анализируется динамика этого процесса внутренней са-

мокатегоризации казахов, наиболее рельефно выраженная в разделении по критерию владения языком. При этом данное разделение, как показывает автор, является проявлением внутренней, глубинной дуальности казахской идентичности, противоборства в ней традиционных и либеральных ценностей.

Социолингвистические аспекты казахской идентичности. Как отмечалось выше, внутриэтническая стратификация казахов во многом определена критерием владения родным языком. В целом же «язык был и остаётся главенствующим фактором, определяющим формирующуюся казахскую национальную идентичность» [3, с. 124]. Знание государственного языка становится важным ресурсом социальных лифтов, карьерного роста, конкурентной борьбы за обладание различными формами культурного, социального, политического капитала. Язык является важнейшим реальным и символическим компонентом этнической идентичности. При этом, как отмечает М.С.-А. Шайкемелев, «в этническом самосознании казахов и в современных процессах их этнокультурной идентификации роль родного языка бесспорна, а зачастую и гипервыражена» [3, с. 125].

В работах М.С.-А. Шайкемелева обосновывается актуальность и насущность принятия комплекса мер по всемерному развитию казахского языка, его овладению всеми этническими группами казахстанского общества, превращения государственного языка в язык межнационального общения. Вместе с тем обосновывается необходимость сохранения и укрепления исторически сложившегося в Казахстане полиязычия: «Полиязычие как

один из важнейших элементов системы социально-политических и культурно-идеологических ориентаций является императивом движения к качественно новому состоянию общества, позволяющему дать новую интерпретацию общенациональным ценностям и традициям». [3, с. 143]. В целом в текстах М.С.-А. Шайкемелева, посвящённых обсуждению такой остро дискуссионной и злободневной теме, как языковая политика Казахстана, проводится, на наш взгляд, наиболее взвешенный и реалистичный подход.

Диалектика формирования гражданской и трансформации этнокультурной идентичности в процессе нациестроительства. Присоединяясь к оценкам большинства экспертов, М.С.-А. Шайкемелев исходит из положения о том, что фундаментальным противоречием национальной идентичности является противоречие этнокультурной и гражданской модальности идентификационных процессов. В литературе считается общепризнанным, что подходы к пониманию нации как этнонации и как формы политической общности или согражданства по существу исключают друг друга. Однако в работах М.С. Шайкемелева сделана во многом удачная попытка преодолеть это противопоставление, обосновать возможность и реалистичность синергии двух модальностей нации, в том числе и как механизма становления нового, недурального типа казахской идентичности.

М.С.-А. Шайкемелев выдвигает и всесторонне обосновывает следующее принципиальное положение: несмотря на острые противоречия, характеризующие взаимоотношение процессов общегражданской консолидации

с процессами этнокультурной идентификации, по своему основному, гуманистическому вектору данные идейно-ценностные системы идентичности не исключают, но, напротив, утверждают позитивное ценностное содержание друг друга в процессах культурной модернизации. На уровне массового сознания сложная диалектика этих модальностей идентичности редуцируется к их эклектическому смешению. Результаты социологических исследований показывают: респонденты-казахи по большей части не видят особых различий между гражданской и этнической идентичностью, что является характерной чертой самоидентификации представителей титульной, государствообразующей нации [3, с. 150].

Безусловной теоретической ценностью и практической значимостью обладает всесторонне обоснованное М.С.-А. Шайкемелевым положение о взаимообусловленности процессов внутриэтнической консолидации казахов и процессов национально-государственного строительства Казахстана. Утверждение о том, что только внутриэтническая консолидация казахов даёт надежду на созидательное конструирование всеми этническими группами сферы надэтнической коммуникации, реализующей общенациональную идею Казахстана [2, с. 246], органически связывается М.С.-А. Шайкемелевым с тезисом, согласно которому преодоление внутриэтнического отчуждения казахского этноса и превращение его в государствообразующую нацию сможет стать лишь результатом работы над созданием надэтнического пространства взаимодействия этнических культур. «Только став примером единения для остальных этногрупп ка-

захстанцев, казахи могут рассчитывать на реальное утверждение принципов и предпосылок формирования единого народа Казахстана, объединённого едиными ценностями и устремлённого в будущее» [2, с. 241]. Социальные технологии включения традиционных этнокультурных ценностей в структуру общегражданской казахстанской идентичности должны опираться не на рационализацию нативистских социокультурных символов, что приведёт лишь к дальнейшему взаимоотторжению «казахов-почвенников» и «казахов-маргиналов», но на формирование горизонтальных кросс-этнических и кросс-культурных сетей социальных взаимодействий. Иными словами, в работах М.С.-А. Шайкемелева показывается, что диалектика формирования позитивной, неконфликтной этноидентичности заключается в том, что такого рода идентичность становится эффектом или продуктом её самотрансценции. Если же этноидентичность рассматривается как самоцель, то вместе с мобилизационными схемами этнической идентификации запускается автокаталитический процесс её деградации, саморазрушения.

Условием стабильного существования современной нации является создание и поддержание правильной иерархии идентичностей. В этой иерархии, по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, в то время как этническая идентичность нуждается в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам. Принятие модели локальных этнических культур

в качестве модели нациестроительства неизбежно оборачивается той или иной формой этнократии, т.е. придания этносу характера и статуса политического субъекта. Государства, в котором этносы, в том числе и государствообразующий этнос, не объединены в политическую нацию общим национальным интересом и надэтнической идеологией, политически нежизнеспособны.

Казахстанская модель национальной идентичности в контексте культурной динамики глобализации. Оценка тенденций и перспектив развития казахской идентичности должна проводиться в контексте тех угроз и вызовов этнокультурным моделям идентификации, которые определяются культурной динамикой глобализации. В зависимости от конфигурации этих реальных или вымышленных угроз целостности этнического сообщества могут быть актуализированы в различных сочетаниях и иерархических взаимосвязях родовые, традиционно-патриархальные, аграрно-индустриальные и урбанистские социокультурные матрицы казахской идентичности [3, с. 121].

Одной из характерных черт процессов глобализации является возрастающая роль сообществ, возникающих на основе этнической принадлежности и культурной традиции, и их многообразные взаимоотношения с коалициями, образованными по территориальным или политическим признакам. Этничность из культурного по преимуществу феномена преобразовалась в легитимный инструмент реализации политических, социальных, экономических интересов индивидов и социальных групп. При этом идентификационные фреймы, обусловленные

особенностями культурной динамики глобализации, представляют собой токсичные смеси космополитизма и трайбализма, новой нормальности и племенной архаики.

Рационально оценивая масштабы угроз и вызовов глобализации, М.С.-А. Шайкемелев вместе с тем склонен акцентировать те возможности и перспективы, которые она раскрывает перед формированием новых моделей идентичности. Идентичность (личная, социальная, этническая, национально-государственная) – это то, что формируется и сохраняется только в процессе её трансценденции (превосхождения) на трудном пути перехода от провинциального «самобытничества» к универсализму и творческой самодеятельности: «Казахская идентичность... выступает не только как этнокультурный феномен, который следует восстанавливать, удерживать и сохранять, но как устремлённый в будущее общегражданский идеал, который необходимо модернизировать, создавать всякий раз заново, конструировать» [3, с. 12].

Самоидентификация – это, прежде всего, обращённый личностью к самой себе императив духовно-нравственного самоопределения, требование духовно-интеллектуальной и эмоционально-волевой работы по формированию в собственном мироотношении онтологически доброкачественной иерархии целей и ценностей, принципов и смыслов, проблем и задач. Этот же принцип, как это всесторонне обосновывается в текстах М.С.-А. Шайкемелева, должен лежать в основе формирования казахской идентичности как системы социально-политических и культурно-идеологических ориентаций, которая отвечала бы интересам движения к качественно

новому состоянию общества и позволяла бы дать новую интерпретацию национальным ценностям и традициям.

* * *

Разумеется, в нашем кратком обзоре мы смогли лишь контурно очертить тот научный вклад, который вносят работы М.С.-А. Шайкемелева в решение комплекса сложнейших, стратегически важных для политического и социокультурного развития современного Казахстана вопросов, связанных с формированием казахской и казахстанской идентичности. Всё же мы надеемся, что нам удалось дать общее представление о широте и глубине охвата этой проблематики исследователем, многие годы активно и плодотворно разрабатывающим эту тематику. Тексты М.С.-А. Шайкемелева заслуженно входят в число тех работ, обращение к которым становится обязательным для любого исследования казахской идентичности, претендующего на теоретическую состоятельность и научно-практическую значимость.

Литература:

1. Шайкемелев М.С.-А. Казахская идентичность в контексте межкультурных взаимодействий. Дисс... докт. филос. н. – Алматы, 2010. – 242 с.
2. Шайкемелев М.С. Казахская идентичность. Монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 272 с.
3. Шайкемелев М.С. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. Монография [Изд. 2-е. Перераб и доп.]. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 230 с.

4. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 1. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2018. – 474 с.

5. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 2. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. – 460 с.

6. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 3. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020. – 668 с.

7. Шайкемелев М.С., Нысанбаев А.Н. Методологические подходы к изучению этноидентичности в постсоветском гуманитарном дискурсе: казахстанский опыт // Социологические исследования. – 2013. – № 9. – С. 80-91.

8. Vladimir Dunaev, Valentina Kurganskaya, Mukhtarbek Shaikemelev. Identity Politics in Managing the System Risks of Nation-Building: On the Example of the Republic of Kazakhstan // Baltic Journal of European Studies. 2019. Vol. 9, Issue 1 (26). Pp. 99-114. DOI: <https://doi.org/10.1515/bjes-2019-0006>.

9. Vladimir Dunaev, Akhan Bizhanov, Mukhtarbek Shaykemelev. The space of ethnonational identities of Kazakhstan society: principles and models of stratification // Central Asia and the Caucasus, English Edition. 2019. Volume 22. Issue 4. P. 107-122.

10. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука. 2003. – 544 с.

11. Тишков В.А. Понимание нациестроительства в России в мировом контексте. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/va_tishkov.html

12. Тишков В.А. Введение // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 3-6.

13. Шипулин В.О. Конструирование нации как проблема социальной теории и актуальной политической практики // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 2 (35). – С. 269-274. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).269-274.

14. Амрекулов Н., Масанов Н. Казахстан между прошлым и будущим. – Алматы, 1994. – 208 с.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Есенгараев Есет Жемисбекович

Постсоветский Казахстан, как и другие страны бывшего СССР, шире как большинство стран «второго» и «третьего» мира, вынужден формировать свою новую идентичность, позволяющей ему обрести устойчивую основу для обретения своей субъектности. При этом Казахстан должен обрести субъектность, соответствующую двум условиям: существованию его как суверенной страны и как страны, способной быть современной. И для обретения такой субъектности Казахстану недостаточно решения задач, связанных только с политическими, экономическими и технологическими проблемами. Для формирования современной идентичности общественное сознание страны должно определяться современными социогуманитарными дискурсами.

Для более глубокого понимания идентификационных проблем, стоящих перед казахстанским обществом, хотелось бы рассмотреть их в контексте основных внутренних и внешних факторов, определяющих состояние как нашего общества, так и мира в целом. И здесь при всей важности внутренних факторов, анализ следует начать с общего контекста, в который помещено казахстанское общество, а также, процессов, которые произошли и происходят в нем.

Прежде всего следует учитывать, что самоидентификация всех народов и в целом всех сообществ в современный период истории не могут быть сформированы и воспроизводиться вне влияния основных мировых тенденций. А для современного мира характерны разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в мире под влиянием развитых стран происходят не только масштабные технологические и экономические изменения. Социокультурные особенности, присущие ведущим странам мира влияют и на идентичности всех сообществ, которые так или иначе с ними взаимодействуют. Лишь некоторые изолированные от мира племена, живущие в джунглях, еще могут сохранить свой закрытый способ жизни. Поэтому все остальные, так или иначе испытывают влияние современности. Но с другой стороны, современность не только заставляет следовать ее паттернам. Она также вызывает отторжение и дает импульс для возникновения фундаменталистских идей и течений, которые также в нынешний период истории оказывают сильное влияние на формирование идентичностей сотен миллионов, а может и миллиардов людей, в том числе и определенной части казахстанцев.

Возрастание сложности и динамики всех основных институтов развитых стран неизбежно приводит и к проблематизации групповых и индивидуальных идентичностей [1], [2], [3], [4]. И такая проблематизация идентичности характерна не только для жителей развитых стран, из-за необходимости адаптироваться к все более усложняющемуся и все более динамичному миру. При этом, с одной стороны, мир развивается и в нем возни-

кают не только технические новшества, но и новые социогуманитарные представления и установки, ранее или отсутствовавшие, или, бывшие еще в зачаточном состоянии. А социогуманитарные изменения неизбежно ведут к изменениям в институтах и идентичностях. И эти институциональные и идентификационные изменения создают более сложный и более динамичный мир. С другой стороны, реакцией на такое усложнение и динамизм современного мира, является массовое стремление к консерватизму и даже, к архаизации. Популярность фундаменталистских течений, особенно в странах, испытывающих хронические проблемы с развитием, является такой реакцией на психологические и экзистенциальные проблемы, испытываемые сотнями миллионов и даже, миллиардами людей в странах «второго» и «третьего» мира.

Проблема адаптации к сложностям современного периода человеческой истории и проблема критической рефлексии, связанной с переосмыслением собственной идентичности, пронизывает в той или иной степени жизнь любого человека и всех сообществ, всех стран современного мира. Так, Сэмюэл Хантингтон считал, что утверждение «мы американцы» нуждается в глубоком критическом переосмыслении [5]. Предлагая задуматься над этим фундаментальным для американцев вопросом, Хантингтон рассмотрел ряд идентификаций, нынешнее содержание которых свидетельствует о серьезной проблематизации американской идентичности. И он не одинок в своей тревоге по поводу проблематизации американской идентичности. Большинство американских

публичных интеллектуалов и политиков консервативного направления солидарны с Хантингтоном в том, что в результате воздействий современных тенденций, основы их национальной идентичности подвержены размыванию и даже попыткам их радикального пересмотра. И если страна, занимающая лидирующее положение в мировом сообществе, переживает кризис своей идентичности, то, конечно же, эта проблема в неизбежно более сложном виде стоит перед странами, для которых свойственны хронические трудности в решении проблем современного развития.

Особенно большие трудности испытывают с самоидентификацией постсоветские страны, которые из-за распада СССР пережили стремительный переход от одной социально-политической и экономической системы к другой. Бывшие советские люди (в большинстве своем, бывшие по принадлежности к политическим и социально-экономическим институциям, но не по своей ментальности) за очень короткое время лишились своих макроструктур, на основе которых были сформированы их базовые идентификации. Это такие макроструктуры, как принадлежность к большому государству в виде СССР и одной из универсальных идеологий в виде марксизма-ленинизма. Несмотря на все местные особенности, которые в Советском Союзе так и не удалось искоренить, абсолютное большинство советских людей через систему образования, через вовлеченность в общие социально-экономические и культурные практики, неизбежно были социализированы на основе общих советских макроидентификаций. Это приводило к формированию у

большинства советских людей, если не общей идентичности, то по крайней мере идентичности очень схожей по своей структуре и базовым символам [6], [7], [8].

Проблемы с самоидентификацией в постсоветских странах усугубляются из-за того, что в большинстве из них не было социогуманитарной мысли, которая была бы способна подготовить их народы к масштабной трансформации привычной для них идентичности. Именно в отсутствии теоретической мысли, способной подготовить трансформацию общества и обеспечить ее интеллектуальное обоснование заключается основная проблема большинства постсоветских стран. Лишь страны Балтии по своим историческим особенностям оказались более или менее подготовлены к постсоветскому развитию. Такой вывод можно распространить и на страны Восточной Европы, так как у них не было такого радикального разрыва со своей досоциалистической идентичностью.

Хотя кризис идентичности в современном мире носит всеобъемлющий характер, но это не означает, что он имеет одинаковые причины и формы проявления. Так, если для индивидов и сообществ в развитых странах проблематизация идентичности связана с переходом от моделей жизни, которые обобщенно называют модернистскими, к постмодернистским, то для индивидов и сообществ из стран «второго» и «третьего» мира она заключается в подрыве традиционной идентичности и неспособности достичь уровня когнитивной сложности, позволяющей им сформировать основы современной идентичности.

Для понимания проблем, связанных с идентичностью казахстанцев, следует вначале более точно идентифицировать и само казахстанское общество. А Казахстан является гибридным обществом, поэтому и идентификации, влияющие на формирование идентичности казахстанцев, основываются как традиционно-аскриптивных, так и современно-дескриптивных критериях. При этом гибридные общества не являются равным сочетанием традиционных и современных институтов. Соответственно, и идентификационная структура их членов не образована из примерно равного сочетания двух типов идентичностей. Основными институтами в гибридных общественных системах остаются традиционные, а современные институции по отношению к первым занимают подчиненное положение. Как следствие, идентичности, на основе которых сформированы основные типы человека в таких обществах, также больше основываются на традиционных идентификациях [9].

В условиях проблематизации почти всех традиционных идентификаций и из-за недостаточной развитости новых идентификаций у казахстанцев неизбежно возросло значение этнической идентичности. Возрастание значение этничности для бывших советских людей было обусловлено тем, что она не подверглась разрушению, как другие социокультурные концепты советского периода. Наоборот, она в последние десятилетия советской истории укреплялась и стала одним из важных способов самоидентификации советских людей. И для самоидентификации большинства казахстанцев, как и для других постсоветских народов, этническая идентичность стала

главной в определении их принадлежности к большой группе. Поэтому при всей важности других критериев самоопределения, для большинства жителей постсоветских стран решающее значение для их самоидентификации имеет именно, их этническая принадлежность, и при отнесении себя к базовой макрогруппе они, прежде всего, определяют себя как представителей определенного этноса, а не по своей государственной или профессиональной принадлежности. Также как и не по своей принадлежности к определенному профессиональному сообществу [10].

Но при всей важности этнического критерия для самоидентификации казахстанцев, этничность все еще является проблемным концептом не только для исследователей, но и для тех, кто без особых рефлексий привык определять себя через этническую принадлежность, что неизбежно влияет на процесс формирования этнической идентичности казахстанцев.

При отсутствии эксплицитно развернутого понимания своей этнической идентичности, казахи, кроме деления на жузы и роды, также делятся на «нағыз қазақ» и на «асфальтных казахов». Они, кроме языка, также разделены своими образами жизни, что сильно затрудняет не только формирование общей этнической солидарности, но и устойчивые позитивные коммуникации между этими двумя группами. Из-за сильных социокультурных различий между этими двумя группами казахского этноса, они не только затрудняются в понимании друг друга, но и часто конфликтуют по поводу языка и других культурных паттернов, определяющих их жизни и различия между ними.

Различия между «нағыз қазақ» и «асфальтными казахами» среди казахов, также дополняются разломами по способам верований и идеологических ориентаций. Последние, в отличие от религиозных, менее конкретизированы и больше являются проявлением симпатий к тем или иным социокультурным паттернам, чем являются следствием приверженности к эксплицитно разработанным идеологемам.

Также, очень противоречивы представления о том, кто они и у второго по численности этноса казахстанского общества. Анализируя представления русских национально ориентированных активистов, российский специалист Александр Верховский, считает, что у них очень сильные расхождения в понимании этнокультурной идентичности общества и государства, его границ и суверенитета, языковой политики, формирования исторического сознания нации и защиты ее традиций. Но больше всего они, по мнению Верховского, расходятся в понимании того, что можно считать рускостью. Вплоть до того, что у русских националистов всех направлений «нет общего представления о том, кто такие русские» [11]. А так как казахстанские русские в большинстве своем ориентируются в своем самоопределении на российскую литературу и СМИ, то они также воспроизводят в себе все те противоречия, присущие русскому националистическому дискурсу в его российских версиях. Ведь среди самих казахстанских русских нет фигур способных к производству этнических смыслов и символов, которые бы радикально отличались бы от продукций российских авторов, производящих и транслирующих этнонациональные смыслы и ценности.

Но при этом не все казахстанские русские подвержены влиянию дискурсов, произведенных и воспроизводимых российскими русскими националистами, и теми, кто за восстановление российского имперского прошлого. Однако в большинстве своем казахстанские русские симпатизируют различным версиям восстановления прошлых государственных образований, когда Казахстан и Россия были частью одной страны, при этом подразумевая, что центром такого восстановленного государственного образования будет Россия.

Как следствие, сегодня Казахстан, так же, как и большинство стран «второго» и «третьего» мира с полиэтническим составом, сталкивается с двумя очень сложными историческими проблемами, и решение этих проблем далеко не очевидно. Во-первых, в этих странах еще не сформировались консолидированные этносы, они еще внутри себя довольно сильно дифференцированы на доэтнические образования. В то же время современность ставит перед этими странами проблему формирования общенациональной идентичности. Однако ресурсы этих стран как по этностроительству, так и по нациестроительству являются крайне ограниченными. Поэтому этническая, а тем более общенациональная солидарность очень часто формулируется как необходимость, но воплощение этих целей в реальность затрудняется из-за недостатка, можно сказать, крайней ограниченности соответствующих когний, позволяющих выдвигаемые этнонациональные цели довести до необходимого уровня эксплицитности и, соответственно, до уровня применимости на практике.

Казахстанское общество, несмотря на все модернизационные усилия в прошлом и в настоящем, все еще в своей основе остается досовременным обществом и идентичность большинства казахстанцев также, остается преимущественно традиционной. Воспроизводство традиционных идентичностей в постсоветских обществах во многом обеспечивается благодаря преобладанию ценностей, ориентирующих людей больше на прошлое, чем на настоящее и будущее. Так, мы видим, что в последние десять лет у жителей постсоветских стран наблюдается сильная ностальгия по советскому прошлому. Советское прошлое стало очень значимым фактором для самоидентификации и значительной части казахстанцев. В исторических условиях, когда интеллектуальная элита не обеспечила и не могла обеспечить необходимый объем современных социокультурных когниций, идентичность большинства постсоветских людей представляет собой крайне синкретическое образование из идентификаций, имеющих досоветское, советское и постсоветское происхождение. При этом, если для россиян, а среди них, прежде всего, для русских, более значимы идентификации с советским, то для идентичности казахов и других народов бывшего Советского Союза более значимы досоветские идентификации. Но в данном случае нельзя говорить о явном и четком преобладании определенной идентификации по принципу советской или досоветской, о наличии кристаллизованных идентичностей постсоветских людей. Синкретизм – это родовая черта идентичности большинства постсоветских людей. Поэтому в идентичности постсоветского человека нередко идентификации

с досоветским, советским и постсоветским обществом образуют неотрефлексированное противоречивое единство. Но общим для всех этих стран является преобладание, как уже отмечалось, ценностей прошлого, порой очень архаичных, и такая архаизация объявляется как нахождение аутентичности этих народов.

Большинство казахстанцев не только ментально погружены в прошлое, рассматривая себя и других преимущественно через призму нарративов прошлого. Власть прошлого над казахстанцами проявляется и через их неотрефлексированные, и как следствие, неизжитые травмы прошлого. Так, два основных этноса казахстанского общества, сегодня живут под влиянием двух видов исторических травм: постколониальной и постимперской. Первая больше свойственна казахам. А вторая для большей части русских. И хотя эти травмы сегодня не проявляются так остро, как в некоторых постсоветских странах, но их опасность в том, что при определенном изменении геополитических условий они могут быть активированы.

Сталкиваясь с трудностями, носящими хронический характер, большинство народов в полутрадиционных странах склонны к формированию полемической и в широком смысле негативной идентичности. Носители такой идентичности, из-за невозможности продуктивно переосмыслить свои основания, а также из-за затруднений с инкорпорированием современных идентификаций, вынуждены следовать логике противопоставления и отрицания [12]. Для оправдания неконкурентоспособности своих обществ носители негативной идентичности прибегают и к рационализации, объявляя свое отстава-

ние как сохранение духовных начал, которые утрачены народами более успешных стран. В данном случае наблюдается социокультурная и психологическая закономерность, неоднократно выявленная исследователями, как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Она проявляется в том, что проигрывающие в конкуренции общества, группы и индивиды имеют ярко выраженную склонность к морализаторству.

Подводя итоги, можно сказать, что формирование современной гражданской нации в Казахстане затруднено по ряду причин. К ним, прежде всего относятся: ограниченное количество людей с высоким уровнем образования и профессионализма, а также людей с развитыми гражданскими навыками. К навыкам надо отнести не только готовность к антивластным акциям, когда нарушаются их гражданские права, но главным образом способность выстраивать регулярные и продуктивные социальные отношения, позволяющие в свою очередь создавать основы гражданского общества.

Но сегодняшнее казахстанское развитие современных институций, как и формирование современной нации, прежде всего, затруднены из-за неразвитости современных социогуманитарных знаний. И здесь мы видим, что эти затруднения не только в сфере знаний, развитие которых в советский период нашей истории ограничивались или прямо запрещались, как это было с философией и социологией. Сегодня мы видим, что наиболее многочисленная часть представителей социогуманитарного знания в виде историков, оказались неспособными производить ни объективно-научные, ни дидактические

исторические знания. Как следствие, казахстанцы не имеют научных работ, позволяющие им получить объективные представления о своей истории. Как и не имеют популярных исторических работ, которые способствовали бы формированию понимания исторической общности всех казахстанских этносов.

Решающее значение социогуманитарных когний для формирования идентичности, заключается в том, что идентичность является конструктом, производимым обществом на основе его социогуманитарных дискурсов и нарративов, чтобы произвести нужных обществу людей [13]. А в конечном счете, тех, кого принято называть народом, этносом или нацией. Но пока мы не имеем достаточных когнитивных ресурсов для задач, связанных с формированием современных этнических идентификаций и тем более национальной идентичности. И такое положение является объективным следствием исторических особенностей развития нашей социогуманитарной мысли.

Список использованных источников:

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – №4.
2. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
3. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
4. Роджерс Брубейкер Этничность без групп. – М., 2012.
5. Хантингтон С. Кто мы? – М., 2004.
6. Национализм в поздней посткоммунистической Европе. Т 1-2. – М., 2010.

7. Nation – building in the Post – Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. – Cambridge. 1998.

8. Nasrany J. Post – Soviet chaos: violence and dispossession in Kazakhstan. – L., 2002.

9. Шайкемелев М. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. – Алматы, 2020.

10. Есенгараев Е.Ж. Общество, институты и социальная наука. – Караганда, 2017.

11. Верховский А. Кто вы? Русские? – Новая газета Европа, 13.09.2024.

12. Гудков Л. Негативная идентичность. – М., 2004.

13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ГРУЗИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Малхаз Мацаберидзе

Введение

Процесс формирования коллективной идентичности протекает в конкретном социальном, культурном и политическом контексте.¹ Различные факторы воздействуют на восприятие и репрезентацию идентичности и видение собственного места в окружающем мире.

Сегодня в Грузии идентичность рассматривается в рамках более широкой, европейской идентичности. В постсоветский период Грузия все более четко репрезентирует себя частью Европы и стремится утвердиться в европейской семье. Наиболее ярким выражением этого стремления можно считать слова спикера парламента Грузии Зураба Жваниа 27 января 1999 года, при вступлении Грузии в Парламентскую ассамблею Совета Европы: «Я грузин, и поэтому, я европеец».

Для Грузии Европа представляется как:

- Единство, несущее определенные ценности;
- Определенное политическое единство, членство в котором является гарантией экономического прогресса, безопасности и построения государства европейского типа.

¹ Woodward Kathrin. Identity and Difference. 2002.

Желание интегрироваться в Европу приняло эмоциональную форму «возвращения домой», несмотря на то, что Грузия исторически не подразумевалась частью «европейского дома». Нынешние события в Грузии доказывают, что европейскость не является абстрактным понятием для современного грузинского общества.

Исторический аспект

Как формировалась европейская составляющая как важнейший маркер грузинской идентичности? Как представляла себя Грузия частью другой, более широкой идентичности?

Истоки этого следует искать в далеком прошлом, когда самой современной Европы еще не существовало и лишь формировались ценности, которые в дальнейшем легли в основу понятия европейской идентичности. Вероятно, следует начать с IV века, когда в 337 году христианство было объявлено государственной религией в Грузии. Этот шаг не был случайным и отражал близость Грузии к миру, ставшему христианским. В V-XI веках формировалась, с одной стороны, единая грузинская культура, а с другой стороны определилась культурная самоидентификация грузин с христианским византийским миром, противостоящим усиливающему влиянию цивилизации ислама. «Мы находимся на окраине этого мира», писал в VIII веке грузинский агиограф Иоанэ Сабанисдзе. Другие произведения названного периода («Мученичество Евстафия из Мцхеты», «Мученичество Або», «Житие Серапиона из Зарзмы», «Житие Григола

из Хандзты», «Житие Иоана и Евфимия», «Житие Илариона Грузинского» и др.) дают возможность проследить процесс подготовки трансформации Грузии с периферийной культуры византийского пространства в ядро кавказского культурного единства.¹

Хотя политические и культурные процессы на Ближнем Востоке изменили политическую траекторию истории Грузии, но она воспринимала себя частью христианского мира и в трудные времена позднего средневековья, когда она искала союзника среди христианских стран.

Во второй половине XVIII века в грузинском политическом мышлении происходит своеобразный перелом: политическая элита видит Европу не только как союзника, но как модель модернизации страны. Можно проследить попытки переноса и утверждения в Грузии европейских идей и институтов (влияние «Духа законов» Монтескье, идеи Вольтера и других просветителей, идеи создания государственного совета, регулярной армии, архивов, высших учебных заведений и т.д.).

Завоевание Грузии Россией остановило этот процесс и придало европеизации уродливую, колониальную форму со стороны романовской России, которая сама нуждалась в европеизации. Уже в XIX веке в Грузии четко различались Россия и Европа. Александр Орбелиани (1802-1869), основоположник грузинского консерватизма, отмечал, что история Грузии была бы совершенно иной, если бы Европа была ближе к Грузии.

¹ Kakitlashvili, Ketevan. Management of cultural processes according to Georgian hagiographical texts. "Civilizational Researches", # 3, Artanudji Press, 2005, p. 17-41.

Известный грузинский общественный деятель Георгий Церетели (1842-1900) отмечал различие между обучением в российских и европейских университетах: российские вузы готовили чиновников для российского государства, а из Европы возвращались люди, вооруженные знанием, полезным для возрождения Грузии.

Грузинская Демократическая Республика (1918-1921) была попыткой построить нацию/государство европейского типа. Грузинские социал-демократы (в русской терминологии «меньшевики») отмежевались от теории и практики большевизма. Грузия должна была стать демократическим государством, и построение социализма считалось возможным только тогда, когда европейские страны встанут на этот путь. Характерны слова тогдашнего лидера Грузии Ноя Жордания (1868-1953) на заседании Учредительного собрания 14 января 1920 года: «Я предпочитаю империалистов Запада фанатикам Востока» (он имел в виду большевиков).

Постсоветский период

В постсоветский период ориентация на Запад была единственным способом спасти и развить Грузию. Ориентация на Запад, стремление к интеграции в Евросоюз и евроатлантические структуры является позицией большинства общества.

Ответ на вопрос: приемлема ли цель вступления Грузии в Евросоюз и НАТО? (%)

Год	Евросоюз	НАТО
Ноябрь 2012	77	71
Август 2015	61	69
Декабрь 2017	72	64
Декабрь 2018	83	78
Декабрь 2020	80	74
Декабрь 2021	83	77
Декабрь 2022	81	73
Март 2023	82	73

Интересен также ответ на вопрос: «С какой страной и объединением следует Грузии иметь наиболее тесное сотрудничество?» (допускалось три ответа):

	Март 2022	Март 2023
Евросоюз	42	54
США	35	32
Турция	17	14
Россия	13	12

Хронология сближения Грузии с Евросоюзом такова:

- В апреле 1996 года было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Грузией, которое вступило в силу в 1999 году;
- С 2004 года Грузия участвует в европейской политике соседства, целью которой была европеизация соседних стран;
- В мае 2009 года была заложена основа Восточного партнерства для 6 стран;

- В 2014 году было подписано Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом;
- 2 февраля 2017 года Европарламент поддержал либерализацию визового режима с Грузией;
- Декабрь 2019 года – создана ассоциированная тройка (Молдова, Украина, Грузия). Эти три страны требовали отдельного рассмотрения их вопроса и предоставления конкретной перспективы интеграции в Европейский Союз, но тогда им было отказано.

Все изменилось в феврале 2022 года, когда Украина, Молдова и Грузия получили право подать заявку на членство в ЕС в ускоренном порядке.

15 декабря 2023 года Грузия получила статус кандидата в члены ЕС. Если 9 условий Еврокомиссии будут выполнены, Грузия сможет начать переговоры о вступлении в Евросоюз.

Вот эти 9 условий:

- Борьба с дезинформацией о ЕС и его ценностях;
- Улучшение согласованности внешней политики Грузии с внешней политикой и политикой безопасности Европейского Союза;
- Борьба с политической поляризацией;
- Обеспечение свободного и справедливого избирательного процесса (парламентские выборы 26 октября 2024 г.);
- Улучшение парламентского надзора;
- Завершение судебной реформы;
- Обеспечение независимости антикоррупционного бюро;
- Совершенствование плана действий по деолигархизации;

- Улучшение защиты прав человека.

Статус Грузии как кандидата на членство в ЕС создает новую реальность на Кавказе. По словам премьер-министра Армении Никола Пашиняна, «это событие обязательно повлияет на общую атмосферу региона». Но с появлением реальной перспективы вступления в Евросоюз стало ясно, что нынешняя правящая политическая сила Грузии не намерена выполнять условия Евросоюза, хотя и открыто не декларирует этого. Политическая сила или конкретный политик, открыто выступающий против западной ориентации Грузии, потеряет поддержку. Поэтому с 2012 года правящее политическое объединение «Грузинская мечта» всегда заявляет, что поддерживает европейскую интеграцию страны. Они не отвергают открыто европейскую интеграцию, даже во время принятия так называемого «российского закона». Б. Иванишвили, с одной стороны, поддержал принятие этого закона, но с другой стороны заявил, что в 2030 году Грузия станет членом Евросоюза.

Так называемый «Российский закон» власти пытались принять еще в марте 2023 года, но из-за протестов законопроект был отозван. В апреле 2024 года власти страны второй раз представили в Парламент данный закон, тем самым разрушая европейские перспективы Грузии и открыто противопоставляя себя Западу.

Вторая попытка «Грузинской мечты» встретила сильный протест, в котором особенно активно себя проявила грузинская молодежь и это не случайно. Исследование, проведенное в 2016 году показало, что молодые люди в возрасте 18-30 лет подчеркивают собственную близость к Европе и считают близость ценностей главным основа-

нием близости Грузии к Европе. Было отмечено, что грузины обладают «европейским типом мышления». С тех пор прошло восемь лет, и часть этого поколения перешла в возрастной сегмент 31-45 лет, а те, кто перешагнул 18-летний порог после 2016 года настроены еще более проевропейски.

По данным опроса, проведенного в 2016 году, среди старшего поколения наблюдалась позиция: «Европа – это хорошо, но она далеко», «Европа отвергнет Грузию», но с 2022 года такая позиция постепенно утрачивает основу. Членство в ЕС становится реальным и 2024 год станет решающим в определении вектора политического развития Грузии.

Заключение

P.S. 26 октября в Грузии прошли решающие парламентские выборы. Это были первые полностью пропорциональные выборы в Грузии, а также первые электронные выборы, на которых около 90% избирателей проголосовали с помощью электронных устройств, установленных на избирательных участках.

После обработки 99,6% голосов правящая партия «Грузинская мечта» набирает 54,08%, сообщает Центральная избирательная комиссия Грузии утром в воскресенье, 27 октября. Проевропейские оппозиционные союзы и партии суммарно набирают порядка 37,5%. В оппозиции заявили, что не признают объявленные ЦИК результаты, и анонсировали протесты¹.

¹ Парламентские выборы 26 октября 2024 года – новостной блог – <https://civil.ge/ru/archives/628227>

ВОСПРИЯТИЕ ШИРОКИМИ КРУГАМИ ТУРЕЦКОГО ОБЩЕСТВА ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1950-Е ГОДЫ

Хаяти Тюфекчиоглу

На мой взгляд наибольший интерес к данной статье может представить анализ материалов американской прессы 50-х гг. прошлого столетия, отражающий американскую внешнюю политику послевоенного времени, позволяющий объективно понять корни событий, развивающихся в мире после 1990-х годов.

Перевод статьи с турецкого языка на русский был выполнен Розой Джусуповой. Пользуясь случаем, хотелось бы выразить ей свою благодарность! Хочу также выразить свою благодарность моему коллеге и другу профессору Шайкемелеву за приглашение принять участие в международной конференции и опубликовать статью в сборнике ее трудов! Поздравляю Мухтарбека Сейдалиулы с юбилеем! Желаю ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов на благо казахстанской науки!

Темой исследования в данной работе являлось рассмотрение одного исторического факта, занимающего важное место в истории турецко-американских отношений, а также рассмотрение этих отношений с точ-

ки зрения восприятия их в широких кругах турецкого общества. Для этой цели нами был выбран период начала корейской войны в 1950-х гг. Как известно, конец II Мировой войны послужил началом формирования новой расстановки сил в мире, явился началом создания новых отношений между социумами в обществе. Одним из значимых аспектов корейской кампании для Турции, в которой последняя приняла активное участие, можно назвать тот факт, что именно в то время зарождаются основные направления современных турецко-американских отношений. Однако сразу же хотелось бы подчеркнуть, что основной задачей исследования являлось рассмотрение не корейской войны как таковой, и не всестороннее рассмотрение турецко-американских отношений в тот период, а скорее то, каким образом эти самые отношения преподносились и воспринимались в турецком обществе.

Для исследования были выбраны материалы газеты «Хурриет» (Hürriyet), одной из самых популярных газет того периода. В то время газета «Хурриет» существовала 4 года, несмотря на это, она уже смогла занять важное место в создании нового стиля информации в Турции. Этот стиль приобретает наибольшую важность в 1946 г. во время перехода политической системы Турции к многопартийной системе и имеет в своей основе желание донести информацию до самых широких слоев общества. Большое внимание газетчиками уделялось визуальной составляющей, издание выпускалось с множеством фотографий, иллюстраций, и как сказал один из создателей газеты С. Симави: «Фотографии являются не дополни-

ем к статье, а наоборот статья пишется на основе фотографий».

Газета «Хурриет» того времени представляет собой печатное издание, выпускающееся тиражом 135 тыс. экземпляров (27, 101) *, где материал излагается очень кратко, можно сказать, тезисно, газета пестрит яркими воскресными приложениями. «Хурриет» пока еще далека от СМИ, выражающего собственную политическую линию, хотя определенно бросается в глаза симпатия в отношении правящей в тот период Демократической партии. Видно также, что газета уже имеет определенный вес и влияние в обществе.

Обратимся к материалам газеты «Хурриет», начиная с 26 июня 1950, когда со страниц газеты впервые было объявлено о войне, начавшейся ровно за день до этого, и закончим свой анализ выпуском от 31 августа. Этот период, соответствующий приблизительно двум месяцам, охватывает 67 дней. Кроме того, рассмотрим материал от 15, 16, 17 сентября, в котором освещалась информация о решении по заявке Турции на вступление в НАТО.

Следует отметить, что во время изучения упомянутых материалов газеты мы столкнулись с определенными трудностями, которые были связаны с объемом материала газеты, охватывающей двухмесячный период. Это достаточно богатый в событийном плане материал, который показывает, насколько широко освещалась данная тема. Поняв, что анализ его нельзя ограничить рамками сводки новостей, автором было принято решение пере-

* Цифры в скобках делают ссылку на материал, представленный автором в приложении.

дать собственное видение проблемы на основе материалов газеты с цитированием нескольких типичных высказываний из статей. Материал, используемый для исследования, в полном объеме представлен в приложении к данной работе.

Просматривая материал газеты, в первую очередь выделим сообщения, касающиеся отношений с США. Это – план Маршалла и проекты в военной сфере, обсуждение вопросов, затрагивающих практически все сферы деятельности, а также соответствующие этим сообщениям, фоторепортажи. И без излишнего преувеличения заметим, что с трудом найдется хотя бы один выпуск, где бы отсутствовали фотографии, сопровождающие сообщения, связанные с прибытием в Турцию американских делегаций, будь то военных или гражданских. Общей особенностью всех этих материалов является отсутствие какого-либо анализа, присутствует лишь сухая, невыразительная подача материала с использованием одинаковых фраз. В этой связи мы не видели необходимости обращаться к указанным материалам.

Наиболее же интересными и привлекающими внимание являются сообщения, связанные с принятием страной решения об отправке военного контингента в Корею, и последующие за ними второстепенные сообщения (число которых заметно увеличивается от выпуска к выпуску), их содержание и в особенности способ их подачи.

В качестве примера можно привести несколько сообщений следующего содержания:

Выпуск от 25 июля 1950 г.: «В МРАМОРНОМ МОРЕ ЗАМЕЧЕНА ПОДВОДНАЯ ЛОДКА. Для захвата поднявшей-

ся несколько раз на поверхность моря, а затем внезапно исчезнувшей подводной лодки, были задействованы средства морского флота. Официальные власти не комментируют данный вопрос». Это сообщение, полученное из «достоверных источников» и размещенное под указанным заголовком на первой полосе газеты, как главная новость выпуска, состоит из 13 строк, уместившихся в одной колонке, и занимает 4-5 сантиметровое пространство газетной полосы.

Выпуск от 26 июля 1950 г.: «ЧАЙКА, ВЫПУЩЕННАЯ МОСКВОЙ...» Подзаголовок: ... Нашими охотниками у озера Чекмедже Голю была поймана чайка... На лапке птицы был обнаружен ободок с надписью «Москва-169010-Е», который запечатлен на фотографии выше, что указывает на то, что птица, была выпущена из Москвы. В связи с тем, что Москва не располагается на побережье моря, то возникает вопрос, каким образом птица оказалась в зоне озера Чекмедже Голлю? Ободок был отправлен в письме одним из наших читателей и в настоящее время хранится в типографии нашей газеты». (70)

Выпуск от 27 июля 1950 г.: НЕИЗВЕСТНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА была замечена между Ялова-Чинарждик и Текирдаа. Поиск подводной лодки проводился кораблями военно-морского флота совместно с самолетами военной авиации. (80)

Выпуск от 30 июля 1950 г.: В МРАМОРНОМ МОРЕ В ПОЛНОЧЬ БЫЛА ЗАДЕРЖАНА НЕИЗВЕСТНАЯ МОТОРНАЯ ЛОДКА. В ней находились три человека. Было установлено, что на лодке передавались световые сигналы в неизвестном направлении (...) А также на лодке был найден фотоаппарат последней модели. (104)

Выпуск от 30 июля 1950 г.: Сообщение вновь публикуется со страниц газеты, как главная новость выпуска: «НЕИЗВЕСТНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА БЫЛА ЗАДЕРЖАНА ВЧЕРА НОЧЬЮ». «На основании информации, достоверность которой мы не имели возможности проверить в уполномоченных органах...», – с этих слов начинается сообщение, «было установлено, что данная подводная лодка, замеченная на поверхности воды вблизи Дарыджа, которая была впоследствии задержана, принадлежит флоту Болгарии». (96)

Выпуск от 30 июля 1950 г.: СЛУХИ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫЕ СО ЗЛЫМ УМЫСЛОМ... Сообщения о том, что Стамбульский пароход, совершавший рейс по маршруту вдоль Восточного побережья Средиземного моря, был подвергнут атаке со стороны неизвестной подводной лодки, в результате которой затонул, оказались не более чем вымыслом. Вчера редакция нашей газеты связалась с представителями департамента морских перевозок, которые полностью опровергли данные сведения. (102)

В выпуске от 1 августа 1950 г. было распространено небольшое сообщение, разместившееся на последующих полосах газеты в виде небольшой колонки, следующего содержания: В ВОДАХ МРАМОРНОГО МОРЯ НЕИЗВЕСТНОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ НЕТ. Анкара (АА) опровергает сведения, распространяемые печатными средствами массовой информации от 24 июля 1950 г. о том, что в водах Мраморного моря была замечена неизвестная подводная лодка, которая впоследствии была задержана в водах Измирского залива, и заявляет об их безосновательности. В водах Мраморного моря отсутствует неизвестный подводный объект, о чем уполномочено заявить Анатолийское агентство. (118)

Анализируя подобные сообщения и параллельно распространяемые сообщения другого характера и содержания, создается весьма интересная картина.

Выпуск от 30 июля 1950 г.: *С КОММУНИЗМОМ НАЧИНАЕТСЯ БЕЗЖАЛОСТНАЯ БОРЬБА. (Анкара) (по телефону) – По полученным сведениям правительство твердо убеждено в своем стремлении бороться самыми жесткими методами с какими-либо проявлениями, направленными на подрыв национального единства. Новое правительство нашей страны намерено проявить большую бдительность в отношении коммунистических провокаций и перейти к беспощадной борьбе против коммунизма. (97)*

«Немедленно растопчем ростки коммунизма, где бы они ни появились», с этими словами начинается статья Седата Симави: «От имени народа мы поздравляем правительство демократов за принятие решения о борьбе с коммунизмом, невозможно выразить насколько велика наша радость». (134)

30 июля 1930 г.: *...Работа некоторых турецких СМИ, находящихся за пределами нашей страны, может быть воспринята как фривольная, что противоречит государственным и национальным интересам, а потому находится под пристальным оком нашего наблюдения. (95)*

Выпуск от 1 августа 1950 г.: *Вчера был произведен арест 4-х коммунистов. (116)*

Выпуск от 19 июля: *60% наших студентов, находящихся на обучении в Париже, являются коммунистами. (50, 54, 173)*

Выпуск от 14 августа: *Будет проведен большой митинг с участием представителей политических партий, трудовых и молодежных объединений, организаций. Цель готовя-*

щегося митинга - показать готовность турецкого народа к возможной войне и верности принципам ООН, а также осудить коммунизм. (154)

Манифестации, осуждающие коммунизм. (60,62, 128, 132, 136, 162, 175, 184)

Выпуск от 10-го августа 1950 г.: *Министерство юстиции намерено пойти на изменения уголовного кодекса, дабы искоренить всякие ростки коммунизма... (142)*

Выпуск от 10-го августа 1950 г.: *И вновь главная новость выпуска. Принимаются беспрецедентные методы борьбы с коммунизмом. Коммунисты будут осуждены правосудием. (146)*

«Все коммунисты, просочившиеся в ряды народного образования, будут арестованы». В завершении сообщения министр народного образования сообщает следующее: «Должен сказать следующее: мы не собираемся, оставив свои дела, возиться с этими 5-10-ю нечестивцами, неизвестно как пробившимися в наши ряды». (150)

Выпуск от 15-го августа 1950 г.: *заголовок сообщения, появившегося через два дня после предыдущего: Проведение чисток в рядах работников народного образования являются безосновательными. (156)*

Выпуск от 30 июля 1950 г.: *Четыре организатора печатного издания «Миротворцы», наносящего вред национальным интересам, имеющего своей целью подорвать силу национального сопротивления, арестованы. (...) На снимке Бехидже Боран (95)*

Выпуск от 13-го августа 1950 г.: *Позиции коммунизма внутри страны... Выявление масштабов, мест, причин и побуждающих факторов, выработка четких мер борьбы – вот*

те принципы, которым уделяется особое внимание. С другой стороны готовится проект нового закона, призванный защитить демократию. (148)

Выпуск от 17-го августа 1950 г.: *Коммунисты в государственных органах... Правительство приняло бесповоротное решение – жестко бороться с изменниками родины. Все чиновники, подозреваемые в прокоммунистических взглядах, будут преследоваться. (161)*

Из приведенных выше примеров можно сделать следующий вывод: косвенно создается негативный имидж СССР, который на фоне положительных статей о США выглядел ужасающим. Под влиянием корейской кампании в турецких СМИ постоянно строились сценарии о возможности начала 3-й мировой войны, делались намеки о подготовке Советского Союза к завоеванию мира, создавался образ государства, представляющего собой угрозу для всего мира. (3, 22, 30, 47, 81, 99, 123, 171). СССР, о котором у турецкого населения не было четкого представления, представлялся в виде монстра, который, однако, никогда не упоминается открытым текстом (35, 38). В статьях, где было необходимо упомянуть Советский Союз, вместо Союза называлась Болгария (96). Утаивание истинной позиции привело к тому, что даже зарубежные аналитики были убеждены в том, что решение Турции об отправке своих войск в Корею, никоим образом не может считаться действием, направленным против СССР (87).

Необходимо обратить внимание на следующий момент. Рассматривать приведенные выше примеры, как отражение внешней политики Турции, либо как непро-

Фессионализм печатных изданий Турции, склонных к преувеличению и искажению информации, будет не совсем правильно. Если просмотреть европейскую и американскую прессу того времени, то мы наверняка столкнемся еще с более жесткими выпадами в адрес страны Советов. Существующая атмосфера в западном мире не могла не найти отражения в материалах турецких печатных изданий. Сходные сообщения о неизвестных подводных лодках, заимствованных газетой «Хурриет» или распространяемых, на основе информации западных информационных агентств, можно встретить во всех мировых печатных изданиях того времени. К примеру, цитата из японской прессы: *«неизвестные корабли и подводные лодки, появляющиеся почти каждый день, находятся под тщательным наблюдением»* (88), их также заметили в Средиземном море (145), в Афинах (153), Оттаве (88). Даже информационное агентство AFP из Лондона сообщало следующее: *«Уполномоченные лица западных морских ведомств наконец-то пролили свет на то, кому же принадлежат эти неизвестные корабли и подводные лодки. Оказалось, что данные объекты являются собственностью СССР»* Наряду с эти сообщениями на страницах мировой прессы появлялись сообщения о взрывах неизвестного происхождения (11), акциях саботажа (52,53,66,90,124), в Великобритании ажиотаж вокруг последних дошел до рассмотрения в палате общин (103). *«В Бельгии чуть ли не каждые 2 часа наблюдаются акты саботажа»* (82). «Хурриет» также не отстает в своем стремлении осветить события, связанные с неизвестными взрывами. (29, 57, 65, 73, 114, 121, 151, 158, 180).

Следует отметить также, что аресты коммунистов производились не только в Турции. Для борьбы с красными шпионами (23, 37, 51, 140), находящимися повсеместно во всей Америке, будут приниматься *«самые жесткие меры»* (164), *«Трумэн требует от молодых американцев бороться с коммунизмом»* (28) – отмечают СМИ США. Здесь следует отметить, что общество Америки данного периода переживает панику под названием «Доктрина Джо Маккарти» или «Маккартизм». Американский народ уже верит в то, что в правительство Трумэна просочились коммунисты, а в руках у Маккарти находится целый список, состоящий якобы из 205 сотрудников министерства иностранных дел, завербованных КГБ. Сообщения о данном факте, распространяемые в турецких СМИ, носят сходный характер: *«Стремительно увеличилось количество коммунистов из числа должностных лиц, их количество так велико, что многие уже стали думать, что все сотрудники внешнеполитического ведомства являются шпионами, работающими на СССР»* и в продолжении статьи: *«ФБР, в ходе тщательно проведенной работы удалось на корню истребить советских шпионов, и многие из них были физически уничтожены»* (45)

В Америке наблюдается в тот период охота на коммунистов, по-другому, со слов одного из писателей * в Америке 50-х годов имела место охота на ведьм. И чем дальше, тем большую силу набирает это движение, в число «красных охотников» помимо упомянутого Джо Маккарти, вошли Луи Джонсон, впоследствии глава внешне-

* Цифры в скобках делают ссылку на материал, представленный автором в приложении

политического ведомства Джон Фостер Дуллс, Дин Раск и Пал Ницце. Маккартисты не ограничивались лишь лидерами и членами Коммунистической партии, террор и гонения распространялись на все сферы общества: науку, искусство, кинематограф. Случай Розенбергов является продуктом той эпохи – Америки 50-х годов. Шарло также постигла незавидная участь. В Америке того времени собирались подписи людей, которыми они подтверждали свою непринадлежность к коммунистам, людей заставляли произносить клятвы верности. Все граждане начинают подозрительно относиться к друг другу, повсеместными стали доносы на соседей, имевших якобы подозрительные связи.

И вновь возвращаясь к газете Хурриет, влиятельные политики того времени в правительстве Мендереса и Копрюлю в один голос заявляли о том, что основу внешней политики должны составлять прочные и добрые отношения с США (20, 135, 165). Со слов американских партнеров: *«Турция вне всякого сомнения со всем бесстрашием прочно стоит на ногах и оказывает невероятное сопротивление советскому империализму»*. (5) Однако в этих отношениях просматривается проблема – она связана с осуществляемой помощью. Объем помощи, осуществляемой в рамках плана Маршалла, постоянно подвергался критике как недостаточный, по сравнению с объемом той помощи, которая оказывалась европейским странам. *«Сегодня мы, как и множество других государств нуждаемся помощи со стороны США во всех отраслях жизни, однако объемы этой помощи распределяются таким образом, что нам не представляют возможности воспользоваться ею в полной*

мере» (181). «...начиная с Греции, которая ест белый хлеб, в условиях, когда все так или иначе связано с планом Маршалла, в Турции до сих пор едят черный хлеб» (42).

Эта несправедливость «несмотря на значимость нашего места в мировом порядке» (181) связана с тем, что мы как следует не раскрыли свою значимость для Америки. И в этом вина руководства, его неумелости. Кроме того, оно (руководство) не способно что-либо просить. «Много чего требующее правительство Греции добилось-таки искомого. Мы же со своей пассивной политикой, будучи не в состоянии что-либо требовать, многие годы совместно с многомиллионными армиями, призванными бороться с коммунизмом, являлись сторожами для Европы и Ближнего Востока, и именно поэтому наша экономика повернулась вспять. И что может требовать Турция, которая ничего не сделала, чтобы быть услышанной, ничего не сделала, чтобы показать важность своей роли» (42).

В сообщениях, распространяемых на страницах газеты, создается имидж Америки, раздающей деньги всему миру, образ Америки отождествляется, прежде всего, с заветной финансовой подпиткой. Однако причины, истинная подоплека этой помощи никем почему-то не исследуется. Так, например, под сообщением о прибытии судов военного флота в воды Босфорского пролива, в карикатурном виде изображены американские корабли в виде пачек долларовых банкнот. Надпись под карикатурой: «Гости пожаловали» (117).

Для Турции в вопросе обеспечения собственной обороноспособности, одной из основных проблем являются большие расходы на вооружение и недостаточ-

ность объема предоставляемой помощи. Как и весь мир, Турция стояла перед серьезными угрозами и как видно на примере Кореи «незащищенные» страны с легкостью подвергаются нападению извне. Вот именно поэтому вопрос «обороны» (9) приобретает первостепенное значение для правительства, которое считало, что Турция будет в безопасности, только тогда, когда все государства мира, объединившись под началом Америки (144, 168), победят красную угрозу, исходящую от СССР. Решение этой проблемы для Турции – стать членом западного военного альянса. И именно, поэтому, война в Корее рассматривалась Турцией как шанс показать себя, вследствие чего Турция одна из первых принимает решение об отправке своего контингента в Корею. После этого все чаще звучат слова ведущих политиков о скором принятии Турции в НАТО (111, 122, 131, 160, 166). *«Самая сильная армия Запада – турецкая армия»*. (172) Таким образом, если бы Турция, будучи членом НАТО, подверглась бы советской военной агрессии, то в результате совместных усилий, был бы побежден коммунизм. И как высказался, Селим Сарпер, будучи в Америке с визитом: *«В случае принятия Турции в Атлантический пакт сообщество приобретет 2-х миллионную армию»*. (172) Вскоре последовала официальная заявка Турции на вступление в НАТО. *«Поданная нами заявка в данный момент рассматривается Вашингтоном, но Анкара уже считает принятие Турции в Северо-Атлантический альянс состоявшимся фактом»*.

Желая форсировать принятие Турции в члены Северо-Атлантического Союза, турецкие политики неоднократно высказывали, что Турция не может оставаться

чуждой к происходящим событиям в Корее. Ими высказывались надежды, что решительная политика Турции, принявшей, как и другие страны-члены ООН решение об отправке военного контингента в Корею, будет несомненно одобрена странами-членами НАТО.

Однако 15 сентября было объявлено об отказе принятия Турции в НАТО. (185) Седат Семави связал данное решение с «пережитками крестовых походов, продолжением разделения мир на христианский и мусульманский». (186) «С нами обходятся как с пасынком, и все по причине нашего вероисповедания» (186), «это – разрыв связей», – продолжал Седат Семави. Однако разрыва связей не произошло. По прошествии времени Турция и Греция были приняты в НАТО.

Из приведенных выше примеров напрашиваются следующие выводы. Прежде всего следует подчеркнуть, что картина, открывающаяся перед нами, исходя из приведенных выше примеров, не может быть охарактеризована, как лишь истерия СМИ, либо как обычные отношения между социумами в послевоенное время. В основе вопроса лежит европейская политика Америки после 2-й Мировой войны. После 1945 года роль Европы в мире постепенно начинает ослабевать, в то время роль Америки, наоборот, все более и более возрастает. Естественно, что в этих условиях Америка попыталась извлечь определенные выгоды. Прежде всего, вскоре после подписания Ялтинских соглашений, в США резко возросло убеждение в том, что Советский Союз получил слишком много преимуществ. Поэтому как американскому народу, так и нам, истеблищментом США и его СМИ активно навя-

зывается тезис о силе и мощи Советского Союза, а также об угрозе, исходящей от него.

В европейской политике Америки можно наблюдать следующие основные инструменты. Прежде всего, во главе их стоит План Маршалла. Для того, чтобы показать американскому народу обоснованность помощи Америки Европе, исчисляемой многими миллиардами долларов, была выдвинута догма об опасности коммунизма, распространяющего свое влияние на весь мир. План Маршалла был призван помочь Европе восстановиться после войны, одновременно с этим и поставить экономику Европы в зависимое положение от Америки. Американский финансовый капитал был порожден в определенной мере как результат тотального контроля над Западной Европой. План Маршалла способствовал экспансии американской промышленности. Благодаря этой мере американская экономика стала основным партнером Европы, как по объему внешней торговли, так и по количеству американских инвестиций. И как было сказано в одной из статей газеты Хурриет «Европа отныне принадлежит американцам» (56).

Вторым значимым пунктом в европейской политике Америки после 1945-го г. являются военные альянсы. Если План Маршалла был направлен на обеспечение экономической зависимости Европы от Америки, то НАТО должен был обеспечить военную зависимость. Насколько План Маршалла проявил себя в экономике, настолько же НАТО должен был проявить себя в военной сфере. Однако странным можно назвать то факт, что Запад преувеличивал опасность Советского Союза в то время, как в стране Советов же наоборот старались воздерживаться

от неосторожных поступков. Тот период, называемый, как «раскол льдины» в Европе сопровождался все возрастающим утверждением об опасности, исходящей от коммунизма, а в стане коммунистов он сопровождался закрытием Коминтерна. В СССР, в это же самое время, начинает создаваться имидж страны с добрым именем. Хрущев в отличие от грозного имиджа Сталина старается создать имидж простого, доброго человека.

Один из других выводов, вытекающих из данного исследования связан с положением коммунистических партий Европы. Рассматриваемый в данном исследовании период приходится на время после 2-й мировой войны. В тот период большой вклад в движении сопротивления принадлежал коммунистам, роль которых в дальнейшем стала возрастать и в правительствах этих стран, а затем под американским давлением коммунистические партии постепенно стали вытесняться из политической жизни Европы. «После 1945 г. несмотря на наличие коммунистических партий в правительстве как Франции, так и Италии, несмотря на прочные позиции марксистских партий, глубокое недоверие существовало к ним».* Наряду с формированием образа СССР как агрессора, началось и выдавливание коммунистических партий, а корейская война еще больше подстегнула данный процесс.

В заключении можно сказать, что турецко-американские отношения в 1950-е годы в широких кругах воспринимались сквозь призму европейской политики США после 2-й Мировой Войны.

* Пол Кеннеди, Взлет и падение больших сил (экономические изменения и военные конфликты 1500–2000., (Перевод: Биртане Каранакчи), Культурные издания Тюркие Иш Банкасы, Анкара, 1990, стр. 439.

Приложение:

1) 26 июня 1950 г.

Главная новость выпуска: Началась корейская война.

Поддерживаемая советскими самолетами армия коммунистической Кореи, вторглась и уверенно продвигается вглубь Южной Кореи. Южная Корея в срочном порядке обратилась за помощью к США.

2) 26 июня 1950 г.: Совет Безопасности вчера провел собрание по поводу переговорного процесса в Корею.

3) 26 июня 1950 г.: Цитата из мировой прессы: как подвергнуть советские порты блокаде?

4) 26 июня 1950 г.: Советские офицеры будут выполнять свой долг в чехословацкой армии. Таким образом, вскоре чехословацкая армия присоединится к Красной Армии. Применяемая на примере Чехословакии система, вскоре будет установлена и в Румынии, Болгарии, Венгрии и Польше.

5) 26 июня 1950 г.: Со слов американского сенатора Коннали «Турция, вне всякого сомнения, со всем бесстрашием прочно стоит на ногах и оказывает невероятное сопротивление советскому империализму» и потребовал продолжения оказания военной помощи Турции.

6) 26 июня 1950 г.: 24 корабля, до краев наполненные вооружением и другой военной помощью, взяли путь к берегам Европы.

7) 26 июня 1950 г.: (Лондон) – чистки в Румынии. Генеральный секретарь коммунистической партии Румынии заявил о проведении чисток 1/5-й партии.

8) 26 июня 1950 г.: В Турцию приходит телевидение. Внешнеполитическое ведомство США приняло решение об использовании телевидения в целях пропаганды. Тематика программ, продюсируемых непосредственно американцами, - вопросы демократии.

9) 27 июня 1950 г.: Карикатура: человек в красном одеянии, в руках сабля, с пышными усами, из носа пар – переходит в нападение. Вокруг разрываются снаряды, огромные бомбы, ракеты. Два человека с раскосыми глазами, в гражданской одежде, на лицах выражение страха пытаются сбежать.

- Почему нападает,

-Потому что маленькие и беззащитные.

10) 27 июня 1950 г.: (Берлин) – Западный мир переходит в контрнаступление, к холодной войне. Антикоммунист возглавляет Коммунистическую партию. Эта партия, которая будет основана старым немецким коммунистом, будет бороться со Сталиным и прихвостнями. Партия была основана

раскольниками, отпочковавшимися от западногерманской коммунистической партии. На прошлой неделе тот же случай наблюдался и в Италии. Повсеместно наблюдаются случаи раскольничества в коммунистических партиях, число отделившихся с целью создания своей собственной партии растет, растет и число желающих примкнуть к ним.

11) 27 июня 1950 г.: В Лондоне произошел взрыв.

12) 27 июня 1950 г.: Молодые немецкие коммунисты были замечены в столкновениях с полицией.

13) 28 июня 1950 г.: Во главе национальной армии Кореи был назначен американский командующий.

14) 28 июня 1950 г.: слухи, распространяемые на страницах газеты Улус, на визит генералов к Исмету Иноню после выборов 14-го мая с вопросом: «будут ли у последнего какие-либо приказания»

15) 29 июня 1950 г.: Попытки представления Турции в Америке...

16) 29 июня 1950 г.: Мы получили еще один кредит в 4 миллиона долларов. С другой стороны. Португалия получила от Америки 5 тысяч долларов для покупки двигателей и турбин.

17) 29 июня 1950 г.: (Lake Succes) – Совет Безопасности принял архиважное решение под утро. В соответствии с данным решением Южной Корее, подвергнувшейся агрессии, будет оказана военная помощь. Предложение об оказании военной помощи поступило от Америки, которую поддержали Англия, Франция, Норвегия и Куба.

18) 30 июня 1950 г.: Макартур в Корее.

19) 30 июня 1950 г.: (Лондон) – А если Югославия подвергнется нападению советских сателлитов? Югославия справится и не позволит ущемить свои права. С момента начала военного вторжения Северной Кореи в Южную, подобные сообщения стали часто появляться в Югославии. Одной из основных причин их появления является уверенность в том, что вслед за Южной Кореей придет очередь и Югославии. О том, что при непосредственном участии Советского Союза может начаться военное вторжение в Югославию, последняя стала активно убеждать Запад.

20) 1 июля 1950 г.: Турция выполнит все необходимое, что от нее потребуется касательно корейского вопроса. Глава внешнеполитического ведомства Турции Фуат Копрюлю высказал это с трибуны турецкого парламента. С Америкой наши отношения можно назвать очень прочными и доверительными...

21) 1 июля 1950 г.: Открытие выставки в Стамбуле. На снимке по обе стороны надписи «План Маршалла» изображены два полумесяца...

22) 1 июля 1950 г.: Если завтра начнется война... Министр обороны США: Если Сталин желает узнать, то я могу ему сказать следующее: если

сегодня в четыре часа будет по его приказу осуществлено нападение, то уже в пять часов он поймет, что ему придется сражаться

со всей Америкой.

23) 1 июля 1950 г.: (Вашингтон) –агент, разведывающий данные в атомной сфере, признает себя виновным.

24) 1 июля 1950 г.: Бехидже Боран и Ниязи Беркес были оправданы.

25) 2 июля 1950 г.: Заголовок: ПОМОЩЬ АМЕРИКЕ ОТ ТУРЦИИ

«Помощь Америке от Турции» - хорошо звучащая фраза. Америка обратился к нам за помощью в корейском вопросе. Мы, в свою очередь, являясь членом ООН, просто обязаны придти на помощь. С другой стороны, помощь в рамках Плана Маршалла, получаемая нами, обязывает нас также оказать необходимую поддержку. Вне сомнений, что эта поддержка будет оказана соотнositельно помощи в рамках Плана Маршалла. Помощь, оказываемая Франции, несравнима с помощью, оказываемой нам. Единственный аспект, который бы нам хотелось знать – каким образом будет оказана помощь. Без сомнения, помощь, запрошенная от Турции, является чисто символической. Потому что отправка нашей армии на другой конец света даже не может быть предметом разговора. Этот год явился благодатным для производителей фармацевтической индустрии Турции, производителей табака, естественно, что мы также хотим, чтобы и корейские друзья воспользовались плодами наших успехов. Турция не уклоняется от предоставления помощи, однако эта помощь не должна подвергаться сравнению с помощью, оказываемой правительствам Швеции и Египта. И если в любой части мира разгорелся огонь, то долг Турции со всеми потушить этот огонь. По нашим расчетам среди той помощи, оказываемой нами Корею, не может придти на ум отправка военного контингента. Новейшая наша история изобилует подобными примерами. Много было пролито турецкой крови: в Галиполи, Ямче. Очень надеемся, что в Корею от нас не потребуются самопожертвования. Наконец если Совет Безопасности найдет целесообразным, мы возобновим набор добровольцев. Наверное, не стоит забывать, что расположенная на Дальнем Востоке Корея, для Турции все таки не является очень далекой. Хурриет

26) 2 июля 1950 г.: С чем я встретился в Европе, получаемой помощь по плану Маршалла: наш коллега Хикмет Биль вернулся из трехмесячной поездки по Европе, получающей по сравнению с Турцией безграничную помощь в рамках Плана Маршалла. Несмотря на беспрецедентную помощь Америки, по всей Европе можно наблюдать забастовки, демонстрации. Непокойствие вкупе с бедностью, наблюдающиеся в Европе, будут описаны пером Хикмет Била.

27) 2 июля 1950 г.: Сегодняшний номер газеты Хурриет был выпущен тиражом в 132750 экземпляров.

28) 2 июля 1950 г.: (Valley Forge) (AP) – Трумен требует от американцев борьбы с коммунизмом. Президент попросил собравшуюся в международном лагере скаутов, молодежь бороться за мир и свободу так, как они борются с продвижением коммунизма. Президент выступил с речью перед 48 тысячами молодых людей.

29) 2 июля 1950 г.: Вашингтон (AA-AFP) – Сценарист был осужден за оскорбления в адрес Конгресса. Один из голливудских сценаристов Самуэль Орниц был приговорен к тюремному заключению сроком на один год и к штрафу в размере тысячи долларов за нанесение оскорблений в адрес Конгресса. Орниц в прошлом году во время расследования заговора членами комиссии Конгресса на вопрос о том, что он думает по поводу Американской Коммунистической Партии, отказался давать какой-либо ответ. Орниц – один из десяти работников киноиндустрии поступившие подобным образом.

30) 2 июля 1950 г.: Американская армия – всегда наготове на тот случай, если СССР начнет полномасштабные военные действия.

31) 3 июля 1950 г.: Из телеграммы, направленной правительству Генеральным Секретарем ООН М. Тругве: «В случае оказания Вашим правительством помощи в короткие сроки прошу сообщить о характере этой помощи.»

Ответ: Правительство Республики Турции остается верным обязательствам, вытекающим из условий ООН. На этом основании правительство Турецкой Республики в соответствии с принятым на Совете Безопасности решением будет тотчас же готово к переговорам с Совбезом и конкретным действиям.

Профессор Фуат Копрюлю Министр Иностранных Дел

32) 4 июля 1950 г.: (Багдат) (Нафен) – Один из депутатов иракского парламента выступил с речью в парламенте страны, в которой он рассказал о сотрудничестве высшего звена дипломатических работников с советскими разведчиками.

33) 5 июля 1950 г.: Новая цель «красных» в Азии – Тибет.

1) 6 июля 1950 г.: Коммунистическая партия Ирана Тудех все больше развернула свою деятельность.

35) 7 июля 1950 г.: Мусульмане, находящиеся за пределами железного занавеса, оказали попытку сопротивления. Советские войска подавили эту попытку, деревни в очагах сопротивления были преданы огню.

36) 8 июля 1950 г.: В Анкаре планируется открыть турецко-американскую ассоциацию.

37) 8 июля 1950 г.: В Америке по обвинению в шпионаже был задержан еще один человек, выдававший СССР сведения об атомных разработках.

38) 8 июля 1950 г.: Наличие союзников заставляет СССР призадуматься. Рано или поздно в Польше и Чехословакии начнутся народные волнения.

39) 9 июля 1950 г.: Китайские коммунисты встают на защиту Назым Хикмета. Сан-Франциско (АР) – 25 китайских поэтов выразили свое негодование по поводу отношения турецкого правительства к Назыму Хикмету. По их словам, турецкое правительство будет свергнуто.

40) 9 июля 1950 г.: Студент юридического факультета был арестован за пропаганду идей коммунизма.

41) 9 июля 1950 г.: Из Маршалловской Европы сообщает Хикмет Бил: С одной стороны с любовью к демократии ищущая убежище в тени Америки, с другой стороны забастовками и акциями саботажа симпатизирующая коммунизму – вот она «Маршалловская» Европа.

42) 10 июля 1950 г.: Из Маршалловской Европы: помощь, оказываемая Греции в рамках Плана Маршалла...

По дороге, идущей от Пире до Афин, с правой и левой стороны навалены товары из Америки. Греция, которая еще не высвободилась от внутренних распрей, ест белый хлеб, в условиях, когда все так или иначе связано с планом Маршалла, а Турция до сих пор довольствуется черным хлебом. Много чего требующее правительство Греции добилось искомого. Мы же со своей пассивной политикой, будучи не в состоянии что-либо требовать, многие годы совместно с многомиллионными армиями, призванными бороться с коммунизмом, являлись сторожами для Европы и Ближнего Востока, и именно поэтому наша экономика повернулась вспять. И что может требовать Турция, которая ничего не сделала, чтобы быть услышанной, ничего не сделала, чтобы показать важность своей роли.

43) 11 июля 1950 г.: Еще один коммунист, вернее пародия на него, был освобожден.

44) 11 июля 1950 г.: Продажа мыла по карточкам в Англии будет отменена.

45) 13 июля 1950 г.: Цитата из газеты Ньюсуик: «В Америке борьба со шпионажем... В Ялте до того, как президент Рузвельт был вынужден уступить некоторым притязаниям совершенно больного Сталина, СССР коварно скрывал свои тайные желания. Члены Коммунистической партии, одновременно являющиеся тайными агентами, добрались и до Рузвельта. После 1942 г. делегации из СССР эшелонами стали прибывать в Америку. В 1946 г. Эдвард Гувер высказался о наибольшей опасности шпионов коммунистов по сравнению с нацистскими шпионами. Америка восприняла данную мысль рядом публичных заявлений, рядом арестов. Стремительно увеличилось число коммунистов из числа членов правительства, на столько, что многие уже стали думать, что все сотрудники

внешнеполитического ведомства являются шпионами, работающими на СССР. В 1948 г. произошел случай Галанд Косенкиной. Следующий за этим случаем – это публичное выступление государственной служащей по имени Элизабет Бентли, работающей ранее на коммунистов, заслуживает внимания. Среди обвиняемых, были и такие, которым во время войны поручались важные задания. Речь Бентли, прозвучавшая из выступления, явилась достаточной, чтобы понять смысл речи Витакер Чонберса, бывшего редактора, ответственного за выпуск статей в журнале «Таймс.» Однако основной удар был нанесен по лидерам коммунистов. Лидеры коммунистов были осуждены за подготовку переворота в стране. Потребовалось много времени, прежде чем Америка поняла суть дела. Это произошло и после того, как шпионы СССР стали выуживать очень важные сведения. Однако, несмотря на это, ФБР, в ходе тщательно проведенной работы, удалось на корню истребить советских шпионов, и многие из них были умерщвлены.

46) 14 июля 1950 г.: Марсель заново отстраивается благодаря помощи, оказываемой в рамках Плана Маршалла.

47) 18 июля 1950 г.: Канада готовится отразить возможную атаку со стороны СССР.

48) 18 июля 1950 г.: Как же Иран сможет защититься?

49) 19 июля 1950 г.: Польша попала по управление СССР.

50) 19 июля 1950 г.: Заявление делегата Турецкой Национальной Лиги Абитуриентов Мукеррем Ташчиоглу: 60% всех учащихся, находящихся на обучении в Париже, являются коммунистами.

51) В Америке был пойман шпион, разведывающий данные в атомной сфере. На снимке возмущенный до предела народ... Инженер Джулиус Розенберг был схвачен работниками ФБР, ему вменяются обвинения по вербовке людей в шпионскую сеть, разведывающей информацию о разработках в атомной сфере.

52) 19 июля 1950 г.: В государствах-сателлитах шпионаж и акции саботажа

53) 19 июля 1950 г.: Саботаж на английском военном корабле (АР) - Сегодня официально было заявлено о трех случаях, имевших место на английских военных кораблях, имеющих признаки саботажа. Данные действия являются организованной акцией коммунистов – таковы предположения.

54) 20 июля 1950 г.: Сегодняшние законодательные акты являются недостаточными для обеспечения контроля наших абитуриентов за рубежом.

55) 20 июля 1950 г.: Из «Маршалловской» Европы: Италия получила много, а мы – мало. Италия является содержанткой Америки. А Турция

словно законная супруга. Жена легко не оставит своего супруга, в то время как соержантка – прелестна.

56) 22 июля 1950 г.: Из «Маршалловской» Европы: Европа стала уже американской.

57) 22 июля 1950 г.: В Америке обвиняемый в шпионаже Голд скорее всего будет приговорен к смертной казни.

58) 23 июля 1950 г.: Глава американской миссии по оказанию военной помощи Турции генерал Хорас Макбридж: «Во всем мире не встретить такого государства, где бы политика имела наименьшее влияние на армию. Невмешательство политики в армию является очень важным. В Турции военные не участвуют в выборном процессе, и в армии не наблюдается каких-либо неудовольствий из-за отсутствия права голоса.

59) Сталин будет побежден в Турции?

60) 23 июля 1950 г.: В связи с амнистией поэта Назыма Хикмета молодые националисты испытали большое разочарование. Завтра в воскресенье планируется проведение митинга протеста. Предполагается массовое участие народа в данном митинге.

61) 23 июля 1950 г.: Акция саботажа на английской подводной лодке.

62) 24 июля 1950 г.: Манифестации, проклинающие коммунизм.

63) 24 июля 1950 г.: (Берлин) – Новая тактика красных... Они пытаются обманывать пассажиров поезда с помощью красивых девушек.

64) Главная новость: В мраморном море замечена подводная лодка. Для захвата поднявшейся несколько раз на поверхность моря, а затем внезапно исчезнувшей подводной лодки, были задействованы средства морского флота. Официальные власти не комментируют данный вопрос.

(Измит) - Из достоверных источников нам удалось выяснить, что иностранная подводная лодка была замечена в Мраморном море между местечками Дарыджа и Ялова около 14 часов.

65) 25 июля 1950 г.: В Америке набирает обороты борьба со шпионажем. (Вашингтон АР) – Труман призывает народ к сотрудничеству с ФБР в борьбе против шпионажа, саботажа и других действий, наносящих вред.

66) 25 июля 1950 г.: В Англии самые последние случаи саботажа.

67) 26 июля 1950 г.: Мы направляем наши вооруженные силы в Корею. Вчера в Анкаре на заседании Совета Министров под председательством Баяра на приказ ООН было принято решение об отправке военного контингента из 4500 военных.

Телеграмма, направленная в адрес Генерального Секретаря ООН Тругве Ли: «Правительство Турции, считающее своим долгом, выполнять обязательства, вытекающие из членства в ООН, и решения Совета Безопасности, тщательно рассмотрело Вашу телеграмму от 15 июля 1950 г. об оказании

военной помощи Корею. Правительство республики по результатам данного рассмотрения, учитывая сегодняшний миропорядок, во имя установления мира, осознавая всю важность и необходимость, постановляет отправить в Корею военный контингент, состоящий из 4500 военных.»

Профессор Фуат Копрюлю, Министр Иностранных Дел

68) 26 июля 1950 г.: Американские сенаторы, будучи в Анкаре вели переговоры. Г-н Каин говорит о том, что своим решением об отправке военного контингента в Корею Турция поднимет свой престиж во всем мире: «Америка будет помогать тем, кто ей помогает. Война в Корею – не война, которая затрагивает только США, - это война Организации Объединенных Наций.»

69) 26 июля 1950 г.: Неизвестная подводная лодка. В Измитском проливе приостановлены морские перевозки. В месте, где была замечена подводная лодка, были найдены 3 торпеды. Как уже сообщалось ранее, на поимку неизвестной подводной лодки, которая была замечена в Мраморном море между местечками Ялова и Дарыджа, были привлечены силы военно-морского флота страны, располагающиеся в местечке Голджук. Несмотря на то, что работы по поиску подводной лодки в данном районе велись со вчерашнего дня до поздней ночи сегодняшнего дня, подводная лодка не была обнаружена. В месте, где была замечена подводная лодка, были извлечены 3 торпеды. Расследования продолжаются.

70) 26 июля 1950 г.: «ЧАЙКА, ВЫПУЩЕННАЯ МОСКВОЙ...» Подзаголовок: ...Была поймана нашими охотниками у озера Чекмедже Голю... На лапке птицы был обнаружен ободок с надписью «Москва-169010-Е», который запечатлен на фотографии выше, что указывает на то, что птица, была выпущена из Москвы. В связи с тем, что Москва не располагается на побережье моря, то возникает вопрос, каким образом птица оказалась в зоне озера Чекмедже Голю. Ободок был отправлен в письмо одним из наших читателей и в настоящее время хранится в типографии нашей газеты.»

71) 26 июля 1950 г.: Бумажный кризис. Количество страниц английских газет уменьшилось до четырех.

72) 26 июля 1950 г.: Северо-Атлантический альянс будет всегда бдительным в отношении возможной военной агрессии со стороны СССР. Турция, Греция и Иран все еще находятся под давлением СССР.

73) 26 июля 1950 г.: В Англии и США началась война против шпионажа. Принимаются необходимые меры для предотвращения возможных акций саботажа. И в той, и в другой стране в последнее время придается особое значение локальным проявлениям саботажа, что в свою очередь привело к стремительному вооружению.

74) 27 июля 1950 г.: В Корею направляется бронетанковая бригада

75) 27 июля 1950 г.: Заголовок: Мы – страна, которая не является членом НАТО, а потому получает наименьшую помощь, оказываемую в рамках Плана Маршалла, а тем временем от нас требуют оказания человеческой помощи. Партия Демократов высказывает согласие по данному вопросу. Почему мы остаемся одни? Почему мы, соглашаясь с решением Совбеза, отправляем военный контингент, состоящий из 4500 военных в то время, как другие страны – члены НАТО, упорно хранят молчание, словно язык проглотили.

Всему есть предел, в том числе и отваге и бесстрашию. Мы полагаем, что на этот раз мы превзошли этот предел. Неизвестно, следует ли это списывать на неумелость партии демократов, либо же просто на невезение. Хурриет

76) 27 июля 1950 г.: Оппозиционная партия СНР рассматривает принятие об отправке войск в Корею без предварительного обсуждения с ними, как недопустимый и неправильный шаг.

77) Нихат Эрим: Отправление войск за пределы страны без обсуждение этого вопроса в парламенте страны – акт, противоречащий положениям конституции страны.

78) 27 июля 1950 г.: Национальная Турецкая Федерация Абитуриентов с радостью восприняла решение правительства, о чем было заявлено в сообщении: Турецкая молодежь с надеждой ожидая решение данного вопроса, понимает, что это решение было принято во имя мира, в свою очередь мы – молодежь Турции готовы выполнить всякое задание, которое будет возложено на нас.»

79) 27 июля 1950 г.: Наше решение была воспринято на ура как в Вашингтоне, так и в Лондоне. После Америки Турция – первая из стран-членов ООН приняла решение об отправке своего военного контингента.

80) 27 июля 1950 г.: Неизвестная подводная лодка была замечена между Ялова-Чинарджик и в Текирдаа. Поиск подводной лодки проводился единицами морского флота совместно с самолетами военной авиации. Вчера вечером из администрации г. Текирдаа поступила телеграмма с сообщением о неизвестной подводной лодки, замеченной вблизи Текирдаа. По результатам проведенного нами расследования было выяснено, что между островом Мармара и местечком Текирдаа командой парусного судна была замечена неизвестное морское судно. Данное судно тотчас же исчезло при попытке приближения к нему. Из чего очевидно, что данный объект является подводной лодкой. Находящиеся на паруснике команда по прибытии в Текирдаа повинувась чувству долга немедленно сообщила о случившемся в местную администрацию.

Измит (по телефону) – Подводная лодка, замеченная в Мраморном море, не была найдена. Предполагается, что подводная лодка перед тем, как скрыться сбросила торпеду. Торпеды, найденные в месте нахождения подводной лодки, принадлежат СССР.

Измит (по телефону) – По сведениям, полученным в последнюю минуту, было выяснено, что неизвестная подводная лодка была замечена вечером в 20:00 на поверхности море близ Ялова и Чинарджик, после чего лодка внезапно скрылась. Со вчерашнего дня в поисках подводной лодки были задействованы единицы морского флота в сопровождении самолетов военной авиации. Высшие военные чины по этому поводу не высказываются.

81) 27 июля 1950 г.: На Западе все насторожены в связи с тем, что СССР может в любую минуту перейти к военному наступлению на Германию.

82) 27 июля 1950 г.: В Бельгии каждые два часа имеют место акции саботажа. На железнодорожные пути были подорваны 30-ю бомбами, в связи с чем движение поездов по железной дороге было нарушено.

83) 27 июля 1950 г.: На индийском фарфоровом заводе в помощь местному правительству в борьбе с коммунистами, после принятия соответствующего решения американским правительством об оказании военной помощи, была направлена американская делегация.

84) 28 июля 1950 г.: Карикатура на 1-й странице. Изображен остров, на котором написано – Корея. На острове сидит молодая девушка, на голове которой шапка, символизирующая флаг США, а руках уд (музыкальный инструмент). Девочка плачет. На горизонте виднеется военный корабль под турецким флагом, на котором изображены несколько турецких солдат с огромными винтовками:

- Жду на корейском берегу, любимая ты мне срочно нужна.

85) 28 июля 1950 г.: Иноню: Уже сейчас следует задуматься над тем, какую помощь может оказать Турция на случай возможного вторжения. Интересно, как поступит ООН на случай войны в Корее, потребует ли от стран-членов ООН лишь одобрения? Вот этот вопрос, который меня сейчас беспокоит.

86) 28 июля 1950 г.: Ассоциации Абитуриентов Стамбульского Университета на собрании под руководством исключительной команды высказались касательно последнего митинга, организованного коммунистами во Франции относительно решения по делу Назыма Хикмета. Участники собрания отвергли прозвучавшие на митинге идеи и высказались за проведение закрытого заседания ассоциации, на котором будут рассматриваться вопросы о проведении митингов, протестов против прокоммунистических журналов, все еще печатаемых в Турции, а также

рассмотреть вопрос о студентах, находящихся на обучении во Франции и попавших под влияние коммунистических идей.

87) 28 июля 1950 г.: Касательно принятого Турцией решения об отправке военного контингента в Турцию одно из компетентных иностранных лиц высказало следующее: «Данное решение, принятое Турцией, не может рассматриваться как решение, принятое против СССР.»

88) 28 июля 1950 г.: Вблизи Японии и Канады были замечены неизвестные подводные лодки и военные корабли. (Токио) (АА-АФР) – Почти каждый день можно наблюдать неизвестные военные корабли, подводные лодки и военные самолеты. Население начинает испытывать переживания. Полиция, заявляет о том, что остров постоянно прочесывается с моря мощным лучом прожектора. С другой стороны, по сведениям, полученным из Оттавы, заявления рыбаков о наличии одной или двух подводных лодок неизвестного происхождения по своей видимости являются достоверными.

89) 28 июля 1950 г.: Артур Кестлер отвернулся от коммунизма. Артур Кестлер – венгр по происхождению, писатель – коммунист отказался от своей приверженности идеям коммунизма и после того, как он начал писать о том, какова коммунистическая система изнутри, он перешел к английской тактике, стал формировать организацию для внедрения западной прессы за железный занавес.

90) 28 июля 1950 г.: Акции саботажа в Сингапуре.

91) 29 июля 1950 г.: Решение было вынесено не в пользу войны, а в пользу мира.

92) 29 июля 1950 г.: Необоснованные слухи... После принятия нашей страной решения об отправке военного контингента слухи о том, что народ начал стекаться к банкам и о прекращении кредитных траншей, не соответствуют действительности.

93) 29 июля 1950 г.: Есть желающие порыбачить в мутной воде. Распускаются как необоснованные слухи, так и продолжается скупка золота, что приводит к его удорожанию.

94) 29 июля 1950 г.: Объединением Турецких Активистов Борьбы за Мир было распространено заявление, в котором высказывалась оценка решения, принятого правительством об отправке военного контингента в Корею. В данном заявлении говорится, что подобный шаг противоречит национальным интересам страны. Прокуратора тотчас же распорядилась о том, чтобы распространяемое заявление было изъято, а также о начале преследования в законном порядке разработчиков данного заявления.

95) 30 июля 1950 г.: Четыре организатора печатного издания «Миротворцы», наносящего вред национальным интересам и имеющее своей целью подорвать силу национального сопротивления, арестованы.

(Аднан Джемгиль, Бехидже Боран, адвокат Вахдеттин Барут, издатель Кемаль Аныл). В домах двух из обвиняемых (Аднана Джемгиля и Бехидже Борана) были найдены документы, которые были конфискованы. (...) На снимке Бехидже Боран. Издание, имеющее свои корни за пределами нашей стран, издатели которого чувствуют себя фривольно, противоречит государственным и национальным интересам, а потому находится под пристальным оком прессы.

96) 30 июля 1950 г.: Неизвестная подводная лодка была задержана вчера ночью. На основании информации, достоверность которой мы не имели возможности проверить в уполномоченных органах...», - с этих слов начинается сообщение, «было установлено, что данная подводная лодка, замеченная на поверхности воды вблизи Дарыджа, которая была впоследствии задержана, принадлежит флоту Болгарии. Измитское командование флотом не предоставило какой-либо информации о задержании подводной лодки.

97) 30 июля 1950 г.: С коммунизмом начинается безжалостная борьба. (Анкара) (по телефону) – По полученным сведениям правительство твердо убеждено в своем стремлении бороться самыми жесткими методами с какими-либо проявлениями, направленными на подрыв национального единства. Новое правительство нашей страны намерено проявить большую бдительность в отношении коммунистических провокаций и перейти к беспощадной борьбе против коммунизма.

98) 30 июля 1950 г.: Фарук Нафиз относительно решения об отправке военного контингента: Правильно ли мы поступаем, проявляя самопожертвование, либо же наблюдать пока другие будут драться.

99) 30 июля 1950 г.: Заголовок из восьми строчек: Какова сила военного флота СССР? СССР работает над разработкой оружия, которое погубит человечество. СССР нисколько не станет гнушаться использованием этого оружия против человечества.

100) 30 июля 1950 г.: В случае вторжения какова будет помощь, оказываемая Америкой. Население Англии и Франции по сравнению с населением нашей страны многочисленнее, так почему же эти страны направляют в Корею небольшой контингент. Это является предметом споров.

101) 30 июля 1950 г.: Сегодняшний выпуск Хурриета выпущен тиражом 133750 экземпляров.

102) 30 июля 1950 г.: Слухи, распространяемые со злым умыслом... Сообщения от том, что Стамбульский пароход, совершавший рейс по маршруту вдоль Восточно-Южного побережья Средиземного моря, был подвергнут атаке со стороны неизвестной подводной лодки, в результате

которой пароход затонул, оказались не более, чем вымыслом. Вчера редакция нашей газеты связалась с представителями департамента морских перевозок, которые полностью опровергли данные сведения.

103) 30 июля 1950 г.: Саботаж в палате общин.

104) 30 июля 1950 г.: В мраморном море в полночь была задержана неизвестная моторная лодка. В ней находились три человека. Было установлено, что на лодке передавались световые сигналы в неизвестном направлении. Прошлой ночью через три часа после полуночи, когда на берегу уже никого не было, внимание полицейского патруля было приковано к источнику света, которые время от времени появлялся с моря. На моторной лодке находились двое мужчин и одна женщина, а также вещи, среди которых кровать, одеяло, провиант, один пистолет, фотоаппарат последней модели, одежда, два бочонка бензина.

105) 31 июля 1950 г.: Копрюлю: С момента начала войны в Корее обстановка какова была, такова и осталась по сей день. А распускаемые слухи – это работа пособников коммунистов и спекулянтов.

106) 31 июля 1950 г.: Критика в адрес решения об отправке военного контингента в связи с тем, что решение было принято без голосования в парламенте и одобрения оппозиции.

107) 31 июля 1950 г.: Образовывается молодежная организация. В Европе всюду формируются национальные молодежные организации, в Турции наблюдается такая же картина, подтверждением является Турецкая Ассоциация Абитуриентов, профсоюзы рабочих Стамбула, организация «Турецкий очаг», ассоциации преподавателей.

108) 31 июля 1950 г.: Карикатура на 1-й странице: на переднем плане Секретарь ООН, налице которого замешательство, позади него – американец, вслед за американцем изображен турецкий солдат с выражением лица, полным решимости. Повсюду разлетаются американские доллары, и люди в разных одеяниях, представляющие европейские страны, пытаются во чтобы то ни стало заполучить эти деньги.

109) 31 июля 1950 г.: Достоверная информация о военном бюджете СССР.

110) 31 июля 1950 г.: СССР угрожает и Ирану.

111) 31 июля 1950 г.: Вопрос членства Турции в НАТО и Средиземноморском альянсе.

112) 31 июля 1950 г.: В Анкаре собрались члены профсоюзных организаций. Участники собрания одобрили решение правительства об отправке военного контингента в Корею, о чем они по телеграмме уведомили премьер-министра.

113) 31 июля 1950 г.: Вы только посмотрите! Они борются в угоду национальным интересам! (Комментарии касательно речи Бехидже Борана, произнесенной им в суде)

114) 31 июля 1950 г.: В Америке были арестованы еще два шпиона, выведывающих информацию в атомной сфере. Шпионская сеть, организованная СССР в период войны с Германией, постепенно разрушается.

115) 31 июля 1950 г.: Адмирал Джиндер находится с визитом в нашем городе. Адмирал Джиндер на вопрос о неизвестных подводных лодках, замеченных в Мраморном море ответил следующее: прохождение подводных лодок через проливы теоретически возможно. Однако лично я такой возможности не допускаю.

116) 1 августа 1950 г.: Вчера были арестованы 4 коммуниста. Университеты приняли решение о проведении в пятницу собрания, лейтмотивом которого будет критика в адрес коммунизма.

117) 1 августа 1950 г.: Американский флот вчера прибыл в порт нашей страны. Карикатура: в проливе изображены военные корабли, на берег же высаживаются долларовые банкноты. Надпись: «Гости пожаловали.»

118) 1 августа 1950 г.: В водах мраморного моря неизвестной подводной лодки нет. Анкара (АА), сведения, распространяемые печатными средствами массовой информации с 24 июля 1950 г. о том, что в водах Мраморного моря была замечена неизвестная подводная лодка, которая в последствие была задержана в водах Измитского залива, являются безосновательными. В водах Мраморного моря отсутствует неизвестный подводный объект, о чем уполномочено заявить Анатолийское агентство.

119) 1 августа 1950 г.: Арестованные члены организации «Миротворцы», отправлены в Анкару.

120) 1 августа 1950 г.: Администрация Нью-Йорка запретила проведение мирного митинга. Глава администрации Нью-Йорка запретил проведение прокоммунистического митинга.

121) 1 августа 1950 г.: В Америке будет принята смертная казнь за шпионаж.

122) 3 августа 1950 г.: Наша страна официально подала заявку на членство в НАТО. США, Англия и Италия поддерживают нас в этом стремлении. После вступления в НАТО, в случае агрессии против нас со стороны какого-либо государства, нам будет оказана поддержка странами-членами НАТО.

123) 3 августа 1950 г.: Состояние европейских стран на случай возможной агрессии со стороны СССР.

124) 3 августа 1950 г.: В Англии акции саботажа.

125) Нейтрально настроенные круги рассматривают решение об отправке военного контингента в Корею, как ошибочный шаг, противоречащий национальным интересам. (...) Слишком уж много

внимания уделяется этому вопросу. Профессор А.Фуат Башгиль: «Данное решение не противоречит конституции.» Профессор юридического факультета университета Анкары Нури Эсен придерживается того же мнения.

126) 3 августа 1950 г.: Сеющая панику, пораженческая пропаганда решительно осуждается. (Анкара- АА) – Глава правительства Аднан Мендерес получает одобряющие телеграммы в связи с принятым решением об отправке военного контингента в Корею.

127) 3 августа 1950 г.: Германия мобилизуется в борьбе против коммунизма. Несмотря на то, что это решение активно поддерживается США и Англией, Франция не одобряет это решение.

128) 3 августа 1950 г.: Собрание, осуждающее коммунизм.

129) 3 августа 1950 г.: Коммунисты не из старых.

130) 4 августа 1950 г.: Члены «Миротворцев» – на допросе. В соответствии с законом им грозит тюремное заключение минимально на 5 лет.

131) 5 августа 1950 г.: Поданная нами заявка в данный момент рассматривается Вашингтоном и Анкара уже считает принятие Турции в Северо-атлантический альянс, как состоявшийся факт.»

«Конечно до момента принятия Турции в члены Северо-Атлантического Союза ничего особенного не произойдет, однако Турция не может оставаться чуждой к Корею, которая находится в тысячах километрах от Турции, решительная политика Турции, принявшей, как и другие страны -члены ООН решение об отправке военного контингента в Корею, будет несомненно одобрена странами-членами НАТО. Как известно, нашей страной и ранее была подана заявка на участие в НАТО. Как известно, ранее также была подана нашей страной заявка на членство в ООН, однако некоторые небольшие государства-члены ООН считали, что наша заявка на членство ООН носит временный характер и обусловлена геополитической обстановкой, в которой находится наша страна. Поэтому эти государства не были сторонниками членства нашей страны в НАТО.

132) 5 августа 1950 г.: Вчера на собрании, имевшим целью раскритиковать коммунизм, выступил с обличающей речью Бехчет Кемаль Чаалар. Он сказал: «Человек с чистым сердцем и совестью, не являющийся выродком, не может быть коммунизмом.»

133) 5 августа 1950 г.: Студенты поедут добровольцами в Корею.

134) 6 августа 1950 г.: Мы поздравляем правительство демократов за принятие решения о борьбе с коммунизмом и от имени народа не можем выразить, насколько велика наша радость. Седат Семави

135) 7 августа 1950 г.: Заявление премьер-министра о внешней политике. Аднан Мендерес в своем заявлении рассказал о внешней

политике страны, которая базируется на коалиции с Англией, Францией и на партнерских отношениях с Америкой. Далее он продолжил, что попытка членства в НАТО, а также решение об отправке военного контингента в Корею – действия, предпринимаемые с целью обеспечения мира во всем мире.

Мендерес: «Тесные связи с Америкой – один из основных составляющих факторов нашей внешней политики. Наши отношения с Америкой, зарекомендовавшей себя как Планом Маршалла, так и военной помощью, с развитием ситуации в мире все больше приобретают серьезность, нельзя сказать, что они (отношения) развиваются параллельно.

136) 7 августа 1950 г.: В Текирдаа прошло антикоммунистическое собрание. Красная идеология с ненавистью была отвергнута народом.

137) 8 августа 1950 г.: Против 6-ти человек, занимающихся изданием провокационных статей, началось расследование. Это – Мустафа Буюккальп, Керим Сади, Исмаил Пекджан, Бедри Экин, Кемаль Сонмезэр, Мустафа Фахри и Рыфат Итлер.

138) 9 августа 1950 г.: Полк, отправляемый в Корею, со всеми почестями отбыл из Аяшта. 26 августа – дата возможной отправки турецкого контингента.

139) 9 августа 1950 г.: Два человека, осуществляющие подпольную издательскую деятельность, были арестованы. Это, - Мустафа Фахри Октав и Нихат Саргын.

140) 9 августа 1950 г.: 55 тысяч американских коммунистов ведут подпольную деятельность. Глава ФБР Эдгар Гувер: «Коммунисты, коварно осуществляющие свою деятельность, помимо всего прочего пытаются проникнуть в промышленные центры.»

141) 9 августа 1950 г.: Лица, издающие провокационные статьи.

142) 10 августа 1950 г.: Грянут изменения в уголовном кодексе. Министр юстиции направил в адрес некоторых профессоров юридического факультета Анкаринского Университета проект, при разработке которого учитывались все участвовавшие случаи провокаций коммунистов в больших городах, промышленных центрах; условия, при которых общественный порядок оказался под угрозой; в условиях провокаций и подстрекательств, дабы предотвратить все перечисленные негативные факторы и искоренить всякие ростки коммунизма. С этой целью министерство юстиции выразило свою решимость предпринять изменения в уголовном кодексе.

143) 11 августа 1950 г.: Меры, прокливающие коммунизм.

144) 12 августа 1950 г.: Будет образована совместная западная армия.

145) 12 августа 1950 г.: В Средиземном море были замечены неизвестные подводные лодки.

146) 13 августа 1950 г.: Главная новость: Принимаются беспрецедентные методы борьбы с коммунизмом. Коммунисты будут осуждены правосудием. Все коммунисты, просочившиеся в ряды работников министерства народного образования, будут арестованы.

147) 13 августа 1950 г.: Заголовок: Что, от кого мы защищаем? Растопчем всякие проявления коммунизма, и разрабатываемый закон, специально для них будет проведен в жизнь. Стоит ли ради ничего не стоящих 3-5 коммунистов причинять ущерб нашей демократии. Будет печально, если закон, призванный защитить демократию, будет направлен на запугивание прессы, и чтобы, заставить замолчать оппозицию. С. Семави

148) 13 августа 1950 г.: Позиции коммунизма внутри страны... Выявление, где именно и в каких масштабах, причин и побуждающих факторов, выработка четких мер борьбы – вот те моменты, которым уделяется особое внимание. С другой стороны, готовится проект нового закона, призванный защитить демократию.

149) 13 августа 1950 г.: Министр юстиции Халиль Озюрюк в заявлении, высказанном прессе, рассказал, что коммунисты будут выдворены из страны. Поскольку закон страны не предусматривает выдворение граждан за пределы страны, я обратился за разъяснениями к министру юстиции Халилю Озюрюку. Министр юстиции в свою очередь отметил, что данные работы находятся лишь на начальном этапе, а что касается выдворения коммунистов за пределы страны – это лишь предложение, прозвучавшее из уст министра. Однако насколько данный шаг будет являться корректным, на этот счет тщательная работа пока не проводилась.

150) 13 августа 1950 г.: Заголовок: «Все коммунисты, просочившиеся в ряды народного образования, будут арестованы». В завершении сообщения министр народного образования сообщает следующее: «Должен сказать следующее: мы не собираемся, оставив свои дела, возиться с этими 5-10-ю нечестивцами, неизвестно как пробившимися в наши ряды.»

151) 13 августа 1950 г.: В Америке был задержан 7-й по счету шпион, добывавший информацию в атомной сфере. (Вашингтон) (АА, АРР) Шпионом оказалась Этель Геринглас Розенберг, чей супруг и брат ранее были задержаны ФБР.

152) 14 августа 1950 г.: В Ыспарте был арестован преподаватель-коммунист.

153) 14 августа 1950 г.: (Афины) - (АА, АРР) – Пакет, выброшенный из неизвестной самолета, не найден.

154) 14 августа 1950 г.: Будет проведен большой митинг с участием представителей политических партий, трудовых и молодежных объединений, организаций. Цель готовящегося митинга - показать готовность ту-

рецкого народа к возможной войне и верности принципам ООН, а также осудить коммунизм.

155) 15 августа 1950 г.: Против коммунизма начинается беспощадная борьба. Тевфик Илери рассказал о мерах, принимаемых в этом направлении.

156) 15 августа 1950 г.: Проведение чисток в рядах работников народного образования являются бесосновательными.

157) 15 августа 1950 г.: Сообщения о договоренности с Америкой об отправке военного контингента в Корею, являются бесосновательными.

158) 15 августа 1950 г.: Американские лидеры коммунистов будут арестованы.

159) 15 августа 1950 г.: Еще один американец, приверженец левого движения, раскаивается.

160) 16 августа 1950 г.: Министр иностранных дел нашей страны вернулся: вступление Турции в НАТО является необходимостью во имя обеспечения мира.

161) 17 августа 1950 г.: Коммунисты в государственных органах... Правительство приняло бесповоротное решение – жестко бороться с изменниками родины. Все подозрительные лица известные как коммунисты в рядах государственных органов будут преследоваться.

162) 18 августа 1950 г.: Митинг, проклинающий коммунизм.

163) 19 августа 1950 г.: Америка благодарна Турции за оказываемую помощь. Решение Турции об отправке военного контингента было встречено в Америке с большим воодушевлением.

164) 19 августа 1950 г.: Принятие новых жестких мер против коммунизма.

165) 20 августа 1950 г.: Фуат Копрюлю: Наша внешняя политика основана на всестороннем сотрудничестве с Америкой, на взаимопонимании, на прочных и доверительных отношениях с Англией и Францией, с которыми мы связаны обязательствами, исходящими из членства в военном альянсе.

166) 21 августа 1950 г.: Американская пресса настаивает на нашем участии в НАТО.

167) 21 августа 1950 г.: Помощь, оказываемая Америкой Турции – незначительна. Высказывание Макбрайда породило множество толков в политических кругах Анкары. Объем помощи Турции, выделяемой в рамках Плана Маршалла, – незначителен, по сравнению с гигантским объемом помощи, получаемым небольшими государствами.

168) 21 августа 1950 г.: Слово щит для защиты тела, Америка принимает основательные решения против угрозы коммунизма.

169) 22 августа 1950 г.: наших героев - воинов ожидают на корейском фронте. Славные турецкие воины, несомненно, сразу же по прибытии захватят инициативу на поле боя.

170) 22 августа 1950 г.: Иностранный капитал... Американские, немецкие, французские и голландские фирмы обратились с желанием вложить свой капитал в экономику нашей страны.

171) 22 августа 1950 г.: Новое политическое размежевание: тайное оружие 3-й мировой войны.

172) 23 августа 1950 г.: Самая сильная армия в Западной Европе – турецкая армия. Заявление, высказанное Селимом Сарпером: В случае принятия Турцией в НАТО сообщество приобретет двухмиллионную армию.

173) 23 августа 1950 г.: Абитуриенты, направляемые на обучение в Европу, будут подвергнуты основательной проверке, после которой будет возможна их отправка. В сегодняшних номерах некоторых стамбульских газет появилось сообщение о принятии правительством решения об отзыве 107 студентов, находящихся на обучении в Париже и известных своей приверженностью коммунизму. Отзыв студентов будет означать прекращение обучения. Расследование, проведенное нами в компетентных органах, не подтвердило данную информацию.

174) 24 августа 1950 г.: Тайна вокруг неизвестной подводной лодки наконец- то разгадана. (Лондон) (АА – АРР) – Главы морского флота западных государств единогласны в своем мнении о том, что эти подводные лодки принадлежат СССР.

175) 27 августа 1950 г.: Профсоюзные организации провели митинг в центре Стамбула районе Таксим, таким образом они осудили коммунизм. С этой же целью подобные митинги были проведены и в других городах: в Анкаре и Эскишехире.

176) 27 августа 1950 г.: Вчерашняя тема собрания Комиссии – борьба с коммунизмом.

177) 28 августа 1950 г.: Америка потратит еще 17 миллиардов долларов на вооружение. Из этих затрат 193 миллиона отведены для Турции, Греции и Ирана.

178) 28 августа 1950 г.: (Хикмет Ферудун Эс) Как проявляется План Маршалла на примере ЗАГС: о женихе, вносящем невесту на руках в зал для бракосочетания... Женимся, как в американских фильмах. Мы даже мусор то собираем в соответствии с Планом Маршалла. Если я не ошибаюсь, данный порядок принят в «новом мире», и молодожены делают это обычно прежде, чем переступить порог дома. Перенятый нами американизм превзойдет настоящий, если мы уже начинаем с порога двери в ЗАГС. Вскоре, может быть, на свадьбах вместо привычного щербета будут предлагать ко-

ка-колу, а вместо конфет – что-нибудь американское. Все у нас – одинаково. В любой сфере мы видим следы Плана Маршалла. То же самое мы будем наблюдать и обычной жизни.

179) 28 августа 1950 г.: Борьба с коммунизмом: предполагается, что обвиняемые будут отправлены к присяжным заседателям.

180) 29 августа 1950 г.: Американские коммунисты вновь отправятся в тюрьму. (Нью-Йорк) (AP) Кассационный суд Америки отверг прошение осужденных 11-ти лидеров американских коммунистов, они вновь были отправлены в тюрьму.

181) 31 августа 1950 г.: Заглавная статья: Америка и Турция: Сегодня мы, как и множество других государств нуждаемся помощи со стороны США во всех отраслях жизни, однако объемы этой помощи распределяются таким образом, что не предоставляют нам возможности воспользоваться ею в полной мере. Львиная доля этой помощи принадлежит странам Юго-Восточной Европы. И даже Греции перепадает. Нам кажется, что американцам никто не потрудились разъяснить кто – мы такие и на что способны. Знают ли американцы, что в недавнем прошлом Турция сама без всякой помощи героически себя проявила в войнах в Чалдыране, Косово, Багдаде, Крыме. Рассказали ли мы американцам о чудесах героизма в сражении за Чанаккале. Нам кажется, что у американцев о нас складывается представление как о народе, только что освободившимся от широких шалваров. Мы как и в Европе, так и в Америке не сумели рассказать, кто мы такие и естественно, что можно ожидать при распределении помощи по Плану Маршалла. Наш представитель, ответственный за реализацию Плана Маршалла, в первую очередь должен был рассказать о нашей бравой истории. Если уважаемый чиновник согласится с этим, то очень может быть, что американцы изменят свое мнение по отношению к нам. Если это не будет сделано, как это имело место при прежних правительствах, то и американцы будут относиться к нам не лучше, чем к эфиопам. И еще раз следует подчеркнуть. Прося помощи от американцев, мы должны объяснить им, кто – мы такие, что мы из себя представляем, наше богатое прошлое и особенное геополитическое положение.

182) 31 августа 1950 г.: Карикатура на той же странице: заголовок – «Какими нас знают» и комментарий: вот – турки, какими они представляются американцам. Издание Лука, выпускающееся 2-х миллионным тиражом в последнем номере от 18 июля напечатала этот рисунок, на который то мы и натолкнулись. Рисунок украшала надпись: «Европейский Союз не может быть создан.» Под статьей помещено имя автора статьи – Узбекортни, который многие годы работал в Европе в качестве журналиста для американских газет. На рисунке изображен турок, покурывающей кальян, в тра-

диционной шапочке с кисточкой, восклицаящий: «Что за странные люди.» Вот в каком образе представляется Турция, в глазах нашего лучшего друга – Америки... Уж не знаю, чья это вина, наша ли, а может нет? Стоит призадуматься...

183) 31 августа 1950 г.:

Германия и Италия видят необходимость в вооружении.

184) 31 августа 1950 г.:

Повсеместные митинги, осуждающие коммунизм.

185) 15 сентября 1950 г.:

Троица приняла решение о принятии Турции в Североатлантический альянс. В этой связи Турция будет сотрудничать с другими странами-членами НАТО в военной сфере.

186) 16 сентября 1950 г.: Заглавное предложение: «С нами обходятся как с пасынком, и все по причине нашего вероисповедания. По-прежнему существуют пережитки крестовых походов, разделения мира на христианский и мусульманский.» Седат Семави

187) 16 сентября 1950 г.: Заглавное предложение: Разорваны все связи. У нас есть славная история. Ни на что не способное правительство, люди, стоящие во главе страны... Мы никому не позволили поработить нас... У нас самая сильная армия в Европе. Мы – честные, среди нас нет коммунистов. После этого мы, как и другие должны также торговаться. И после этого мы – обладатели огромной армии, мы, являясь сплоченным народом, будем думать лишь о себе, и не важно, где бы в мире не случались бедствия, нас это не будет касаться. Седат Семави

188) 17 сентября 1950 г.: Карикатура на 1-й странице (без комментариев): на карикатуре изображен корабль под название Атлантика, на борту которого три человека, каждый из которых является представителем США, Англии и Франции. К кораблю веревкой привязан Фуат Копрюлю. А люди на корабле в свою очередь пытаются перерезать веревку ножом.

IMMIGRATION AND ATTITUDES IN GREAT BRITAIN

Dr. Andrew Farmer, London, United Kingdom

Introduction

This chapter explores immigration to Great Britain and attitudes to it. Britain is an immigrant nation, but the nature and scale of immigration has varied significantly over time. More recently immigration has involved many more people of different races and religions and this has affected how people view the integration of immigrants and, therefore, how they view the desirability of immigration. This chapter begins with a short historical overview, followed by an examination of the data on immigration today and attitudes to it. It then explores issues of national identity, language, cultural integration and policy. It ends with a few conclusions.

Historical overview of immigration

The populations of all countries are, historically, the legacy of the mixture of peoples who have arrived over time on the territory of that country. Some of these movements represent invasions or other movements of people associated with war. Others are movements of people into a settled society. For Britain, the violent, invasion-driven movement of people effectively ended nearly a thousand years ago with the

Norman conquest. Since that time other peoples have arrived into the established population of Britain.

Apart from a few Africans being brought through the slave route (most slaves went to the Americas), those arriving in the UK came of their volition (even if they did not leave their homes voluntarily). There were waves of immigrants fleeing persecution and war, including French Protestants (Huguenots) and Jews. Some were generally welcomed, at other times they caused problems. This was particularly the case if there was competition for jobs. Famously as far back as 1517 there were riots against immigrant on what became known as Evil May Day. A hundred years later a play called Sir Thomas More was written about it and it includes a speech written by Shakespeare commonly known as “The Strangers’ Case”, where Thomas More speaks to a crowd asking them to imagine themselves as fleeing England and looking for safety in another land – to see the case from the immigrants’ point of view. The complete speech is to be found in an annex to this chapter.

Large numbers of others arrived at various times from Germany, Italy, Scandinavia, etc. From the Empire and due to the trading sea power of Britain, smaller numbers of immigrants from other continents also arrived, forming established communities, such as of Indians or Chinese in London. Indeed, some locations demonstrate waves of immigration over time. Brick Lane in London was home to Huguenots in the 18th Century, Jews in the early 20th Century and Bangladeshi immigrants today. Interestingly, all had and have, in that location, a particular focus on the textile trade.

Given debate today about controlling immigration, it is important to note that there were no effective immigration

controls before 1905. The 1793 Alien Act did little and was, in any case, repealed in 1836. Anyone could come to the United Kingdom. In 1905 new legislation was passed requiring some control (mostly about identify checks – passports). Even this allowed for many to come. By the 1930s, however, controls were stricter, as found by Jews attempting to flee Germany.

In many ways the development of controls on immigration reflected the development of a welfare state. In the 19th Century and earlier, there was little welfare support. What there was (poor relief) or free education or medicine was given locally, such as by the Parish to its residents. Immigrants could have no claim on this. If there were jobs to fill, then fine, otherwise they were not generally viewed by politicians (although it could be different for the public) as a pressure on society in the way they can be today, when they can be portrayed as competing with British residents for welfare payments, social housing or health provision. Problems only generally arose when there was competition for jobs or immigrants would undercut wages.

Immigration today

The UK Office for National Statistics (ONS) collects and analyses immigration data. The latest summary is for 2023 (Sturge, 2024). This shows that 1.2 million people migrated into the UK and 532,000 people emigrated from it in 2023. Thus the net migration figure into the UK was 685,000. The UK population is 67 million, so this represents a net increase of around 1 per cent.

Of course, immigration has been continuing for many years. The ONS found (Sturge, 2024) that, in 2021, there were

6 million people living in the UK who did not have British citizenship (9 per cent of the population). This included 3.4 million from the EU (in 2019 around 994,000 UK nationals living in EU countries, excluding Ireland).

In recent years there has been significant net migration. Before 1994 immigration and emigration were roughly in balance, but since then immigration has increased significantly, exceeding emigration by more than 100,000 every year between 1998 and 2020 (when there was a reduction during the Covid-19 pandemic). The common reason for non-EU nationals coming to the UK is for study (in 2023 41 per cent of immigrants, or 423,000, were of this category). This includes both students and their dependents who might also work. The countries where immigrants were most commonly from in 2021 (ONS, 2023) were: India, Poland, Pakistan, Ireland, Germany, Romania, Nigeria, South Africa, Italy and China.

It is also important to stress that immigrants are not evenly distributed across Britain. In 2023 37 per cent of the residents of London were not born there (and many others are descendants of immigrants by only one or two generations). This compares to 14 per cent for the country as a whole. At a regional level the figures for proportions of the population born abroad are South East (13.4 per cent), the West Midlands (13.9 per cent), the East (12.9 per cent), the East Midlands (12.7 per cent) and North East (5.8 per cent). For the other nations of the UK, the figures are Wales (6.5 per cent), Northern Ireland (7.0 per cent), and Scotland (9.3 per cent). There is, therefore, much variation. This obviously affects any impacts of immigration locally and attitudes to it.

Attitudes to Immigration

A survey in April 2023 (Richards et al, 2023) asked about attitudes to immigration. When asked if immigration was a good thing, 32 per cent thought it was bad or very bad and 31 per cent good or very good. However, when asked if numbers of immigrants coming to the UK should be reduced, 52 per cent thought that they should, as opposed to 14 per cent who thought numbers should be increased. This shows that there is a different attitude to immigrants per se compared to thinking about numbers arriving.

Richards et al. (2023) also explored historical attitudes to immigration. One repeated survey showed that there was high opposition to immigration in in 1964, 1966 and 1979 with 85-86 per cent of people at each of those years saying that there were too many immigrants in Britain. These views would have reacted to significant immigration from the Caribbean in the 1950s and 60s and the arrival of South Asians from East Africa in the late 1970s. However, these trends may be complicated by changes to understanding what an immigrant is (Blinder, 2015).

A more recent survey trend (Richards et al, 2023) shows that attitudes had softened in recent years with the percentage agreeing that there are too many immigrants being 71 per cent in 2015, 66 per cent in 2017, 52 per cent in 2019 and 42 per cent in 2022. Richards et al. (2023) argue that the recent upturn in opposition to immigration to 52 per cent is due to the increase in political discourse about the issue (see below). However, it is interesting that this softening of attitudes compared to earlier decades has taken place after large immigra-

tion numbers from eastern Europe in the late 2000s and, as noted earlier, at a time when net immigration figures are at their highest since the war.

However, as Richards et al (2023) point out, these surveys asked directly about attitudes to immigration. Another important way of looking at public attitudes is through surveys that ask what issues are important and examine where immigration sits within these. Richards et al (2023) examined such surveys. In the earliest, in 1994, only 5 per cent of those surveyed listed immigration as an issue of concern. However, this rose after the waves of EU immigration and peaked at 56 per cent in 2015 prior to the 2016 referendum on remaining in the EU. After the referendum the issue reduced in importance (to 20 per cent). In 2020-21 people were pre-occupied with Covid-19, but in 2023 immigration was mentioned by 23 per cent of those surveyed.

It is also useful to compare UK attitudes to other countries in Europe (Heath and Richards 2018). The EU's European Social Survey examined attitudes to immigration in 12 countries in 2021. When asked if immigration should be significantly restricted, 19 per cent of those in the UK agreed (with Iceland and Norway showing lower numbers), while anti-immigrant attitudes were higher in other countries (84 per cent in Hungary and 72 per cent in Czechia). A similar result was found when people were asked if they thought immigration made the country a worse place to live.

Therefore, while there are variable anti-immigrant views in the UK, the importance of these views compared to other issues varies significantly over time and such views are more prominent in several other European countries. Fur-

thermore, surveys have found that younger people tend to be more positive towards immigration, as are those who are more educated. On the latter point, there is clearly a tension for those in poorer areas where immigrants may compete (or be perceived as competing) for housing and employment, which affects the attitudes of those populations.

A further issue explored in surveys is attitudes to immigrants of different origins (Ford, 2011). This shows a clear racial bias. In a 2017 survey (Richards et al. 2017) only 10 per cent stated that no Australians should be allowed to come and live Britain compared to 37 per cent for Nigerians. Immigrants from France were viewed like Australians, but those from Pakistan like those from Nigeria – a preference for immigrants from white, Christian countries (attitudes to Islamic immigrants of any race have worsened over the years with terrorist attacks including in the UK).

Linked to this is the visibility of immigrants and their perceived impact on British residents. People of different races are clearly visible on the streets – their difference is obvious, as is the display of non-British clothes or religious attire. For those offended by “otherness”, this stands out. Large numbers of immigrants can change the image of towns and cities, such as with shops selling products aimed at the immigrant population (a Polish shop or African food shop). At the same time large numbers may live in Britain, but be barely noticed. London has 300-400,000 French citizens (making it the 5th largest “French” city in Europe, including France!), but most people barely notice them. Another factor affecting the “visibility” of immigrants is where they impact on British residents, usually competing for resources. Social hous-

ing provision has declined and competition is tough, so any “foreigners” being given housing may be viewed negatively by those on waiting lists. Many also look at competition for health provision, but the UK National Health Service is dependent upon immigrant doctors, nurses, and cleaners to operate.

Surveys tend to show that opposition to immigration is less for immigrants with skills (Ford and Mellon, 2020; Igarashi, et al., 2022). In particular, the government supports immigration for those with skills such as nurses. When it comes to asylum seekers and refugees, in April 2023 37 per cent of those surveyed stated that their arrival should be made more difficult. Note that when asked specifically about Ukrainians fleeing the war there, only 14 per cent thought their migration should be made more difficult – perhaps another example of differentiating between white, Christian immigrants and others.

National Identity

In Britain national identity is different than many countries. This is because the UK consists of four “nations” – England, Scotland, Wales and Northern Ireland. To varying degrees people may adopt a national identity associated with one of these nations, particularly in Scotland and Wales. An exception is Northern Ireland where many identify as Irish or British rather than Northern Irish per se. For some in England they adopt an English identity, but many see themselves simply as British. In many ways identity is more complicated today compared to the 19th Century when Britain’s

colonial enterprise was a joint effort of England, Ireland, Scotland and Wales and provided a joint identity (at least for England, Scotland and Wales).

Britain has no official national identity of its citizens other than formal UK citizenship. Passports do not include any national or ethnic origin. The American concepts of being “African American” or “Irish American”, which perpetuate national and ethnic origins and separate people in terms of identity, do exist in the UK. Indeed, being born in the UK is generally viewed as sufficient for one to be British (and Scottish or English, etc.). However, for non-white immigrants in particular, those who oppose immigration may deny that identity, particularly arguing that someone of another race is not “really English”. However, this argument is hard to sustain given the large number of high profile and well-regarded individuals across many fields who are descendants of immigrants and who are not white.

A key question is how do immigrants themselves identify? Studies have found, not surprisingly, that immigrants are less likely to identify as British than native born white people, but many do. Indeed, while many question the loyalty of Muslim people (due to terrorism), those Muslims of Pakistani and Bangladeshi origin are found to be more likely to consider themselves as British than many other ethnic groups (Georgiadis and Manning, 2013).

With mention of the constituent nations of the UK, it is worth commenting on the topic of nationalism. There has long been nationalism within the constituent parts of the UK. Obviously, Irish nationalism has existed for a long time. At a low level this has also been the case in Scotland and Wales.

This chapter does not consider the merits of devolution or independence of the nations of the UK. However, there is a gradation of attitudes between simply wanting to run one's own affairs to being anti-English and then being anti everyone who is not from that nation. Immigrants have reported attacks from nationalists in Ireland and Scotland, for example, and the overlap of different political ideological strands needs to be acknowledged.

Language

English is the de facto official language of the UK. There is no law or constitution which states this, it is simply what is. There are two further official languages in law within the UK. These are Welsh in Wales (spoken by over half a million people) and Irish in Northern Ireland (spoken by about 125,000 people). Scots Gaelic is important in the west of Scotland and is a native language spoken by around 65,000 people, but while there is much provision for it, it does not have the same status as English in Scotland. Other native languages such as Scots or Cornish have no official status.

The 2021 census found that English or Welsh was the main language of 91.1% of the residents of England and Wales. Most immigrants bring their own languages. In the 2021 census the next five most common languages were Polish (1.1 per cent of the population), Romanian (0.8 per cent), Punjabi (0.5 per cent), Urdu (0.5 per cent) and Portuguese (0.4 per cent).

However, as noted earlier, immigrants are not evenly distributed and neither are their languages. In London, for

example, 300 different languages are regularly spoken and there are 33 communities of more than 10,000 people who were born outside of England and a further 12 communities of more than 5,000, most of whom have their own languages.

The main challenge for Britain is the integration of those without English into society. For this reason, long-term residence visas and citizenship require English language skills. However, still there are some with poor English and this can be a challenge. Information in print and online is often provided (especially locally) in major languages for health and education services. This is not only important for the immigrants to access those services for their own benefit, but also for wider society, as was seen in communication during the Covid 19 pandemic.

Cultural integration

Cultural integration covers a range of issues. Indeed, while it is possible to examine how aligned the culture and behaviour of immigrants is to the native British population, it is a different point to question what level of integration is desirable or even necessary. Indeed, some aspects of cultural identity are already changing for native British people. In the second half of the 20th Century most of the population would listen to the same popular music and watch the same television. This is not the case anymore with the ability to access media online or through streaming. Shared cultural norms and references are declining. If immigrants eat different foods, sing different songs and wear different clothes they are not integrating on these aspects, but does it matter?

In this respect Britain is different to France where there is a general expectation to be French and there is effort to define and protect this identity. There is nothing similar in Britain.

However, there are values which may be viewed as a shared cultural character. These includes equal rights for women, different races, sexualities, etc. They also include rights to free speech. Immigrants can have problems with some of these. This is especially the case for those from conservative religious backgrounds who may not accept some women's or gay rights and may not only be offended by those who make fun of religious figures but view "blasphemy" as something that should not be allowed.

Georgiadis. and Manning. (2013) have presented data showing a range of cultural differences affecting behaviour in foreign born immigrant communities. For marriage South Asian women are very much more likely to be married than white native women (but this difference falls for the UK born, even becoming negative for Indians). Black Caribbean women are less likely to be married than white women, even more so for the UK born. For divorce, South Asians are significantly less likely to be divorced than native British, Chinese are as likely to be divorced, but Black Caribbeans and Africans are significantly more likely to be divorced.

For fertility rates, all ethnic minority groups, except Chinese, have higher fertility rates than white native women. However, for all ethnic groups, fertility rates are lower among UK born compared to foreign born. On marrying outside of one's ethnic group, this is lowest for white people as they are the overwhelming majority. For other ethnic groups this varies significantly. It is lowest for South Asians, but extremely

high among Black groups and Chinese. For all groups, those who are UK born are more likely to marry someone of another race.

Educational attainment is complex, involving both race and gender. For men, white males leave education earlier than others. The best educated are Black Africans, Chinese, and Indians. However, for women, those from Pakistan and Bangladesh have lower levels of education than white native women. For employment, foreign born women of all ethnic groups are less likely to be employed than white native women (especially those from Pakistan and Bangladesh), but this gap is reduced for those born in the UK.

It is clear, therefore, that immigrants have different behaviours to the native population, but that their children and grandchildren tend to reduce those differences. As Georgiadis and Manning (2013) wrote, "It is an important question whether, in future years, this process of convergence will continue until behaviours are the same or whether permanent differences will remain."

However, in discussing integration it tends to be assumed that immigrants will integrate into the native culture. Less is discussed about cultural enrichment of the native culture due to immigration. This is seen clearly in Britain in music, food, film, theatre and more. Often this simply adds additional layers to the culture, enriching it for everyone. However, it can also have wider impacts, such as was seen in the 1970s with the ska revival (Jamaican music) including many white musicians with strong positive political and social messages that resonated widely.

Policy

Immigration policy in Britain has long been a politically controversial topic, although as noted earlier, it is often not one of high priority with the public. The issue gained in policy importance with the 2016 EU referendum, where those arguing to leave the EU would mean the UK would “take back control” of its borders. In one respect this was true – the right of citizens of other EU countries to come to the UK would be stopped. However, it also meant the end of the Dublin Agreement whereby those seeking asylum in the EU could be returned to the EU country they came from. As a result, of these two issues, two things have happened – the need to recruit people from countries outside Europe to fill jobs that EU citizens would have taken and a huge increase in small boat crossings of asylum seekers from France as arrivals can no longer be returned.

To many the “take back control” mantra now seems hollow, although these outcomes were pointed out beforehand. The Conservative government elected in 2019 used immigration as a political issue (although the previous government already had a policy of making a “hostile environment” to illegal immigration), resulting in a deliberate lack of processing of asylum claims and leading to a lack of workers in some sectors. In May 2023, Prime Minister Sunak¹ said: “I’m relentlessly focused on stopping the boats. That’s one of my five priorities, and we’re doing absolutely everything we can to do that.” Given that boat crossings from France remained

¹ It is interesting to note that in 2023 the three leaders of the UK, Scottish and Welsh governments were all non-white descendants of recent immigrants.

at high levels, the public either thought the government had failed (so supported more right wing parties) or did not accept the argument from the government. This was a factor in their huge defeat in the July 2024 election.

The new Labour government has policies to address the asylum claim backlogs, address skills needs through immigration and work with France to tackle small boat crossings. The Home Secretary stated that “the Migration Advisory Committee will work with Skills England, the Industrial Strategy Council, and the Labour Market Advisory Board as part of a new framework to support a coherent approach to skills, migration and labour market policy.” While this is a positive move to consider immigration in a rational manner (rather than as a political tool), August 2024 saw a number of violent riots against immigrants organised by the far-right (and external actors), often influenced by conspiracy theories such as the Great Replacement conspiracy (Sibley, 2023). This has raised the issue again, though the government has resisted any change to policies and it must be noted that far larger numbers of the public turned out to counter-protest and protect immigrants than took part in the riots.

Conclusions

Immigration has become a political hot topic in the UK. The last 20 years have seen radical changes to the nature of immigration with large numbers of EU arrivals, the exit from the EU, large numbers arriving by boat and challenges in the job market. This has affected attitudes to immigration, which has also been affected by issues such as terrorist actions in the UK.

Generally, Britain has been open both to immigrants and to the cultural elements that they bring. Some groups oppose this and there is much disinformation affecting discourse on the issue, often inflamed by politicians who repeat what they know is untrue.

Immigration, even at its most positive, requires management. Immigrants can be important to fill job vacancies in important services. They need housing and other services. If these are under strain, then an additional burden is a problem. It is to be hoped that policies and practice concerning different aspects of immigration will begin to improve and British culture will continue to be enriched.

References

Blinder, S. (2015). Imagined immigration: The impact of different meanings of 'immigrants' in public opinion and policy debates in Britain. *Political Studies*, 63(1), 80-100.

Cooper, Y. (2024). Legal Migration. Written Statement to Parliament made on 30 July 2024. <https://questions-statements.parliament.uk/written-statements/detail/2024-07-30/hcws51>

Ford, R. (2011). Acceptable and unacceptable immigrants: How opposition to immigration in Britain is affected by migrants' region of origin. *Journal of Ethnic and Migration studies*, 37(7), 1017-1037.

Ford, R., and Mellon, J. (2020). The skills premium and the ethnic premium: a cross-national experiment on European attitudes to immigrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(3), 512-532.

Gentleman, A. (2024). How the Tory war on immigration backfired. *The Guardian*. 1 July 2024. <https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2024/jul/01/how-the-tory-war-on-immigration-backfired>

Georgiadis, A. and Manning, A. (2013). Cultural Integration in the United Kingdom, in Yann Algan, and others (eds),

Cultural Integration of Immigrants in Europe (Oxford, 2012; online edn, Oxford Academic), <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199660094.003.0008>, accessed 8 Aug. 2024.

Heath A and Richards L. (2018). Contested boundaries: consensus and dissensus in European attitudes to immigration, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46:3, 489-511.

Igarashi, A., Miwa, H., & Ono, Y. (2022). Why do citizens prefer high-skilled immigrants to low-skilled immigrants? Identifying causal mechanisms of immigration preferences with a survey experiment. *Research & Politics*, 9(2).

ONS (2023). Analysis of social characteristics of international migrants living in England and Wales: Census 2021. Office for National Statistics. <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/analysisofsocialcharacteristicsofinternationalmigrantslivinginenglandandwales/census2021>

Richards, L., Fernández-Reino, M. and Blinder, S. (2023). Briefing: UK Public Opinion toward Immigration: Overall Attitudes and Level of Concern. UK Migration Observatory. University of Oxford. <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2020/01/MigObs-Briefing-UK-Public-Opinion-toward-Immigration-Overall-Attitudes-and-Level-of-Concern.pdf>

Sibley, A. (2023). The changing face of the British far right. LSE. <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/the-changing-face-of-the-british-far-right/>

Sturge. G. (2024). Research Briefing: Migration Statistics. House of Commons Library May 2024. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06077/SN06077.pdf>

Annex: The Strangers' Case

This is the complete speech written by Shakespeare in the play *Thomas More*. Although written in 1604-5 about events in 1517, the argument to view “strangers” from their perspective is as relevant today as then and as relevant to all countries as it was to England at the time.

Thomas More addresses the crowd:

“You’ll put down strangers,
Kill them, cut their throats, possess their houses,
And lead the majesty of law in lym [leash]
To slip him like a hound; alas, alas, say now the King,
As he is clement if th’offender mourn,
Should so much come too short of your great trespass
As but to banish you: whither would you go?
What country, by the nature of your error,
Should give you harbour? Go you to France or Flanders,
To any German province, Spain or Portugal,
Nay, anywhere that not adheres to England,
Why, you must needs be strangers, would you be pleas’d
To find a nation of such barbarous temper
That breaking out in hideous violence.”
Would not afford you an abode on earth.
Whet their detested knives against your throats,
Spurn you like dogs, and like as if that God
Owed not nor made not you, not that the elements
Were not all appropriate to your comforts,
But charter’d unto them? What would you think
To be us’d thus? This is the strangers’ case
And this your mountainish inhumanity.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВООБРАЖАЕМЫХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ С РЕАЛЬНЫМИ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ: В МНЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА КАЗАХСТАНА¹

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич

Социологические исследования по межэтнической мониторинговой тематике проводятся научной группой сотрудников отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения непрерывно с 2012 года на протяжении 12 лет. Результаты наших исследований регулярно демонстрируют, что повседневная жизнь значительной части населения Юга страны, по-прежнему, определяется этническими границами и данная модель мировосприятия и деятельностных стратегий имеет тенденцию к росту и более выраженному этнокультурному и языковому размежеванию.

Несмотря на государственную официальную этнополитику и риторику, провозглашающую своей целью построение единой гражданской идентичности, межэтническое взаимодействие граждан чаще всего структурируется межкультурными дистанциями, а этноцентристская поведенческая модель оказывается во многом определяющей при выборе жизненных стратегий как титульного большинства – казахов, так и этнических меньшинств.

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

Несмотря на многолетнюю практику государственной этнополитики направленную на укрепление единства и согласия в обществе, идеология и практика этноцентризма и примордиализма, изоляционистские стратегии в целях сохранения этнокультурной идентичности, существующие в недрах народного сознания, независимо от ее связи и принадлежности к титульной нации или к этническим меньшинствам, остается серьезным вызовом и препятствием развитию единой гражданской самоидентификации. Не зря же так озабочено общественным единством как прежнее, так и нынешнее руководство страны, о чем свидетельствуют все Послания народу Казахстана и выступления на недавних Сессиях Ассамблеи народа Казахстана Президента РК К.-Ж.К. Токаева.

Все доступные массовые социологические опросы последних двадцати пяти лет демонстрируют оптимистичную картину единства и межэтнического согласия в стране. В то время как конфликты в Казахстане между казахами и различными этническими группами, такими как уйгуры, чеченцы, дунгане, курды, таджики, турки-месхетинцы, к сожалению, продолжают оставаться достаточно систематическими и регулярными, в тот же двадцатипятилетний период. Объективный процесс этнокультурного возрождения, ставший возможным благодаря независимости, стал достаточно регулярно приводить к деструктивной этнической мобилизации, как правило, сельской молодежи, приводящей к межэтническим конфликтам и нередко к насилию.

За последние несколько лет информационными поводами, деструктивно повлиявшими на этносоциальные

процессы, стали, во-первых, военный конфликт между Украиной и Россией, а также, постоянные высказывания и претензии российских государственных и общественных деятелей в отношении независимости и территориальной целостности Казахстана и «северных территорий» страны, которые, по их мнению, исторически принадлежат России. Во-вторых, очень чувствительной темой оказались самодеятельные и спонтанные действия, так называемых «языковых патрулей». Этим термином обозначаются, как правило, гражданские активисты, озабоченные состоянием государственного языка и его недостаточным, по их мнению, функционированием в официальной и повседневной жизни. Стоит отметить, что деятельность таких активных граждан, самодеятельно «экзаменующих и воспитывающих» других граждан, не владеющих государственным языком и, выкладывающих свои мнения и снятые ими материалы в социальные сети, никак не поддерживается государством, более того, однозначно осуждаются им [1].

Тем не менее, «языковая тема» в целом, по-прежнему вызывает активное общественное обсуждение, регулярно подогреваемое извне различными информационными вбросами, касающимися казахстанской языковой политики. Обсуждение вопросов владения и использования казахского языка в повседневной официальной и информационной практиках жизнедеятельности государства как в реалиях повседневной жизни, так и в социальных сетях, подтверждается многочисленными свидетельствами опрошенных нами респондентов из большинства регионов страны:

г. Туркестан, административный центр Туркестанской области:

Айгуль, 30 лет, каракалпачка, предприниматель:
Не только в социальных сетях, в реальной жизни тоже часто замечаю, если на русском разговариваешь, часто говорят: «Ты в Казахстане живешь!».

Ербол, 34 года, казах, жена узбечка, предприниматель:
Сейчас к русским много придираются. Мол, почему на казахском не разговаривают.

Максат, 32 года, кыргыз, жена казашка, таксист:
Это их обязанность понимать казахский язык. Так как живут в Казахстане, обязательно должны понимать. Человек, который разговаривает на казахском, понимает русский, а тот, который разговаривает на русском, не понимает казахского.

На юге Казахстана практически нет проблем с казахским языком как основным языком межнационального общения. Касается это в первую очередь тех населенных пунктов, в которых подавляющее количество населения составляют казахи. Особенно преуспели в овладении государственным языком тюркские народы – уйгуры, узбеки, кыргызы, азербайджанцы, турки. Но, как ни странно, несмотря на хорошее знание бытового казахского языка большинством неказахов, многие респонденты из других регионов считают языковую проблему наиболее актуальной именно для Юга страны, хотя районов на севере и востоке Казахстана практически полностью русскоязычных несравнимо больше, чем на Юге, где таких русскоязычных ареалов фактически не существует.

Аул Ащысай, Енбекшиказахский район Алматинской области:

Аяудым, 35 лет, казашка, учитель: Да, без проблем живем. В принципе все общаются на казахском, и стараются своих детей только на казахском везде отдавать. Другие этносы хуже знают русский язык. Им более выгодно учиться на казахском. Это же их родина и уезжать им некуда, тем кто тюркские народы.

Серик, 24 года, казах, электрик: Они знают больше казахский язык, чем свой собственный.

Шымкент, город республиканского значения:

Интервьюер: Если говорить про национализм, то какие именно это темы, о которых чаще всего говорят, можете привести какие-то примеры?

Умида, 36 лет, узбечка, преподаватель английского: Например, о том, чтобы не говорили на каких-то других языках. Например, говоришь на русском языке и сразу делают замечания, что нужно говорить на казахском. Такое конечно есть.

Интервьюер: Все с этим согласны, часто такое встречаются?

Абдулгани, 27 лет, уйгур, врач-реаниматолог: Да, такое встречается очень часто.

Умида: Особенно в автобусах, я вижу это очень часто.

Валерия, 28 лет, узбечка, акушерка: Мне кажется, среди молодежи, такого очень мало. Среди молодежи, вообще мало таких людей, кто на это заморачивается, если честно.

Анжела, 48 лет, корейка, музыкант: *Например, у меня сын играет во дворе. Я, наоборот, ему говорю, чтобы он именно играл с детьми, которые говорят на казахском, чтобы он тоже как-то с ними говорил на казахском. Но они с ним играть не хотят, потому что он не знает казахского языка.*

Умида: *Я вообще, очень часто все это вижу и слышу в общественном транспорте, и это именно не молодежь, а именно пожилые люди об этом больше говорят.*

Поселок Кабанбай батыра Акмолинской области:

Интервьюер: *А в социальных сетях, как часто вы сталкиваетесь с агрессией, с враждебностью или провокацией на межэтнической почве?*

Динара, 41 год, казашка, самозанятая: *Бывает. Например, бывает такое, что там, кто-то свое мнение высказал, и каждый же высказывает свое, мы сейчас в Казахстане на русском языке, нам удобно на этом, да? Мы выбрали. А бывает такая ситуация, что там, ты свое мнение высказал, а тебе кто-то там говорит, а что ты высказала свое мнение не на казахском языке? Или «пиши на казахском!».*

Зина, 30 лет, отец татарин, мать казашка, в декретном отпуске: *Очень часто встречается.*

Динара: *То есть, кто-то там со своей колокольни будет указывать, на каком языке мне выражаться? Я же, например, прихожу, документы заполняю, где-то на казахском языке, где-то, если что-то, пользуюсь переводчиком или что-то. Мы выкручиваемся каждый, сам по себе. А когда кто-то начинает там тебе «тыкать»...*

Жасулан, 42 года, казах, безработный: «Учите!».

Динара: Да, «учите!» и так далее.

Мафруза, 55 лет, казашка, медицинская сестра:

Это не только в социальных сетях, а просто в обыденной жизни, допустим встречается. Берешь, допустим анализы, на русском что-то говоришь, а тебе говорят: «Казакша айт, балам!». Балам!? Да она меня младше! И стоишь, думаешь... И потом хорошо ответишь и успокаиваешься.

Зина: У меня была неприятная ситуация. Я работала продавцом в Торговом центре и на русском сказала, и мне бабушка начала говорить: «Почему ты на русском говоришь, ты же казашка! Ты должна на казахском только разговаривать!» Конечно, я промолчала, отпустила ситуацию.

Жасулан: Эта бабушка мстит просто. В советское время заставляли на русском говорить, теперь она мстит.

Зина: Знаете, неприятный осадок остался.

Галина, 55 лет, русская, повар, муж литовец: Вот, например, знаешь по-казахски, так мне все равно! Мне не обидно почему-то на замечания. Знаете, когда знаешь, это не обидно.

Жасулан: У нас, знаете, еще с казахским проблема. Когда человек, вроде бы пытается на казахском говорить, не особо так хорошо, его начинают – вот то не так сказал, это не так...

Галина: Его начинают, да...

Жасулан: Вместо того, чтобы поддержать... А они, наоборот, его начинают...

Динара: Ты говоришь не на казахском, на японском, как будто бы.

Жасулан: И потом у него желание пропадает учить.

Динара: И над таким акцентом все смеются, например. С этим, бывает, сталкиваешься.

По комментариям данным участниками фокус-групповых исследований очевидно, что общество разделено на два лагеря – сторонников и противников форсированного внедрения казахского государственного языка в официальную политику, систему образования и повседневные языковые практики. Стоит отметить, что языковая тема в Казахстане привлекает пристальное внимание не только казахстанцев, но и российских общественных и государственных деятелей, политологов и журналистов [2].

Очевидно, что резкая ответная реакция казахского общества на внешние комментарии и выступления российских медиа-персон вносит ненужное напряжение не только в межгосударственные отношения, но и в межэтнические и межкультурные отношения внутри Казахстана, углубляя языковые, этнокультурные и политические границы между гражданами страны, еще более провоцируя и закрепляя бесконечную череду мелких языковых конфликтов, ссор, недопонимания и отчуждения, и как следствие – почти не спадающего, а где-то и растущего межгруппового напряжения [3].

На более густонаселенном Юге страны, где не хватает земли и водных ресурсов социокультурные и языковые проблемы проявляются наиболее контрастно и часто, поскольку помимо социальных проблем, которые в не меньшей степени выражены на Севере и Востоке страны, к развитию социальных процессов подключаются более

ярко выраженные этносоциальные и этнокультурные межгрупповые различия – т.н. этнические границы между «мы» и «они», «коренными и некоренными», «местными и приезжими».

Население Севера и Востока, где казахское традиционное влияние ощущается много меньше, является более гомогенным и толерантным в контексте языковых и культурных предпочтений, являясь более лояльным к привычной русско-советской парадигме представлений о культурно-языковом устройстве общества. Язык межэтнического общения, как правило – русский и соответственно, представления о социальной справедливости и идеалах общественного устройства более однородны и связаны с устойчивыми советскими идеологемами – равенства, братства, коллективизма, интернационализма, общего признания неоспоримого главенства русского языка и русской культуры, несмотря на этническую принадлежность.

Северный Казахстан, поселок Кабанбай батыра, Акмолинская область:

Ергазы, 47 лет, казах, самозанятый: *Да, мы дружные были при Союзе. Сколько у нас национальностей.*

Мафруза, 55 лет, казашка, медицинская сестра: *По-русски мы все разговаривали.*

Галина, 55 лет, русская, муж – литовец, повар: *Я говорю, мы свою нацию не знали до какого класса.*

Жасудан, 42 года, казах, безработный: *В Советском Союзе было, люди себя отдельной нацией не считали, а они*

считали себя советскими людьми. Тогда была идеология такая, что мы живем в общей квартире все.

Мнение респондентов из Восточного Казахстана о региональном делении совпадает с мнением североказахстанцев:

Восточный Казахстан, поселок Бескарагай Абайской области:

Айжан, 36 лет, казашка, бабушка и дедушка – татары и башкиры: *Объединяются именно на Востоке. А вот на Юге, где-то в Таразе, в Шымкенте, там нет, там все разделяются. Там русские с казахами как-то не смешиваются. Русские со своей компашкой ходят только в свои кафешки.*

Ирина, 33 года, отец немец, мать даргинка, работница Дома дружбы: *Да, да. Согласны!*

Жибек, 37 лет, казашка, учительница истории: *Языковое деление – это не наш регион. На Юге это очень актуально.*

Алия, 40 лет, татарка, безработная: *В Казахстане регионы делят – ты с Юга, ты с этого... Один Казахстан и разные...*

Проявляются культурно-языковые различия в том, что в южных регионах традиционно проживает намного больше коренного населения – казахов, сохранивших казахские обычаи и языковую среду, традиционный скотоводческий уклад жизни и соответственно, более архаичные представления о социально-политическом устрой-

стве и функционировании местных сообществ и социума в целом. Отсюда деление между казахоязычным югом и русскоязычным севером начинает обретать не только языковой характер, как это видится на поверхности, но и более глубокий ценностный характер. На ценностной основе межкультурные границы Юга между этническими и субэтническими группами выделяются более контрастно и отчетливо, чем на Севере и Востоке страны, где влияние «русского мира» является преобладающим:

Поселок Кабанбай батыра Акмолинской области:

Жасулан, 42 года, казах, безработный: *У нас еще медиапространство занято российскими каналами много. Тот же интернет, то же телевидение. И их, вот это, что они хотят нам внушить, много населения... Есть некоторые люди, которые всю жизнь жили здесь и они ментально живут там, в России. Они за СВО, за Путина.*

Галина, 55 лет, русская, муж – литовец, повар: *Живут здесь, а как бы душой они там.*

Как видно жители Севера страны отмечают значительное влияние российских СМИ на мнения населения региона. Это информационное воздействие также оказывает значительное влияние на сохранение идеологии «русского мира», а вместе с ним и признания неоспоримого главенства русского языка и русской культуры на постсоветском пространстве.

Соответственно, на Юге процесс разделения некогда единого советского народа на этнические и субэтни-

ческие общественные группы идет более быстро и выражено, благодаря межкультурным и межязыковым барьерам, сохранившимся еще с советского периода, и менее выраженному сегодня идеологическому и языковому влиянию «русского мира». Благодаря более ярко выраженному языковому барьеру, на Юге страны население предпочитает телевизионные передачи и информационный контент на казахском языке. А ведь именно язык является одним из ключевых маркеров выстраивания этнических границ, наряду с фенотипом и особенностями этнической традиционной культуры [4]. Как известно, именно этническому языку в современной казахской культуре придается особая символическая и идентификационная значимость [5].

В наших социологических исследованиях 2023 года проводились фокус-группы в южных областях Казахстана – тех областях, в которых произошло подавляющее большинство межэтнических конфликтов последних 20 лет. Особенно интересным в контексте темы нашего исследования стало посещение Жамбылской области – региона, в котором произошли трагические кордайские события 2020 года с участием казахов и дунган. На вопрос о состоянии межэтнических отношений в регионе в контексте влияния на них российско-украинского конфликта были получены ответы, отличающиеся от общепринятых успокаивающих комментариев чиновников и проправительственных СМИ. Опрошенные респонденты крайне обеспокоены скоростью и глубиной роста «разделяющих» тенденций, ведущих к размежеванию местных сообществ по этническим признакам, в первую очередь – языковому:

Село Сарыкемер Байзакского района Жамбылской области:

Украинка, 57 лет, учитель русскоязычных начальных классов: *Реально сейчас делятся по национальному признаку. Особенно когда началась война завоевательская... (российско-украинский конфликт – прим.) Представьте себе, 40 лет дружим после школы, а они сейчас уходят из группы (чат одноклассников в WhatsApp – прим.) по национальному признаку. Мы все переругались. Хотя такого за 40 лет после школы не было. Сейчас все протестуют друг против друга...*

Русская, 49 лет, учитель русского языка в казахских классах: *У нас в школе мало русских классов. Максимум два открывается, и казахские классы говорят: «Нельзя дружить с русскими!». А в русских классах у нас многонациональные классы, там не только русские. Там узбеки, турки и другие. И вот казахские дети из 2-3 классов уже настолько против относятся к русским классам. Говорят: «Нельзя с ними дружить!», «Нельзя с ними играть!». Раньше такого деления не было и конечно понятно, что все из семьи идет.*

Жамбылские респонденты-учителя считают перспективы подобного тихого противостояния крайне пессимистичными. По их мнению, если со стороны местных властей не предпринимать активных действий совместных с гражданскими активистами, для того чтобы переломить неблагоприятную тенденцию межэтнического деления, то все может закончиться уже реальным противостоянием. А перспективы уникальной модели благополучного совместного проживания огромного количества разных

этнических групп на казахской земле могут обрести крайне проблематичный характер. В случае реализации пессимистичного сценария возможен уже открытый конфликт, который может гипотетически произойти по линии скрытого противостояния казахоязычных и русскоязычных граждан региона. Зачастую, местные казахи используют ресурс принадлежности к титульному большинству как дополнительный ресурс, который используется в спорах и конфликтах в тот момент, когда заканчиваются обычные аргументы, дающие преимущество.

Муслима, 21 год, казашка, студентка Шымкентского университета:

Недавно я сильно поругалась с соседкой по общежитию, турчанкой по национальности. Не помню даже из-за чего. Когда у меня уже кончились все аргументы и обидные слова, я сказала ей: «Ты вообще не забывай, где ты находишься и на чьей земле живешь! Катись в свою Турцию, а здесь казахская земля!» Потом, когда я остыла, то подумала, что неправда. Тем более, что она родилась здесь, свободно говорит на казахском и мы все равны. Подошла к ней и извинилась, но было заметно, что она как-то с большой неохотой приняла мои извинения. Наверное, осадок в душе остался.

Такое очень часто случается, когда наши казахи хотя бы побольнее задеть или победить в споре, тогда вспоминают и говорят про это, типа: «Шаныраққа қара!», «Не забывай, кто здесь хозяева земли!», «Езжай к себе домой, там будешь командовать!» и т.д. Понятно, что это неправильно!

А еще другие казахи, которые не шымкентские, в споре или споре по отношению к нам очень часто используют вы-

ражение: «Прекращай свой шымкентский вариант!» Знаете, что такое шымкентский вариант? (студенты – участники фокус-группы улыбаются, переглядываются и кивают головами – прим. авт.)

К сожалению, проблема межэтнического и межязыкового разделения возникает не только в более мононациональном Юге Казахстана, но и в более полиэтничном Востоке страны. Респонденты из **поселка Бескарагай Абайской области** очень сожалеют, что процессы разделения казахоязычных и русскоязычных учеников и учителей заходят слишком далеко, влияя на общий социальный климат в регионе:

Алия, 40 лет, татарка, безработная: *Сделали сначала смешанную школу, потом поделили на русскую и казахскую. И тут же несостыковка с учителями пошла. А учителя всю жизнь между собой хорошо дружили, в одной школе. Все! Разделились!*

Ольга, 38 лет, русская, домохозяйка, мама 3-х детей: *И дети между собой делятся.*

Евгения, мать – немка, отец – русский, домохозяйка, мама 7-х детей: *А теперь они делятся все, да.*

Алия: *А ты с какой школы? А ты с какой школы? Мамочки! Так страшно это слушать, вообще!*

Альфира, казашка, многодетная домохозяйка, мама 4-х мальчиков: *Те, русские, вот так сказали. Эти, казахи, вот так сказали. Честно сказать, это отсюда (показывает смартфон) начинается.*

Постоянное подчеркивание этническими и субэтническими группами в повседневной практике дихотомии «мы – они», «мы – это не они» позволяет индивидам, которые причисляют себя к тем или иным группам ощущать свою идентификацию, свое единство с группой. Данное подчеркивание собственных этнических границ, которые «нельзя нарушать» особенно ярко проявляется в осуждении межэтнических браков. Респонденты всех национальностей и регионов отмечают частоту данного факта, проявляющегося в открытых замечаниях межэтническим парам со стороны отдельных казахских граждан. Своими откровенными замечаниями «озабоченные» граждане пытаются накладывать символическое табу на тесные межэтнические контакты, которые, по их мнению, могут закончиться браком и воспроизводством смешанного потомства, влияющего на чистоту этнической крови. Своими действиями они сильно напоминают т.н. языковые патрули борющиеся за «чистоту и повсеместное применение языка».

Общеизвестно отношение большинства традиционных казахов к т.н. «чистоте крови»: их озабоченность смешением тех или иных этносов с казахами, передачей генетической наследственности, воспроизводством здорового потомства, которое в дальнейшем сохраняло бы историческую память народа, идентифицировало себя с ним и служило той земле (почве), которая его родила и вырастила [6].

Неказахская идентификация, соответственно, приводит к тому, что потомство от смешанных браков является с точки зрения традиции – «потерянным» для казахского

этнoса как в плане этнической численности, так и в плане соблюдения и сохранения этнической культуры казахов.

Теоретически такая точка зрения имеет право быть, поскольку ее жизнеспособность в исторической памяти народа поддерживается во многом трагическими событиями прошлого, когда казахи два раза теряли до 40% своей этнической численности в XVIII веке (нашествие джунгаров) и в XX веке (Ашаршылык – Голодомор 30-х гг.). Возможно, с этим связано подобное отрицательное отношение к межэтническим парам (гипотетическим и реальным бракам) именно в казахской среде:

Интервьюер: *Вы думаете, что исчезло межэтническое деление?*

Ербол, 34 года, казах, жена узбечка, предприниматель, г. Туркестан: *Деления было раньше много, сейчас такого нет. Помните, мы, когда были молодые, делились по районам. Казахoв, узбеков тогда было много. Драки много было. Тогда были сложные времена. Сейчас такого нет, люди другие шамалы (немного (каз.) – прим. авт.).*

Зауре, 50 лет, татарка, портниха, г. Туркестан: *Или бывает, когда два человека разных наций любят друг друга, если один человек казах, то говорят: «Ты не выйдешь замуж за него!», «Ты не женишься на ней!». Это сейчас актуальный вопрос.*

Иван, 37 лет, русский, родился и жил в Шымкенте, предприниматель, г. Туркестан: *Я слышал и видел, что, допустим, есть некоторые люди здесь в Туркестане, да и не только здесь, в любом регионе в принципе. Типа какая-нибудь девушка, казашка, сидит с каким-то парнем другой национальности, кто-то другой может подойти и сказать:*

«А что ты с ним сидишь?». Это есть, это сто процентов! Это есть не только здесь, есть и в других местах. Я и видел, и слышал, как задают этот вопрос.

О тенденции отрицательного отношения к межэтническим бракам у значительной части казахов, свидетельствуют и многие социологические исследования, проведенные в РК. Так недавние исследования 2017 года показали, что этнодемографические тенденции брачного поведения казахов с 1999 года в целом сохраняют свои этнические характеристики – традиционные представления казахов в отношении национальной однородности браков [7]. С. Уалиева отмечает, что в целом за последние 15 лет отрицательное отношение значительной части респондентов-казахов к межэтническим бракам сохраняется. Она отмечает и новую тенденцию – гендерные структурные изменения в межэтнических браках. За последние 15 лет вдвое увеличились показатели межэтнических браков у казашек, которые выходят замуж не только за соотечественников другой национальности, но и предпочитающих зарубежных женихов [7, с. 409].

Наши собственные фокус-групповые исследования подтверждают сохраняющееся настороженное отношение большей части традиционных казахов в отношении межэтнических браков и, в особенности, их негативное отношение к бракам с зарубежными женихами. Подобное отношение красноречиво демонстрируют ответы респондентов из **поселка Кабанбай батыра, Акмолинской области**, высказавших свои примеры как из повседневной жизни, так и из социальных сетей:

Динара, 41 год, казашка, самозанятая в сфере сетевого маркетинга: *Допустим, когда казашка выходит замуж за кого-то, какой-то другой национальности. И начинают закидывать ее там... Почему она...!?*

Ергазы, 47 лет, казах, самозанятый строитель: *Почему за негра замуж, почему за казаха не вышла?*

Галина, 55 лет, русская, муж – литовец, повариха: *Вот это мне тоже не нравится!*

Динара: *Почему поехала туда? Почему за турка замуж вышла?*

Жасулан, 42 года, казах, безработный: *Прям, особенно не любят, когда за турка выходят замуж.*

Динара: *Или за китайца там.*

Ергазы: *Например, мы же не делились тогда в Советском Союзе, вместе жили дружно. Мы до сих пор так живем. Вот, наш возраст, действительно. А сейчас, молодое поколение, там бывают нюансы. Вот, когда китайцы, негры забирают наших, показывают такое, там русские начинают хаять, тут начинают казахи, и оба....*

Это отношение, таким образом прослеживается не только в реальной жизни, но и, особенно, в интернет-пространстве, где традиционалисты дают волю негативным эмоциям, обсуждая и категорично осуждая такого рода брачное поведение современных казахских женщин. Гипотетически можно предположить, что причина такого отношения лежит в плоскости казахских традиционных представлений о том, что женщина после заключения брака безвозвратно уходит в семью мужа. А в случае с зарубежными женихами, такая женщина, как правило,

уезжает из страны и безвозвратно потеряна для дальнейшего воспроизводства численности титульного этноса на родине.

В нашем исследовании нас более всего интересовал вопрос взаимосвязи нарушения (триггера¹) кем-либо («провоцирующим»²) воображаемых межэтнических и межкультурных границ с потенциальной возможностью групповой (этнической) мобилизации.

Северный Казахстан, поселок Кабанбай батыра, Акмолинская область:

Интервьюер: *А почему сейчас разделение страны? Север, Юг, Запад?*

Мафруза: *Они более эмоциональные. Мы – северные.*

Ергазы: *Запад – это адайцы, воинственный народ. Они вспыльчивые. Южный народ, там тоже есть такое. Потому что, помните, дунгане с казахами, они там целую деревню сожгли.*

Жасудан: *Нет, у нас народ не такой (в северном регионе – прим. авт.). У нас народ разрозненный, и он особо не будет (идти на межэтнический конфликт – прим. авт.). У нас такого нет.*

¹ Триггер (англ. trigger – курок, спусковой крючок, импульс) – причина, событие или сигнал, автоматически вызывающий сформировавшуюся ранее психологическую и поведенческую реакцию. Термин триггер относится к различным областям жизни и знания, и нас он интересует в социально-психологическом контексте. В настоящее время термин «триггер» перекочевал из научного знания в сферу быденного употребления. Примером может быть новомодный глагол «триггерить», что означает – вызывать, побуждать ответную реакцию; стимулировать определенное или спонтанное действие.

² В данном случае мы не будем применять термин «провокаатор», как это принято в быденной речи.

Очень важно то как в официальном, государственном дискурсе характеризуется произошедший конфликт, признается ли он межэтническим, социальным или криминальным. В Казахстане, как правило, официальные власти стараются не признавать произошедшие конфликты межэтническими. Тот факт, что возникают явные разночтения в официальном и обыденном дискурсах при определении (типологизации) конфликта, серьезно затрудняет определение его реальных причин, а значит не дает возможности полноценно работать над их устранением. Так произошло с самым резонансным казахско-дунганским конфликтом 2020 г., как, впрочем, и с большинством других конфликтов на Юге Казахстана [8].

Несмотря на то, что южные регионы являются полиэтничными, такими же как и северные регионы Казахстана, на Севере социальные проблемы крайне редко выливаются в межгрупповое противостояние. Мы можем отметить только единичные случаи, в частности, события в ночь на 1 января 2019 года в Караганде и последующим стихийным митингом перед зданием акимата. По мнению экспертов ключевая причина карагандинских событий – нерешенность многих проблем в социальной сфере, в национальной политике, в работе с молодежью, в коммуникационном сегменте, в силовом блоке, отсутствие анализа причин подобных событий и отсутствие адекватной реакции на них местных властей [9].

Карагандинские события в январе 2019 года – это довольно типичный случай, когда население недовольное закрытостью и, по их мнению, несправедливостью принимаемых решений по целому ряду жизненно важных во-

просов стало апеллировать к власти. Одной из озвучиваемых карагндинцами причин социального недовольства являлась непрозрачность и «несправедливость» в решениях тендерных комиссий в конкурсах на государственные заказы, которые по мнению недовольных вышедших к акимату распределяются властными комиссиями за «взятки и откаты», а не на основе честной конкурентной борьбы.

Налицо кризис доверия и диалога между группами индивидуальных предпринимателей и сочувствующих им граждан и местной властью как отсутствия возможности населения повлиять на существующую практику не только тендерных конкурсов, но и вопросов жизнеобеспечения в целом. Межэтническая подоплека конфликта имеющего социальные корни ипользовалась в качестве триггера взрыва общего недовольства небольших инициативных групп горожан несправедливым отношением к ним, присоединив к себе определенные титульные группы населения недовольных «засильем нетитульного этноса» в торговых и производственных нишах местной экономики, приносящих гарантированный доход.

Социологические исследования свидетельствуют, что решение большинства проблем межэтнической сферы лежит в плоскости социально-экономического развития на региональном и местном уровнях, так как нехватка земельных ресурсов, безработица, социальная напряженность, особенно в перенаселенном Юге Казахстана, где как раз и происходят конфликты последних десятилетий являются благоприятными факторами возникновения напряженности между представителями разных этнических групп на бытовой почве:

Интервьюер: *Деление в интернете и в жизни какое влияние может оказать на межэтнические отношения? В Туркестане, в Казахстане. Или вообще не влияет?*

Айгуль, 30 лет, каракалпачка, предприниматель, г. Туркестан: *Сейчас не влияет. В Туркестане вот, с тех пор как сделали центром области, уже не влияет. Раньше да. «Я тебя не понимаю, на казахском разговаривай со мной!» - такое бывало. Сейчас такого нет.*

Интервьюер: *В интернете может распространиться информация, которая будет задевать этнические чувства. Есть ли вероятность, что фейковые посты и видео могут разжечь конфликт?*

Ербол, 34 года, казах, жена узбечка, предприниматель, г. Туркестан: *В Туркестане нет. У нас в Туркестане мирный народ. Когда везде были митинги, в Туркестане же не было. В Сары-Агаше может быть. На Западе может быть. Есть же адаи. Не знаю... они же жесткие. Они говорят, что все остальные появились после них.*

Зауре, 50 лет, татарка, портниха, г. Туркестан: *С чеченцами могут быть.*

Ербол: *Они жесткий народ. У них сразу на митинг поднимаются.*

Хотя респонденты из Туркестана считают, что такой межэтнический конфликт гипотетически намного более вероятен на Западе Казахстана, но не исключают и Юг (Сары-Агаш). Выше упоминалось мнение респондентов с Севера Казахстана, рассуждавших о региональных отличиях и отмечавших казахское родоплеменное объединение адаев, как регион, где возможны конфликты, что на

наш взгляд, является очень прочно закрепившимся внутриказахским стереотипом, однако имеющим под собой определенные реальные основания.

Если судить по ответам респондентов фокус-групп из населенных пунктов, которые привлекли наше особое внимание по причине того, что накопившиеся социальные проблемы в них выливались в межгрупповые противостояния, приобретающие явный межэтнический подтекст, можно отметить, что ключевыми причинами произошедших конфликтов было неудовлетворительное социально-экономическое положение отдельных групп населения, в особенности, казахов. Многие местные казахи считают несправедливостью, что другие этносы и кандасы, зачастую живут лучше, чем они – «истинные хозяева земли»:

Марал, 50 лет, кандас из Узбекистана, безработная, г. Есик: *Мне говорили, что я каракалпачка, но я казашка из Каракалпакстана. Есть люди, не стесняются, и так называют, акцентируют, что мы приехали и жизнь хуже стала, что мы другие. Я стараюсь не реагировать, силой и криками не решить и не доказать. У некоторых казахов низкая культура, и видно злость, что плохо живут и нас считают проблемой для них.*

Марат, 28 лет, работник правоохранительных органов, г. Каскелен: *Хочу добавить, что я заметил, когда был в командировке в Кордайском районе при столкновениях казахов с дунганами... первое что требовали местные казахи, почему это дунгане живут лучше нас на нашей земле, на нашей родине, вот какие разговоры были. Судя по мнению большинства если кто-то другой нации, то он должен тихо*

ходить на нашей родине, и все эти погромы, сжигание домов были из-за таких людей с таким мнением.

Другой причиной, которая как уже упоминалось выше в наших комментариях о событиях 2019 года в Караганде может стать отсутствие диалога – обратной связи между местным населением и властями, между местными жителями из разных сел и аулов:

Аскар, 29 лет, кандас из Китая, таксист, г. Есик: *Местные власти просто не обращают на нас внимание, главное от нас нет проблем, и никто не слышит нас. Если будут конфликты, то сразу все соберутся, все комиссии придут... Нужно назначить новых людей в акиматы, у кого есть потенциал, кто реально умеет работать.*

По итогам проведенных фокус-групп и интервью, также можно сделать вывод о том, что многие респонденты видят причину многих конфликтов в социальной неустроенности молодежи, отсутствии социальных лифтов и достойных жизненных перспектив. Действительно, как отмечают многие респонденты более старших возрастных групп, многие молодые люди от безработицы и как следствие – безысходности, бесцельности и отсутствия перспективы начинают злоупотреблять алкоголем и наркотиками, нарушать законы, становясь благоприятным материалом для манипуляций и создания конфликтной среды:

Ергеш, 47 лет, таджик, фермер, аул Ынтымак Сарыагашский район Туркестанской области: *Нынешняя молодежь быстро поднимается (на конфликт – прим.*

авт.). *Если им объяснишь, они успокаиваются. Будет трудно, если это за нас сделают другие* (будут объяснять молодежи – прим. авт.).

Эльмира, 54 года, казашка, фермер, аул Бурыл Байзакского района Жамбылской области: *Я не участвовала ни в конфликте, ни в случившемся у нас* (В феврале 2016 года в ауле Бурыл произошел конфликт между турками и казахами – прим. авт.). *Тем не менее, есть опасения, что конфликт может повториться, потому что в деревне много молодежи.*

У молодого поколения – ровесников независимости Казахстана, особенно, выходцев из семей, в которых придерживаются традиционного воспитания, авторитет старших является непререкаемым. Наши социологических опросы подтверждают это, как и то, что в подавляющем большинстве случаев, требования говорить только на казахском языке, придерживаться обычаев, заключать браки исключительно с единокровными партнерами и т.д., исходят от старшего поколения +60. А в социуме, в котором утверждаются/возрождаются архаические модели поведения и мировоззрения – ресурсорасточительность (пышные тои в кредит, «распил бюджета» и т.д.); искаженная на 180 градусов морально-нравственная шкала, прославляющая коррупционеров и "мафиозную романтику"; лицемерие, калым, многоженство и т.д., очень сложно или почти невозможно избежать разделения на своих/чужих, ощущать эмпатию даже к своим кандасам, не говоря уже об иноверцах и других этносах.

В своем исследовании мы не ставим цели давать нравственную оценку разного рода моделей воспитания, мне-

ний и толкований исторических, культурных и других жизненных событий, присущих старшим авторитетам, которые разделяют население или конкретную аудиторию на «своих» и «чужих». Мы просто пытаемся констатировать факторы влияния на молодежную аудиторию сложившихся поведенческих и социально-психологических моделей, причиной которых становится в конечном счете все равно – старшее поколение. Это ведь с его согласия, а то и под диктовку, молодежь становится носителями идеологии этнокультурной иерархии в обществе. Просто в молодежной среде эти показательные проявления этноцентризма, ксенофобии и деформированного правового сознания, латентно и маскируемо присущего «взрослому обществу», выражены более открыто и безкомпромиссно.

Очевидно, что доминантность этнического «я» повышает вероятность конфликта в этнических отношениях, так как акцентуация этнического статуса препятствует внеэтнической солидарности, эмпатии по отношению к членам иных социальных групп [10].

Очень лаконично и исчерпывающе, на наш взгляд, ответил менеджер из Есика, на вопрос о взаимосвязи межэтнических границ и межэтнических противоречий (конфликтов):

Мирас, 28 лет, казах, менеджер ЦОН, г. Есик: *Конфликты были и будут. Сейчас лучше стали реагировать на них. Если не будет провокаторов и строгий, справедливый закон, то про нации вообще не будут говорить!*

Внутри самой казахской социумной среды наблюдаются определенные линии «раскола» по принципам

региональной родовой, социально-статусной, мигрантской/местной идентичностей, что создает ситуацию внутренней раздробленности и идеологической разобщенности казахского этноса. В этой ситуации, казахстанская нация в целом оказывается уязвимой с точки зрения воздействия деструктивных идеологических течений, например, радикальных религиозных течений, имеющих значительный потенциал, в том числе этнокультурной мобилизации населения.

Отсутствие идеологически целостной, аргументированной и научно-обоснованной индоктринации населения, понятной и принятой большинством населения Казахстана, как своеобразных «правил игры» в чувствительной сфере межэтнических отношений, представляется одной из основных уязвимостей в процессе дальнейшей политической и социальной модернизации страны.

Список использованных источников:

1 Токаев прокомментировал появление «языковых патрулей» в Казахстане. *РИА Новости*. 29 апреля 2022. – <https://ria.ru/20220429/patruli-1786090564.html>

2 Абаев прокомментировал заявление о «дерусификации Казахстана». *Elordainfo*. 27 февраля 2023. – <https://ru.elordainfo.kz/sotsium-ru/12212-abaev-prokommentiroval-zaiavlenie-oderusifikatsii-kazakhstanaru>

3 Слышал звон... Российский взгляд на языковую ситуацию в Казахстане. *Q Monitor*. 19 октября 2021. – <https://qmonitor.kz/society/2767>; Тина Канделаки сравнила казахстанцев с манкуртами. *Orda.kz*. 17 января 2024. – <https://orda.kz/tina-kandelaki-sravnila-kazahstancsev-s-mankurtami-381501>

4 Cohen, A.P. *The symbolic construction of community*. London: Tavistock Publications, 1985.

5 См.: Шайкемелев М.С. Этнический язык – ключевой маркер в ценностной шкале казахской этнокультурной иден-

тификации // Сборник материалов II городской научно-практической конференции НЭГ АНК г. Алматы «Проблемы и перспективы функционирования государственного языка в Республике Казахстан» – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. – С. 105 – 115.

6 Жаңабек Жақсығалиев. Тектілік феномені (тарихи-этнографиялық пайым). *Abai.kz*. 16 Қаңтар, 2014. – <https://abai.kz/post/18537>

7 Уалиева С.К. Тенденции межэтнических браков в Казахстане. *Мир Большого Алтая*. 2017, №3(3). – С. 405-413.

8 Асылхан Мамашулы. Власти Казахстана не признают этнические конфликты. К чему может привести замалчивание проблем? *Радио Азаттык*, 21 декабря 2020. – <https://rus.azattyq.org/a/the-kazakh-authorities-do-not-recognize-ethnic-conflicts-/31001861.html>; Данияр Садвакасов. Эксперты: В Казахстане закрывают глаза на межэтнические конфликты. *Cabar. Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. 21.12.2021. – <https://cabar.asia/ru/eksperty-v-kazahstane-zakryvayut-glaza-na-mezhetnicheskie-konflikty>

9 История «Древнего Рима». События в Караганде и реакция на них. *Радио Азаттык*, 8 января 2019 г. – <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-karaganda-killing-during-the-brawl-in-a-restaurant-and-reactions/29697493.html>

10 Сикевич З.В. Этнические границы как основа формирования этнической идентичности. // *Гуманитарий Юга России*. 2017, Т.6, №4.

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна

Три важные сферы в обучении молодежи, такие как образование, наука и культура, взаимодействуя друг с другом, создают условия для всестороннего развития личности. Они играют ключевую роль в формировании личностных качеств и социального статуса молодежи, определяя ее место и роль в обществе. Интеграция образования, науки и культуры в процессе обучения казахстанской молодежи ясно указывает на важность взаимодействия данных аспектов в обучении, а также по-особому высвечивают характер и траекторию перспектив для казахстанской молодежи.

К основным тенденциям и направлениям развития современной науки, образования и культуры относятся: глобализация, фундаментализация, гуманизация, технологизация, стандартизация и компьютеризация [1]. При этом важно учитывать такие научно-образовательные тенденции и аспекты, как инклюзивное образование, формирование национальной идентичности, межкультурный диалог и творческое развитие.

В Казахстане, где культурное наследие и традиции имеют глубокие корни, интеграция культурных аспектов в образовательный процесс становится особенно

актуальной. Богатая история и культурное наследие Казахстана значительно влияют на формирование национальной идентичности. Традиционные обычаи, язык, музыка, литература и искусство создают уникальную культурную среду, в которой развивается молодежь. Интеграция этих элементов в образовательный процесс способствует не только сохранению культурного наследия, но и развитию уважения к нему у молодого поколения.

Ключевой аспект изучения данной проблемы заключается в анализе влияния культурных факторов на образовательные успехи молодежи. Важно учитывать информационно-цифровую среду, ставшую неотъемлемой частью современной жизни, а также когнитивный и образовательный опыт Казахстана. Одновременно необходимо решать вопросы кибербезопасности, гармоничного развития личности и взаимодействия с искусственным интеллектом.

Казахстанская молодежь сталкивается с вызовами и возможностями, обусловленными глобализацией и технологическим прогрессом. В этом контексте важно рассмотреть, как образование и культура взаимодействуют в процессе обучения казахстанской молодежи. Здесь возникает множество аспектов, охватывающих следующие вопросы:

- Какие подходы и методики можно использовать для интеграции культурных элементов в образовательный процесс?
- Какие культурные элементы в обучении могут влиять на развитие и идентичность молодежи?

• Какие успешные примеры и практики из различных образовательных учреждений Казахстана можно перенять и применить в своей педагогической деятельности?

• Как можно сравнить казахстанский опыт с другими странами, где интеграция культуры и образования уже реализована?

• Какие преимущества приносит такая интеграция и с какими вызовами сталкиваются образовательные учреждения в целом?

Решение этих вопросов и проблем, глубокое исследование и анализ открывают значительный потенциал для практических рекомендаций по интеграции культуры и образования в образовательный процесс.

Размышляя о науке, образовании, культуре в Казахстане, хочется отметить прежде всего активное реформирование в этих сферах, направляемое на улучшение профессиональной компетенции молодежи, которое способствует интеграции в мировое образовательное пространство и повышение качества обучения. В Казахстане стало уделяться большое внимание инклюзивному образованию и его развитию для обеспечения необходимого уровня социализации и адаптации детей в обществе. Так, 26 июня 2021 года Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев подписал Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования» [2].

Что имеется в виду под инклюзивным образованием? Инклюзивное образование (фр. «inklusif» — включаю-

щее в себя) – это совместное обучение обычных детей и детей с ограниченными возможностями. В связи с этим происходит реформирование в образовании включающая модернизацию учебных программ, инклюзивное образование, развитие критического мышления у обучающихся и важнейшая составляющая – это креативность мышления [3].

Предложенные программы в большей степени включают внедрение современных методик и технологий, позволяющие студентам получить актуальные и важные знания и навыки. В учебных программах инклюзивному образованию уделяется значительное внимание, и каждый преподаватель высшего учебного заведения обязан включать в методику обучения материалы по инклюзивному образованию. Методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности в инклюзивном образовании обеспечивают равные возможности для всех категорий обучающихся, включая детей с особыми потребностями. И, конечно же, важно развивать критическое мышление и креативность, что в результате сформирует независимых и творческих личностей, способных к самореализации.

Для нас важен вопрос, каков он, современный человек в этнокультурном и научно-образовательном пространстве Казахстана, и на какие аспекты следует обращать особое внимание в процессе его становления как личности и в целом в воспитательном процессе. Как известно, этнокультурное воспитание детей и молодежи возможно посредством образовательного пространства через книги, театрализованные представления, проекты,

включающие комплекс этнических традиций и ценностей. Апробация материалов книги «Наурыз мейрамы: благодатный праздник весны, единства, прощения и милосердия» [4] свидетельствует о значимости проведения различных научно-образовательных, культурных мероприятий, связанных с государственными и национальными праздниками.

Как показывают результаты работы над проектами с магистрантами первого курса Национальной академии искусств, проекты театрализованного характера помогают продвигать общекультурные ценности, характерные для казахского народа, и тем самым создают коммуникационное и информационное, пропагандистское и воспитательное пространство. Такое направление работы также важно и для включения в учебную программу инклюзивного образования.

Начиная с декабря 2012 года нами реализовывался проект «*Через сказки к традициям и обычаям казахского народа*», который позволил значительно расширить знания магистрантов и студентов о традициях и обычаях, развить интерес к общей культуре, обогатить их через прочтение, встречи с писателями, театрализацию. Важным постулатом становится понимание, что формирование этнической культуры как образа жизни в эпоху глобализации – это неотъемлемая часть личностного развития, и воспитание его с детства также необходимо [5].

Магистранты по курсу «Управление проектами в сфере искусств» под моим руководством, как преподавателя данного предмета, подготовили проект «Принцесса цветов»

Мероприятие, проводимое в рамках научно-образовательного проекта с магистрантами и студентами, был организован в виде музыкально-театрализованного спектакля по сказке современной сказочницы казахских сказок профессора Нурсулу Шаймерденовой «Принцесса-цветов» [6]. Направленность мероприятия была связана с историей и культурой Казахстана, этнических групп, проживающих в нашей стране и целью его была актуализация многовекового культурного наследия наших предков. Одной из главных задач проекта являлось укрепление духовных ценностей национальной культуры народа Казахстана. Через проект состоялось изучение истории и культуры народа Казахстана, а также привлечение внимания детей и взрослых к традициям и обычаям казахского народа. В фойе Учебного театра Академии была организована выставка картин педагогов, докторантов и магистрантов Академии по тематике проекта. Картины были любезно предоставлены руководителем отдела «Организации выставок и хранения художественных произведений» нашей Академии Токпановой Майей Кызтугановной («Мәдениет саласының үздігі»).

Магистрантами в период подготовки проекта был проведен научный семинар с автором современных казахских сказок, а также был собран материал интервьюирования во время конференции. Собранный материал был смонтирован и показан в виде коротких заставок во время проведения проекта.

Также участники проекта «Принцесса цветов» провели мастер-классы по рисованию для приглашенных детей, рассказали об истории и культуре казахского наро-

да. Подводя итоги музыкально-театрализованного представления можно сделать выводы, что участники провели замечательное мероприятие по укреплению духовных ценностей национальной культуры народа Казахстана, а также воплотили в жизнь одну из историй наследия наших предков – происхождение тюльпанов, чья красота покорила своей красотой сердца многих народов.

Особо важной формой работы в различных культурно-образовательных программах и проектах является организация педагогами Академии совместно с обучающейся молодежью благотворительных встреч с детьми в детских домах, с особенными детьми в специальных детских учреждениях.

Так, например, автор статьи как преподаватель по предмету «Управление проектами в сфере искусств» неоднократно проводила мероприятия с особенными детьми с приглашением членов Ассамблеи народа Казахстана и членов Этнокультурных объединений в Республиканском Доме дружбы.

Проекты проводились в соответствии с учебной программой, включающей инклюзивное образование. К примеру, большой резонанс получили такие проекты, как «*Жарқын болашақ жолында*» в детском доме №1; «*Свидание с поэзией*» и «*Принцесса цветов*» в Учебном театре Академии, «*Армандар орындалады*» для детей-сирот в детском доме «Жануя КГУ», «*Мои года-моё богатство*» в Доме престарелых Центра оказания социальных услуг №3, «*Ата өнері – ұрпаққа мұра*» в рамках научно-просветительского проекта АНК «Қазақтану», «*Легенда о розовом фламинго*» в Доме Дружбы для особенных детей, детей

инвалидов, детей сирот и детей из малообеспеченных семей и др. [7,8].

Целью проектов являются бескорыстная помощь нуждающимся детям и пожилым людям, создание уютной психологической обстановки. Наши магистранты работают над проектами в форме театрализованно-музыкальных постановок по современным казахским сказкам. Проекты обязательно включают чтение детям книг, мастер-классы по рисунку, казахским музыкальным инструментам, лепку из пластилина и глины, раскрашивание деревянных и глиняных игрушек по мотивам казахских сказок, вышивание, вязание, показ короткометражных мультфильмов по казахской тематике, постановщиками которых являются сами магистранты. А с пожилыми людьми проводятся различного рода развлекательные мероприятия – викторины и интеллектуальные игры, конкурсы и розыгрыши, подвижные игры, а также совместные танцы под песни их молодости, исполняемые магистрантами.

Благотворительные мероприятия играют большую роль в дальнейших проектах магистрантов и находят отклик в их сердцах. Ведь они не только получают значительные практические знания о том как надо работать над проектами, но и уроки воспитания. Магистранты учатся открывать сердце и душу детям, живущим в детдомах и особенным детям с ограниченными возможностями, а также пожилыми людям в домах престарелых. Также такого рода проекты вселяют в детей уверенность. Молодежь, участвующая в таких проектах понимает, насколько важно проведение такого рода благотвори-

тельных мероприятий для детей в детских домах и для пожилых людей в домах престарелых.

Следует подчеркнуть, что каждый проект – это большой научный поиск, прочтение научной и популярной литературы, знакомство с книгами ученых и педагогов. Важно отметить, что в процессе подготовки к проектам, в особенности к благотворительным проектам, обучающаяся молодежь готовит реквизиты, подбирает музыку, стихи, собирает информацию посредством прочтения книжных материалов, развивают в себе навыки педагога и оратора.

Как показывают результаты работы над научно-образовательными проектами с магистрантами Академии, именно проекты музыкально-театрализованного характера благотворительной направленности помогают и продвигают общекультурные ценности, и тем самым создают коммуникационное и информационное, пропагандистское, воспитательное пространство. Реализованные благотворительные проектные работы в Домах престарелых, Детских домах, в Доме дружбы с приглашением особенных детей с их родителями дарят праздник детям и престарелым людям, но также оказывают большое эмоциональное воздействие на самих магистрантов.

В Академии искусств по большей части организуются различного рода творческие проекты с проведением мастер-классов для развития творческих, познавательных способностей детей, развитию их логического и аналитического мышления. При этом большое внимание уделяется формированию национального самосознания и гордости за свое наследие. Важное внимание

развитию уважения и понимания в контексте межкультурного диалога проводит кафедра «Иностранные языки и Ассамблея народа Казахстана».

На современном этапе, когда в мире наблюдаются различные конфликтные ситуации, особенно важным представляется использование опыта Ассамблеи народа Казахстана, который является примером для молодежи, поскольку представляет собой уникальный источник формирования и развития гражданской идентичности.

Образование и культура – две неотъемлемые составные, которые играют важную роль в воспитании молодежи и содействуют сохранению национальных традиций и ценностей в многонациональном государстве. К сожалению, введение международных стандартов и курсов может привести к снижению внимания к национальным культурным ценностям и истории. Следует подчеркнуть, что глобализация культурного контента постепенно вытесняет национальные традиции, в целом культуру и историю страны, что приводит к снижению интереса молодежи к национальному культурному наследию. Однако опыт нашей работы и проводимые научные исследования показывают, что в учебных заведениях, где учитываются культурные особенности обучающихся, наблюдается более высокий уровень вовлеченности и удовлетворенности учебным процессом, что особенно важно для многонационального Казахстана.

В заключении хочется отметить, что научно-образовательные проекты имеют различные формы и нацелены на аудиторию всех возрастов, а интеграция социокультурных аспектов в образовательный процесс является

важным фактором формирования личности и ее национальной идентификации. Внедрение современных технологий также способствует эффективному включению культурных элементов в обучение. Таким образом, образование, основанное на уважении и сохранении культурных традиций, способствует всестороннему развитию молодежи и укреплению национального сознания.

Важно и актуально, чтобы образование и культура ориентировали обучающихся на овладение системой научных знаний, формировали их когнитивный опыт и предлагали необходимый объем научной информации. Важно продолжать работу по интеграции культурных ценностей в образовательные процессы, создавая условия для формирования гармонично развитых личностей, гордящихся своим национальным наследием и готовых к активному участию в национальном строительстве Казахстана.

Уважаемый Мухтарбек Сейд-Алиевич, примите искренние поздравления и самые наилучшие пожелания по случаю Вашего юбилея!

В качестве члена Ассамблеи народа Казахстана и председателя Научно-экспертной группы АНК г. Алматы Вы вносите большой вклад в научное сопровождение ее деятельности, укрепление мира и согласия. Под вашим научным руководством были изданы многочисленные коллективные труды, монографии и аналитические статьи, посвященные этнополитической и межэтнической

тематике. Ваши знания, опыт и профессионализм ценны, и мы благодарим Вас за вашу научную и практическую деятельность!

В вашем лице удивительным образом сочетаются самые разные достоинства: твердость характера с житейской мудростью, инновационные подходы в принятии решений с умением найти подход к каждому, высокая требовательность и организованность с доброжелательностью и теплотой. Вы прекрасный ученый, педагог, неравнодушный человек, обладающий креативным и критическим мышлением. Желаю Вам доброго здоровья и дальнейшей плодотворной творческой деятельности!

Список использованных источников:

1. Бухарова Г.Д., Старикова Л.Д. Современное образование: сущность и направления развития // Педагогика и психология [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obrazovanie-suschnost-i-napravleniya-razvitiya>. (Дата обращения: 27.06.2024).

2. Закон Республики Казахстан от 26 июня 2021 года № 56-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстана по вопросам инклюзивного образования». Казахстанская правда. № 120 (29497) от 28 июня 2021 года; О мерах по реализации Закона РК от 26 июня 2021 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам инклюзивного образования» [Электронный ресурс] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/R2100000184> (Дата обращения: 25.06.2024); Закон Республики Казахстан. Об образовании [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747&pos=5;-118#pos=5;-118 (Дата обращения: 25.06.2024).

3. Гольник О. Волоковая Т. Инклюзивное образование в Казахстане: особенности и перспективы развития [Электронный

ресурс] URL: <https://www.nur.kz/family/school/1715660-inkluzivnoe-obrazovanie-v-kazahstane-i-za-rubezom/> (Дата обращения: 27.06.2024).

4. Алимжанова А.Ш., Шаймерденова М.Д. Наурыз мейрамы: благодатный праздник весны, единства, прощения и милосердия Учебное пособие. – Алматы: 2016. – 188 с.; «Наурыз мейрамы» атты жаңа кітаптің тұсау кесілді [Электронный ресурс] URL: <https://itube.kaztrk.kz/videos/10992/nauryz-meuramy-atty-jana-kitaptyn-tusauy-kesildi/> (Дата обращения: 25.06.2024).

5. Авторское право на произведение науки, культуры и искусства «Научный проект «Через сказки к истории и культуре народа Казахстана». Минюст РК. Свидетельство о госрегистрации прав на объект авторского права № 2597

6. Шаймерденова Н.Ж. Википедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9D%D1%83%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%83_%D0%96%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0 (Дата обращения: 25.06.2024).

7. Казахская национальная академия искусств имени Т.К. Жургенова. Официальный сайт / [Электронный ресурс] URL: <https://kaznai.kz/ru/> (Дата обращения: 25.06.2024).

8. Академия детской книги Altair. Официальный сайт / [Электронный ресурс] URL: <https://altair-academy.kz/#rec153146296> (Дата обращения: 25.06.2024).

ЭТНОПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В МНЕНИЯХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП АЛМАТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Беате Эшмент

Введение

Республика Казахстан – многонациональное государство. Несмотря на то, что доля казахов увеличилась с 40 % в 1989 году до более 70 % в настоящее время, представители более 120 других этнических групп, по-прежнему, составляют значительную часть населения. Начиная с 1991 года государство уделяет большое внимание этой многоэтничности. Даже если официальный акцент теперь смещен с многообразия на единство народа, удовлетворенность населения политикой в отношении этносов и положением этнических групп в целом продолжает играть роль в мирном сосуществовании и, следовательно, в стабильности государства. Тем не менее, данных об этом недостаточно.

С 1991 года в центре внимания политиков, СМИ и научных кругов находилась вторая по численности этническая группа Казахстана наряду с казаками – русские, которые играли особую роль в силу своей многочисленности и истории. С годами это внимание ослабевало, по мере сокращения численности русского населения, но в

настоящее время оно вновь возрождается в связи с вторжением России в Украину и связанным с этим вопросом об отношении к этому русских граждан Казахстана. Хотя существуют исторические и этнографические исследования по многим другим этническим группам в Казахстане, в большинстве статистических данных, обзоров и опросов общественного мнения их часто объединяют в группу «Другие» по прагматическим причинам, что намеренно или не намеренно предполагает единство между ними, не доказывая его. Стоит задаться вопросом, не скрывает ли такое обобщающее рассмотрение серьезных различий, недовольства или удовлетворенности в отношениях между ними и государством?

В статье предпринята попытка ответить на этот вопрос. На основе двух опросов общественного мнения в Алматы исследуются вопросы о том, насколько представители разных этнических групп были удовлетворены государственной политикой в отношении национальностей в 2019 и 2024 годах и каковы были и есть их ожидания на будущее в этой связи. Ответы отдельных этнических групп подробно представлены и проанализированы, а также сделана попытка объяснить, какие факторы могли на них повлиять. Особое внимание уделяется тому, чтобы показать, насколько различается оценка политики в зависимости от выбранной шкалы и насколько важно фиксировать настроения отдельных этнических групп для получения реалистичной картины¹.

¹ Автор благодарит своего коллегу Ивайло Динева, сотрудника ZOiS KonKoor Data Lab, за помощь в анализе ответов и создании графиков.

Методология опросов¹

Целью наших опросов было сравнение мнений различных этнических групп Казахстана о политике в отношении этносов страны, положении этнических групп и силе их этнической и гражданской идентичности. Поэтому состав групп респондентов не должен был и не мог быть репрезентативным по численности населения, но должен был быть сопоставимым по количеству респондентов, месту проживания, возрасту, уровню образования и полу.

В соответствии с этими критериями в сентябре-октябре 2019 года и январе-феврале 2024 года были опрошены 1500 жителей Алматы, которые были найдены по системе «снежного кома» (Snowball sampling). Помимо 215 казахов и 215 русских, это были также 214 представителей каждой из пяти малых этнических групп, расположенных в алфавитном порядке: армяне, дунгане, курды, кыргызы и чеченцы.² Решающим фактором при их отборе было стремление представить как можно более широкий спектр различий. Помимо мусульман, представлены христиане (армяне), ранние переселенцы (дунгане), депортированные (армяне, чеченцы, курды) и новые переселенцы (кыргызы). Различия также заключаются в связи с исторической родиной или возможностью эмиграции, а также, в языковой и культурной близости

¹ Более подробную информацию о планировании, проведении и анализе опросов общественного мнения см. в книге: Sharon L. Lohr, *Sampling. Design and Analysis*. Boca Raton 2019.

² Информация об их доле в населении Алматы представлена в Приложении в таблице 1.

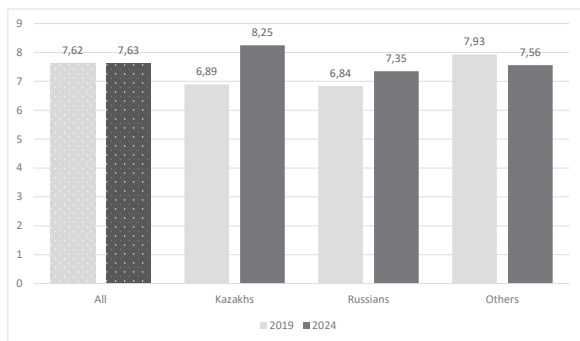
к казахам. Алматы был выбран потому, что это самый густонаселенный и многоэтничный город страны, а выбранные этнические группы входят в число 20 крупнейших, а также, потому что стабильность и благополучие в этом городе имеют решающее значение для всей страны.

Опросы проводились сотрудниками Исследовательского института «Общественное мнение», г. Астана, очно на дому у респондентов по фиксированной анкете, состоящей из 14 вопросов в 2019 году и 13 вопросов в 2024 году. Помимо вопросов об этнической принадлежности, возрасте, уровне образования и родном языке, для ответов на остальные вопросы, содержащие оценку, была предложена шкала от 1 (полностью отрицательно) до 10 (сверхположительно). Ниже выделены только ответы на вопросы, касающиеся оценки политики в области национальности на сегодняшний день и ожиданий на будущее в этом отношении.

Результаты

Рис. 1. Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете государственную политику в отношении этносов в 2019 и 2024 гг.; средние значения для всех, казахов, русских и «других»¹

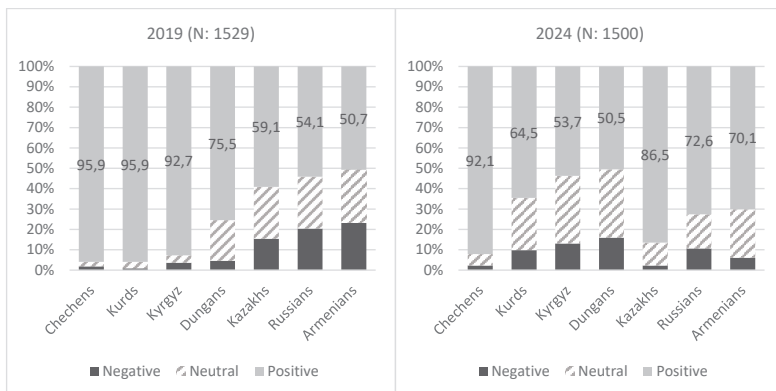
¹ Мы проверили результаты обоих вопросов, а также обоих годов на статистическую значимость изменения мнений с течением времени и разницу между этническими группами. Двухвыборочный t-тест показал, что р-значения меньше 0,05 во всех семи этнических категориях, что указывает на статистическую значимость изменений в средних значениях мнений с 2019 по 2024 год. Кроме того, тест Крускала-Уоллиса показал, что р-значения меньше 0,05 в обеих волнах опроса, что свидетельствует о значительном влиянии этнической принадлежности на взгляды на государственную политику.

В качестве исходного пункта на рисунке 1 показано среднее значение суждений о государственной политике в отношении этносов, высказанных респондентами в 2019 и 2024 годах, причем все ответы расположены слева, а рядом с ними – разбивка на казахов, русских и «других».

При почти неизменном среднем балле 7,6 из 10 большинство респондентов дают государственной политике, казалось бы, стабильно относительно хорошую оценку в оба года. Однако более пристальный взгляд на распределение ответов между казахами, русскими и другими показывает, что, во-первых, средний балл по годам скрывает значительные различия между тремя группами, а во-вторых, этот средний балл также значительно изменился между группами при сравнении между 2019 и 2024 годами. В 2019 году «Другие» оценили государственную политику в отношении этносов более чем на один пункт выше, чем казахи и русские, которые отличались друг от друга незначительно. В 2024 году, напротив, казахи крайне не довольны, их средний балл на 1,4 пункта выше, чем в 2019 году, русские чуть более довольны (+ 0,5), а «Другие» чуть менее довольны (- 0,4).

Рис. 2. Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете государственную политику в отношении этносов в 2019 и 2024 гг., все опрошенные этнические группы, %

На рисунке 2 показаны ответы по всем этническим группам в отдельности, но не в виде среднего значения, а в виде распределения оценок в процентах. Первоначальные ответы со значениями от 1 до 10 были сокращены до трех вариантов (1-4 = отрицательный; 5-6 = нейтральный; 7-10 = положительный) для анализа. Средние значения для каждой этнической группы приведены в таблице 2 в приложении.

Сейчас становятся заметны еще большие различия между отдельными группами. В 2019 году курды и чеченцы возглавили список, получив по 96 % положительных оценок политики в отношении этносов. Кыргызцы также в основном удовлетворены и со средним баллом 8,26 не слишком далеко ушли от двух лидеров. Ответы представителей четырех других этнических групп не только более критичны, но и заметно отличаются друг от друга: доля положительных оценок среди дунган (75,5) зна-

чительно ниже, чем среди первых трех, но все же достаточно высока. Со средним баллом 7,58 они представляют собой почти средний показатель среди всех опрошенных этнических групп (7,62). В случае казахов (15,4%), но прежде всего русских (20,4%) и армян (23,5%), особенно бросается в глаза относительно высокое количество негативных оценок. Таким образом, армяне также находятся в нижней части списка в среднем по опрошенным этническим группам с показателем 6,41 (и на 1,2 пункта ниже среднего показателя по всем опрошенным этническим группам).

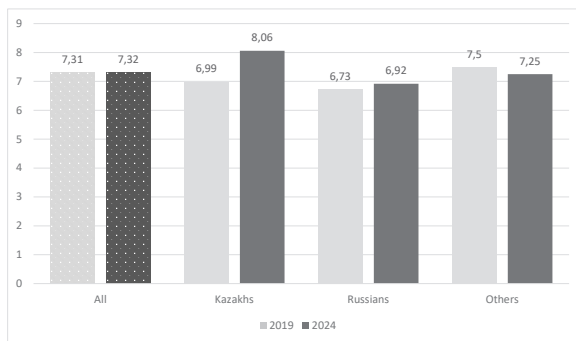
В 2024 году наблюдаются некоторые существенные сдвиги при почти неизменном общем среднем балле. Чеченцы сохраняют свою первую позицию; хотя количество положительных оценок снизилось на 4 пункта с 95,9 (2019) до 92,1 (2024), в среднем они даже немного более удовлетворены (0,3). За ними следуют казахи, которые в 2019 году находились в нижней половине рейтинга. В 2024 году 86,5 % из них положительно оценивали политику государства в отношении национальности (2019 год: 59,1 %); если в 2019 году 15,4 % еще критиковали эту политику, то теперь этот показатель снизился до 2,3 %. В 2024 году армяне, а также русские явно настроены более позитивно: в обоих случаях рост составил около 20 %.

Примечательно, что число нейтральных армян осталось примерно на том же уровне, в то время как число полностью недовольных армян снизилось с 23,5 % в 2019 году до 6,1 % в 2024 году. Соответственно, средний балл для их этнической группы 7,86 ставит их на третье место среди опрошенных этнических групп после чеченцев и

казахов. Изменение их среднего балла на +1,45 является самым большим положительным изменением в исследовании, даже большим, чем у казахов (+1,36). Суждения кыргызов, дунган и курдов, которые все еще лидировали в 2019 году, стали значительно более негативными в 2024 году. Количество положительных ответов среди кыргызов снизилось с 92,7 % в 2019 году до 53,7 % в 2024 году – это безусловно, самое большое изменение из всех представленных здесь результатов опроса! Около 1/3 респондентов теперь относятся к этому нейтрально (2019: 3,7%), 13,1% – отрицательно (2019: 3,6%). Рейтинг удовлетворенности среди курдов в 2024 году примерно на 30 % ниже (64,5 %), чем в 2019 году (95,5 %), а их средний рейтинг в 2024 году на 1,67 пункта ниже, чем раньше. Дунгане, занимавшие среднюю позицию в 2019 году, в 2024 году находятся в нижней части лиги как по количеству положительных ответов (53,7 %), так и по среднему баллу (6,7). Особенно поражает самый высокий отрицательный балл – 15,9.

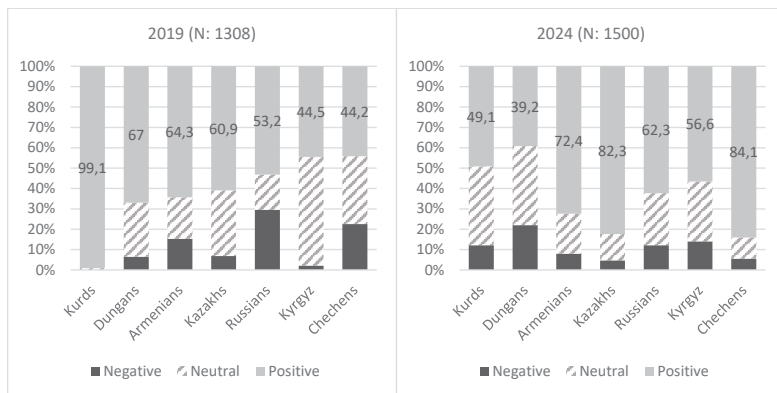
Таким образом, мы переходим к ожиданиям от будущей политики в отношении этносов.

Рис. 3. Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете дальнейшее развитие государственной политики в отношении этносов в 2019 и 2024 гг.; средние значения для всех, казахов, русских и «других»

На рисунке 3 представлены ответы в том же режиме, что и на рисунке 1 (всего, казахи, русские, «другие»). Общее значение для всех респондентов на 0,3 ниже для обоих лет, чем для текущей политики. Если рассматривать казахов, русских и «других», то при сравнении двух лет значения для всех трех респондентов оказываются менее значительными, чем для нынешней политики. За исключением значения для казахов в 2019 году, все остальные немного ниже, чем оценка текущей политики, но, как правило, почти совпадают с ней. Малые этнические группы также были более оптимистичны в своих ожиданиях на будущее, чем казахи и русские в 2019 году. А в 2024 году оценки казахов также существенно изменились и стали гораздо более позитивными, чем раньше. Таким образом, в целом наблюдается значительное совпадение между оценкой текущей ситуации и ожиданиями на будущее.

Рис. 4. Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете дальнейшее развитие государственной политики в отношении этносов в 2019 и 2024 гг., все опрошенные этнические группы, %

Если мы теперь снова посмотрим на процентное распределение положительных, нейтральных и отрицательных ответов (разбивка, как на рисунке 2: 1-4 = отрицательно; 5-6 = нейтрально; 7-10 = положительно) по всем опрошенным этническим группам в отдельности, то снова обнаружим поразительные особенности. Если на сегодняшний день более половины респондентов всегда оценивали политику положительно, то сейчас относительно будущего наблюдается несколько значений ниже 50% для ожиданий на 2019 и 2024 годы, а также самое высокое негативное значение (29,5%) для ожиданий русских на будущее в 2019 году. Доля чеченцев, которые не ждут от будущего ничего хорошего, также высока (22,5). С другой стороны, курды настроены крайне оптимистично в 2019 году – 99,1 % положительных и ни один респондент не выразил отрицательных ожиданий. Это означает, что

они более чем на 30 % отличаются от других опрошенных этнических групп. Однако, помимо курдов, велико и число нейтралов. Лидерами являются кыргызы, более половины которых (53,3 %) заявили о своем нейтралитете, а также около трети чеченцев (33,3 %) и казахов (32,2 %).

В 2024 году мнения стали еще более пестрыми. Заметная уверенность курдов в 2019 году исчезла: только 49,1 % – на 50 % меньше, чем раньше, – ожидают хорошего от будущей государственной политики в отношении национальности в 2024 году и 12,1 % – плохого. Дунгане, которые в 2019 году были настроены относительно оптимистично, также потеряли уверенность в будущем: чуть менее 20 % дали положительную оценку, чем в 2019 году, и 22 % – отрицательную. Со средним баллом 6,1 они также находятся в нижней части списка в 2024 году (см. таблицу 3 в приложении), и этот показатель также является самым низким в целом (2019 и 2024 годы). Однако не только казахи имеют более позитивные ожидания в отношении государственной национальной политики в 2024 году, чем в 2019 году, как можно было бы ожидать, исходя из результатов на рисунке 3, но и четыре другие опрошенные этнические группы. Особенно это заметно в случае чеченцев, которые в 2019 году имели как самый низкий средний балл (6,47), так и самое низкое количество положительных ответов (44,2%). В 2024 году они, напротив, выходят в лидеры по количеству положительных ответов: на 40 % больше положительных оценок и средний балл почти на два пункта выше (2019: 6,47; 2024: 8,43). Позитивные изменения среди казахов, которые так бросятся в глаза на рисунке 3, уже не кажутся столь значи-

тельными в этом сравнении; среднее значение чеченцев, например, выше, чем у казахов (8,06). Кыргызы, которые в 2019 году занимали преимущественно нейтральную позицию, теперь более решительно позиционируют себя с точки зрения своих ожиданий на будущее, причем скорее позитивно, чем негативно. Русские также более оптимистично настроены на 2024 год: только 12,1% негативных и больше позитивных ожиданий. Аналогичная тенденция наблюдается и среди армян.

Если мы сравним ответы отдельных этнических групп на вопрос о настоящем (Рисунок 2) с ответами о будущем (Рисунок 4), то в большинстве случаев мы снова увидим положительную корреляцию между ними, то есть ответы о будущем во многом совпадают с суждениями о текущей политике, даже если, например, суждения дунган о настоящем резко изменились между 2019 и 2024 годами. Только два случая отклоняются от этой закономерности. Чеченцы очень позитивно оценивали настоящее в 2019 году, но менее оптимистично смотрели на будущее (в 2024 году, однако, они лидировали и по настоящему, и по будущему), а кыргызы с осторожностью относились к будущему в 2019 году, хотя очень позитивно смотрели на настоящее, видимо, справедливо, поскольку в 2024 году они оценивали настоящее хуже, чем в 2019 году.

Сравнение ожиданий будущего в 2019 году с оценками текущей политики в 2024 году также показывает, что только две этнические группы (дунгане, курды) оценивают реальную политику в 2024 году значительно хуже, чем они ожидали; для всех остальных позитивные ожидания, очевидно, оправдались, а в некоторых случаях (армяне, казахи) даже превзошли их.

Обсуждение итогов социологических исследований

Наш первый опрос был проведен осенью 2019 года, через полгода после отставки первого президента Нурсултана Назарбаева. Вполне вероятно, что в этот момент большинство респондентов при оценке политики в отношении этносов имели в виду последние годы эпохи первого президента. Тем более что никаких изменений со стороны его преемника еще не было заметно, а Назарбаев все еще оставался председателем АНК. Первый президент с самого начала своего правления уделял большое внимание политике в отношении этносов и в то же время использовал сохранение межэтнической стабильности в стране для легитимации своего правления. Различные суждения об успехе или провале его политики здесь не обсуждаются. Важно то, что, по словам их представителей, неказахские этнические группы положительно оценили создание своего представительного органа АНК и «конструкт казахстанца». Назарбаев рассматривался как своего рода покровитель, и они опасались смены лица во главе государства. В то же время Назарбаеву не удалось полностью донести до сознания казахов свою модель казахстанской идентичности для всех этнических групп. Поэтому у определенной части казахов было ощущение, что их интересы не получили достаточного признания.

Результаты опроса на уровне все, казахи, русские, «другие», похоже подтверждают этот распространенный нарратив. Общий балл 7,3 дает политике хорошую, но не выдающуюся оценку. Межэтнические соотношения до-

вольно стабильны, но, очевидно, были рассмотрены возможности для улучшения. В 2019 году оценки «других» были более чем на 1 пункт позитивнее, чем оценки казахов, что свидетельствует об их общей большей удовлетворенности политикой первого президента в отношении гражданства. Более критический настрой русских также не является неожиданным. Однако большое разнообразие ответов отдельных этнических групп не может быть объяснено на таком общем уровне и указывает на другие, более глубокие факторы влияния.

Наш вопрос об ожиданиях относительно будущей политики в отношении этнических групп осенью 2019 года пришелся на период неопределенности. Уход Назарбаева многие представители неказахских этнических групп ожидали с опасениями, которые не оправдались, но также еще не было ясно, как будут развиваться события при его преемнике Касым-Жомарте Токаеве. С учетом этой исходной ситуации относительно высокие ожидания от будущего у «других» (7,5) кажутся особенно удивительными. Однако при рассмотрении отдельных результатов можно обнаружить поразительное количество нейтральных, то есть выжидательных ответов. В случае с чеченцами и русскими большие группы даже придерживаются довольно пессимистичного взгляда. Таким образом, определенная доля скептицизма все же присутствует.

Оценки в начале 2024 года следует рассматривать как первоначальную оценку политики Токаева в отношении этносов и одновременно как проверка правильности ожиданий 2019 года. В последние годы своего правления Назарбаев уделял все меньше внимания этнополитике.

Не позднее 2015 года единая казахстанская нация считалась созданной, бытовой национализм и немногочисленные локально ограниченные насильственные конфликты между самой многочисленной этнической группой и представителями малочисленных этнических групп уменьшались и/или объяснялись исключительно социально-экономическими причинами. Президент Токаев до тех пор не проявлял особого интереса к проблеме многоэтничности, хотя самый крупный и кровавый межэтнический конфликт в истории независимого Казахстана (Кордай, 7 февраля 2020 года) произошел в первый год его пребывания у власти. АНК как выражение многоэтничности становится менее значимой, и ее упразднение неоднократно обсуждалось в социальных сетях и дискуссиях экспертов¹. С того момента президент Токаев все больше беспокоится о единстве страны и ее жителей. И это единство, обусловленное и демографическими изменениями, постепенно становится все более казахским по своему характеру.

Поэтому кажется понятным, почему в 2024 году средняя оценка этнополитики среди опрошенных казахов выросла более чем на один пункт, а среди «других» - упала. Если рассчитать средние значения ответов всех опрошенных этнических групп без учета казахов (но с учетом русских), что соответствует нынешней ситуации повы-

¹ См.: Бесплезная организация? Что казахстанцы говорят об АНК и её роли в Парламенте // *Orda.kz*. 30 марта 2023. – <https://orda.kz/bespoleznaya-organizacziya-chto-kazahstanczy-govoryat-ob-ank-i-eyo-rol-i-v-parlamente/>; Распустить нельзя оставить. Мнения об Ассамблее народа Казахстана // *Радио Азаттык*. 17 февраля 2020. – <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-assembly-of-the-people-opinions/30437277.html>

шенной казахизации, то ухудшение настроения неказахов становится еще более очевидным: Доля положительных оценок в 2019-2024 годах снизилась более чем на 10% (2019: 77,5%; 2024: 67,25%), доля нейтральных оценок выросла примерно на столько же (2019: 13,4%, 2024: 23,1%), а доля негативных оценок также выросла (незначительно) (2019: 9,1%; 2014: 9,65%). Однако детальное сравнение ответов всех этнических групп показывает, что в 2024 году одна этническая группа, чеченцы, оценивает текущую и будущую политику гораздо более позитивно, чем казахи, и, как уже упоминалось, армяне и русские выглядят более удовлетворенными, чем в 2019 году.

Очевидно, что общие нарративы о «растущей казахизации» или низком интересе к этнополитике президента в 2024 году также недостаточны для отражения и объяснения настроений отдельных этнических групп. Для того чтобы уловить настроение отдельных этнических групп, а не только общую картину, необходимо рассмотреть множество возможных факторов влияния. Здесь можно привести лишь несколько примеров.

В РК не было и нет специальных политических мер, направленных только на определенные этнические группы, но отдельные этнические группы настолько сильно отличаются друг от друга по решающим характеристикам, что одна и та же мера может иметь разный эффект на разные этнические группы. Языковой вопрос, как центральная и наиболее обсуждаемая часть политики в отношении этнических групп страны, может служить здесь примером. В последние годы был принят ряд мер, направленных на продвижение казахского языка. Реакция

на это, конечно же, зависит от уровня владения языком. Перепись населения 2021 года показала значительные различия между опрошенными этническими группами.¹ 99 % казахов заявили, что владеют казахским языком, для курдов, кыргызов и дунган этот показатель составил более 50 %, для чеченцев – чуть менее 38 %, а для армян (28,8 %) и русских (25 %) – еще ниже. Легко представить, что законы, направленные на приоритет казахского языка, вызывают гораздо больше неуверенности и недовольства среди русских или армян, чем среди курдов или кыргызов.

Очевидно, плохие оценки армян в 2019 году и дунган в 2024 году, на наш взгляд, можно объяснить открытыми конфликтами между большинством населения и их этнической группой, что в принципе указывает на недостатки этнополитики. В начале января 2019 года, за девять месяцев до нашего первого опроса, в Караганде среди части населения возникли антиармянские настроения, а в социальных сетях появились армянофобские посты, после того как в новогоднюю ночь в результате драки в ресторане между молодыми людьми погиб казах, а несколько

¹ Поскольку в ходе исследования были опрошены только алматинцы, т. е. городские жители, здесь используются данные, относящиеся именно к городскому населению. Ср. Қазақстан Республикасындағы ұлттық құрамы, діни нанымдар және тілдерді меңгеруі/ Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан, Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі Ұлттық статистика бюросы, Астана 2023, стр. 424 ff. = <https://stat.gov.kz/upload/iblock/107/5zkn34tqn5atonvbhoob28p7ebnrbc19/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2,%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%20%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%9A.pdf>

армян причастных к инциденту были арестованы.¹ Это, безусловно, негативно сказалось на оценке армянами текущей ситуации, но не имело долгосрочных последствий. По понятным причинам опыт конфликта оказал гораздо более длительное воздействие на дунган. Некоторые комментаторы отмечают, что негативное влияние оказали не только жестокие столкновения между казахами и дунганами в Масанчи и некоторых других местах Кордайского района Жамбылской области, в результате которых погибли десять дунган и один казах. Доверие дунган к государству, также сильно пошатнулось из-за позднего появления сил государственной безопасности и отсутствия, по мнению дунган, справедливости в правовом регулировании событий.² Это, похоже, подтверждает их гораздо более низкую оценку как настоящего, так и перспектив политики в отношении этносов по сравнению с опросом 2019 года, даже спустя почти четыре года после событий.

События в Кордайском районе также стали следствием социально-экономических проблем, поскольку меж-

¹ Deadly Brawl in Kazakhstan Sparks Anti-Armenian Unrest, The Armenian Weekly, 9.1.2019, = <https://armenianweekly.com/2019/01/09/deadly-brawl-in-kazakhstan-sparks-anti-armenian-unrest/>; Bar Brawl Death Touches Off Caustic Ethnic Tension Debate in Kazakhstan, The Diplomat, 8.1.2019, = <https://thediplomat.com/2019/01/bar-brawl-death-touches-off-caustic-ethnic-tension-debate-in-kazakhstan/>.

² Kazakhstan's Dungan community stunned by spasm of deadly bloodletting, Eurasianet, 10.2.2020, = <https://eurasianet.org/kazakhstans-dungan-community-stunned-by-spasm-of-deadly-bloodletting>; Кордайский погром: дунгане Казахстана в поисках справедливости, Anti-Discrimination Centre, 19.5.2020, = <https://adcmemorial.org/statyi/korday-pogrom/>, Kazakhstan: Trial over deadly ethnic violence leaves bitter taste for Dungans, Eurasianet, 28.4.2021, = <https://eurasianet.org/kazakhstan-trial-over-deadly-ethnic-violence-leaves-bitter-taste-for-dungans>.

ду этническими группами страны существуют различия в реальном или даже воспринимаемом экономическом положении. Некоторые из них более состоятельны или кажутся таковыми, чем другие. Это создает потенциал для конфликта с более бедными представителями большинства населения, особенно в период кризиса. В интервале между нашим первым опросом в 2019 году и вторым в 2024 году Казахстан пережил фазу высокой инфляции, падения покупательной способности и роста цен на недвижимость в результате COVID-19, карантина и войны России против Украины, что привело к росту уровня бедности и еще большему неравенству. Поэтому можно предположить, что в этот период вырос повседневный национализм по отношению к некоторым малым этническим группам, например, это могло способствовать ухудшению настроений среди курдов в 2024 году.

Можно предположить, что весьма заметное ухудшение настроений среди курдов в 2024 году может быть вызвано, например, и разочарованием от того, что в связи с реформой избирательного законодательства и досрочными выборами 2023 года «их» депутат, баллотировавшийся в парламент от АНК в 2021 году, проработал всего два года и не вошел в число пяти представителей АНК, прошедших в Сенат в 2023 году.

Однако вопрос о том, почему, например, чеченцы так пессимистично оценивали будущую политику в отношении национальности в 2019 году, а затем более позитивно в 2024 году, остается открытым, как и результат того, что русские в Алматы сегодня более удовлетворены и уверены в будущем, чем в 2019 году. В конечном ито-

ге следует предположить, что суждения респондентов не только напрямую связаны с этнополитикой в целом, но и отражают их удовлетворенность другими политическими решениями и событиями, затрагивающими их собственную этническую группу. Сюда можно отнести, например, события местного значения, а также решения в области внешней политики и политики безопасности, касающихся «исторической родины», в частности, развитие межгосударственных отношений с Россией, Турцией и Китаем.

Заключение

В зависимости от масштаба анализа результаты нашего опроса показывают либо единство в относительно высоком уровне удовлетворенности государственной политикой в отношении национальности как Нурсултана Назарбаева, так и его преемника Касым-Жомарта Токаева, либо разнообразие, широкий спектр различных суждений – от 30 % негативных до 99 % позитивных.

В реальности различия, конечно, значительно меньше, поскольку этнические группы не были представлены в опросе пропорционально их доле в населении. В действительности доля казахов во много раз больше, и поэтому они бы доминировали в общей картине. Кроме того, различия, вероятно, непропорционально велики, поскольку для опроса было отобрано как можно больше различных этнических групп.

Однако такой отбор позволяет рассматривать различия между этническими группами в большем при-

ближении, как через увеличительное стекло. Только так можно увидеть, например, что, в отличие от суммарного мнения всех «других», осенью 2019 года было очевидно большее число неказахов, которые с осторожностью или даже скептически относились к будущему без Назарбаева. Аналогичным образом, только при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что в 2024 году все еще есть этнические группы, которые позитивно оценивают политику государства в отношении этносов и свои перспективы, в одном из случаев даже более позитивно, чем казахи. С другой стороны, можно выявить и большую неудовлетворенность, которая в противном случае осталась бы скрытой в среднем значении «других».

На вопрос «почему?», стоящий за отдельными оценками, можно ответить только при более пристальном рассмотрении положения отдельных этнических групп. Очевидно, что разнообразие ответов между этническими группами является результатом различий, которые существуют и сегодня в социально-экономическом, историческом и культурном плане, а также, конечно, конкретного опыта, который необходимо детально анализировать в каждом отдельном случае.

И последнее, но не менее важное: представленные здесь результаты – это лишь опрос общественного мнения, сфокусированный на населении Алматы. Включение в анализ других регионов страны, безусловно, сделало бы картину еще более разнообразной.

Таб. 1. Доля анализируемых этнических групп в населении Алматы, абсолютные цифры

	2019 ¹	2024 ²
Total	1.854.656	2.228.677
Kazakhs	1.120.532	1.419.469
Russians	468.059	429.861
Armenians	2.242	2.588
Dungans	10.340	16.756
Kurds	3.941	5.163
Kyrgyz	8.738	8.637
Chechens	2.920	3.695

Таб. 2. Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете государственную политику в отношении этносов в 2019 и 2024 гг.?; средние значения и (ранг) для всех опрошенных этнических групп

Ethnic groups	2019	2024	Difference 2019 to 2024
Kurds	8.89 (1.)	7.22 (6.)	- 1.67
Chechens	8.47 (2.)	8.78 (1.)	+0.31
Kyrgyz	8.26 (3.)	7.23 (5.)	- 1.03
Dungans	7.58 (4.)	6.7 (7.)	- 0.88
Kazakhs	6.89 (5.)	8.25 (2.)	+ 1.36
Russians	6.84 (6.)	7.35 (4.)	+ 0.51
Armenians	6.41 (7.)	7.86 (3.)	+1.45
Total	7.62	7.63	+0.01

¹ <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT306580> (Nicht mehr zugänglich)

² [https://stat.gov.kz/upload/iblock/2cf/ks4ebj3isskltt8acbinap97gfdu05d2/%D0%91-18-07-%D0%93%20\(%D1%80%D1%83%D1%81\)%20%D0%A24.xlsx](https://stat.gov.kz/upload/iblock/2cf/ks4ebj3isskltt8acbinap97gfdu05d2/%D0%91-18-07-%D0%93%20(%D1%80%D1%83%D1%81)%20%D0%A24.xlsx)

Таб. 3. Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете дальнейшее развитие государственной политики в отношении этносов в 2019 и 2024 гг.?; средние значения и (ранг) для всех опрошенных этнических групп

Ethnic group	2019	2024	Difference 2019 to 2024
Kurds	9.46 (1.)	6.57 (6.)	- 2.89
Dungans	7.30 (2.)	6.10 (7.)	- 1.2
Kazakhs	6.99 (3.)	8.06 (2.)	+ 1.07
Armenians	6.88 (4.)	7.81 (3.)	+ 0.93
Russians	6.73 (5.)	6.92 (5.)	+ 0.19
Kyrgyz	6.59 (6.)	7.34 (4.)	+ 0.75
Chechens	6.47 (7.)	8.43 (1.)	+ 1.96
Total	7.30	7.31	+ 0.01

Авторы сборника

Алексеевко Александр Николаевич – ведущий научный сотрудник международного научно-исследовательского центра «Digital social research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбаева, доктор исторических наук, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Аллез Гзавье – ассоциированный исследователь Французского Института исследований Центральной Азии (СЕТОВАС), доктор PhD, г. Париж, Франция.

Ананьева Светлана Викторовна – заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук, доцент, заместитель председателя Научно-экспертной группы АНК города Алматы, г. Алматы, Казахстан.

Ванхемпинг Элина – научный сотрудник Скандинавского института академической мобильности, доктор PhD, г. Хельсинки, Финляндия.

Вежбицки Анджей – заведующий кафедрой восточных исследований Варшавского Университета, доктор политических наук, профессор, г. Варшава, Польша.

Де Леонардис Фабио – приглашенный профессор Шанхайского Университета иностранных языков, доктор PhD, г. Бари, Италия.

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, г. Алматы, Казахстан.

Есенгараев Есет Жемисбекович – ведущий научный сотрудник Института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза, кандидат исторических наук, г. Караганда, Казахстан.

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы, Казахстан.

Мацаберидзе Малхаз – профессор Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, доктор политических наук, г. Тбилиси, Грузия.

Сейдуманов Серик Турарович – генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор социологических наук, профессор, академик НАН РК, г. Алматы, Казахстан.

Тюфекчиоглу Хаяти – профессор отделения социологии филологического факультета Стамбульского университета, доктор социологических наук, г. Стамбул, Турция.

Фармер Эндрю – главный научный сотрудник Института европейской политики окружающей среды (IEEP), доктор PhD, г. Лондон, Великобритания.

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор, председатель Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, Казахстан.

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна – профессор Казахской национальной академии имени Т.К. Жургенова, кандидат исторических наук, член НЭГ АНК г. Алматы, Казахстан.

Шаукенова Зарема Каукеновна – доктор социологических наук, профессор, академик НАН РК, г. Алматы, Казахстан.

Эшмент Беате – научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOiS), доктор PhD, г. Берлин, Германия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сейдуманов С.Т., Шаукенова З.К. Nation-building как объект «Тёмной антропологии»...	10
Алексеевко А.Н. Об истории и перспективах взаимной миграции населения Республики Казахстан и Российской Федерации.....	32
Аллез Г. Попытка квантового анализа «трайбализма».....	46
Ананьева С.В. От идеологической ритуальности – к сопоставительной жанрологии.....	62
Вежбицки А. Этнополитика Казахстана в ловушке мультикультурализма.....	72
Де Леонардис Ф. «Не моя родина: память о Советском Союзе в грузинском политическом дискурсе при президентстве М. Саакашвили.....	88
Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Ванхемпинг Э.Г. Вклад Шайкемелева М.С.-А. в разработку проблем казахской и казахстанской идентичности.....	130
Есенгараев Е.Ж. Идентификационные тенденции и проблемы казахстанского общества.....	153

<i>Мацаберидзе М.</i>	
Европейский вектор грузинской идентичности.....	167
<i>Тюфекчиоглу Х.</i>	
Восприятие широкими кругами турецкого общества турецко-американских отношений в 1950-е годы.....	175
<i>Farmer A.</i>	
Immigration and Attitudes in Great Britain.....	213
<i>Шайкемелев М.С.-А.</i>	
Взаимосвязь воображаемых межкультурных границ с реальными межэтническими противоречиями: в мнениях населения Юга Казахстана.....	231
<i>Шаймерденова М.Д.</i>	
Интеграция образования, науки и культуры в процессе обучения казахстанской молодежи.....	260
<i>Эшмент Б.</i>	
Этнополитика Республики Казахстан в мнениях этнических групп Алматы: сравнительный анализ социологических опросов.....	273
Авторы сборника.....	296

Научное издание

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОСАЯСАТ ЖӘНЕ БІРЕГЕЙЛІК

Халықаралық ғылыми-практикалық
конференцияның еңбектер жинағы

1 бөлім

ЭТНОПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ

Сборник трудов международной
научно-практической конференции

Часть 1

Дизайн обложки: *Б. Леспек*

Верстка: *Ж. Рахметова*

Подписано в печать 28.11.2024.
Тираж 500 экз. Формат 170x240 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,75.

Отпечатано в типографии ИП «ИМПУЛЬС»
г. Каскелен, улица ҚР Тәуелсіздігіне 10 жыл, дом 35.